

61:85-10/1096-8

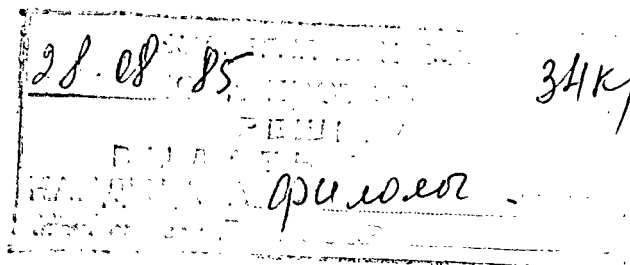
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

УДК 800.892

Колкер Борис Григорьевич

ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА
В ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭСПЕРАНТО

34к/12

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность: 10.02.19 – общее языкознание

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор М.И. Исаев

М.И.

Москва – 1985

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ЭСПЕРАНТО . .	14
1. Структура и проблемы интерлингвистики.	14
2. Основные структурные принципы эсперанто.	20
3. Русский язык – один из основных источников эсперанто.	27
4. Развитие эсперанто	34
ГЛАВА 2. ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗВУКОВОЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЭСПЕРАНТО	43
1. Фонология, фонетика, графика	43
2. Морфемика.	49
3. Аффиксация	55
4. Словосложение.	70
5. Морфология	81
5.1. Парадигматические классы.	81
5.2. Существительное	86
5.3. Прилагательное.	87
5.4. Глагол.	88
5.4.1. Лицо и число	88
5.4.2. Время.	89
5.4.3. Вид.	91
5.4.4. Наклонение	97
5.4.5. Категория переходности–непереходности. . .	98
5.4.6. Залог.	100

5.4.7. Причастие	I02
5.4.8. Деепричастие.	I04
5.5. Местоимение.	I04
5.6. Наречие.	I05
5.7. Система коррелятивных слов	I06
5.8. Числительное	I08
5.9. Предлог и союз	I09
6. Синтаксис	II2
ГЛАВА 3. ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКУ ЭСПЕРАНТО	II8
1. Формирование и обогащение эсперантской лексики. . .	II8
1.1. Особенности эсперантской лексики	II8
1.2. Русская лексика в первых эсперантских словарях	I22
1.3. Обогащение эсперантской лексики.	I25
2. Классификация эсперантской лексики по ее общности с русским языком.	I28
3. Семантика	I41
4. Фразеология	I52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	I56
ЛИТЕРАТУРА.	I60

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена роли русского языка в формировании и развитии международного вспомогательного языка эсперанто и является первой попыткой проанализировать эту проблему на обширном фактическом материале всех уровней языка.

Актуальность исследования.

Одним из отличительных признаков современного языкознания является обостренное внимание к проблемам конвергенции: языковым контактам, взаимовлиянию и взаимообогащению языков, интерференции, интернациональному лексическому фонду, универсалиям. Отсюда интерес к русскому языку в функциях языка международного общения и одного из мировых языков и к благотворному влиянию, которое он оказывает на развитие других языков. В наше время повышается также интерес к проблемам соотношения стихийного и сознательного в языке, языкового строительства, терминологии, языкового моделирования. Настоящее исследование проводилось в русле этих направлений, имеющих как теоретическое, так и практическое значение, и опирается на достижения современной интерлингвистики.

Функционирующие искусственные (плановые) международные вспомогательные языки заслуживают внимания языкознания, ибо они "наряду с естественными языками формируют объективно существующую языковую ситуацию современного мира" (С.Н. Кузнецов) [79, с. 42], ибо рассмотрение принципиальных вопросов построения вспомогательных языков — это, по существу, рассмотрение наиболее существенных проблем языкознания вообще"

(О.С. Ахманова и др.) [13, с. 23], ибо эсперанто "представляет огромный теоретический интерес как массовый лингвистический эксперимент, проводимый на протяжении большого отрезка времени" (Е.А. Бокарев) [20, с. 17].

Вопросами планового международного языка занимались и занимаются в нашей стране многие лингвисты, известные исследованиями в различных областях языкознания: И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт, Ю.В. Юшманов, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Л.И. Жирков, Я.В. Лоя, Е.А. Бокарев, Г.Г. Севак, М.И. Исаев, В.П. Григорьев, О.С. Ахманова, П.А. Аристэ, С.Н. Кузнецов, А.Д. Дуличенко, Н.Д. Андреев и др. Этими вопросами интересовались представители многих лингвистических направлений за рубежом: Ф. де Соссюр, Ш. Балли, М. Бартоли, М. Бреаль, Ж. Вандриес, Э. Вюстер, В. Георгиев, А. Дебруннер, О. Есперсен, У. Коллинсон, Б. Коллиндер, М. Коэн, А. Мартине, А. Мейе, Б. Мильборини, М. Мюллер, М. Пей, Э. Сепир, Н.С. Трубецкой, К. Фосслер, Г. Шухардт и др. Плановый язык был предметом обсуждения на 2-ом и 6-ом международных конгрессах лингвистов [12]. Проблемам интерлингвистики посвящено большое количество исследований, укажем лишь основные библиографии [43; 190; 212; 219]. По интерлингвистической тематике защищаются диссертации [80; 113; 124; 145; 180].

Наша страна известна своими интерлингвистическими традициями. Она была родиной широко известных лингвопроектов эсперанто и идиом неутраль. В ней жили выдающиеся интерлингвисты: Л.М. Заменгоф [130; 140; 161; 201; 211], В.К. Розенбергер, Э. Валь, И.А. Бодуэн де Куртенэ [28], Э.К. Дрезен [41], Е.А. Бокарев [53, 105].

Говоря в 1966 г. о современном состоянии интерлингвистики, В.П. Григорьев подчеркнул: "Чем скорее и более полно советское языкознание разработает общую теорию интерлингвистики, тем активнее и существеннее будет его роль в решении этой подлинно интернациональной и интернационалистической задачи" [32, с. 46]. В 1976 г. он отмечал достигнутые к тому времени успехи и указывал на организационные трудности: немногочисленность публикаций, отсутствие вузовских пособий и дипломированных специалистов по интерлингвистике [29, с. 35, 46].

С тех пор положение заметно изменилось к лучшему. 18 октября 1973 г. Президиум АН СССР принял постановление, в котором говорится: "Поручить Отделению литературы и языка АН СССР и Институту языкознания АН СССР изучить вопрос о вспомогательном языке международного общения, возможностях его использования в современных условиях" [105, с. 4]. На основании этого постановления в Институте языкознания АН СССР была создана и успешно работает под руководством проф. М.И. Исаева (автора ряда принципиальных работ по современной интерлингвистике) проблемная группа интерлингвистики [55, с. 22], которая проводит обсуждение актуальных вопросов, готовит сборники статей и имеет аспирантуру. Издано вузовское пособие по интерлингвистике С.Н. Кузнецова [78]. В последние годы читались спецкурсы интерлингвистики в университетах Москвы (университет дружбы народов им. П. Лумумбы), Уфы, Тарту, Вильнюса, Самарканда. Пишутся студенческие дипломные и курсовые работы, работают секции интерлингвистики в рамках студенческих научных конференций. Тартуский университет регулярно выпускает под руководством проф. А.Д. Дуличенко сборники статей по интерлингвистике.

Несмотря на относительно высокий уровень развития современной интерлингвистики, специалистами отмечается недостаточная разработанность вопросов взаимоотношения плановых языков (прежде всего, эсперанто) и национальных языков [124]. По этому поводу А.Д. Дуличенко пишет: "Вопрос этот, важный и с теоретической, и с практической точки зрения, должен тщательно обсуждаться" [40, с. 82]. Сопоставление эсперанто с национальными языками может иметь целью наглядно вскрыть структуру обоих языков [80; 117; 124; 179; 210], выявить их генетическую общность [56; 57; 98; 106; 119; 141; 142; 147; 149; 152; 157, с. 205-232; 173] или выявить интерференцию у носителей эсперанто определенной страны [150; 163]. Такое сопоставление может помочь общему языкознанию лучше понять сущность таких феноменов, как плановый международный язык, языковые контакты, соотношение стихийного и сознательного в языке.

Вопрос о вкладе славянских языков, и в частности русского, в формирование и развитие эсперанто принадлежит к одной из самых неразработанных областей в интерлингвистике. Ему посвящены лишь несколько статей зарубежных исследователей М. Дюк Гониаза [141; 142], Д. Грегора [152] и В. далл'Аква [106]. Мимоходом он затрагивается в работах ряда авторов, в отечественной литературе лишь в книге М.И. Исаева "Язык эсперанто" [55]. Опубликованные труды способствовали выполнению задач настоящего исследования.

Новизна исследования.

До настоящего времени считалось, что эсперанто состоит из элементов западноевропейских языков. В результате проведенного исследования получен следующий основной вывод: эсперанто

является функционирующим языком, созданным из элементов интернационального фонда мировых языков Европы, отобранных чаще всего в форме, которую они получили в русском языке, при значительном непосредственном вкладе русского языка во все уровни, особенно в фонологию, лексическую и деривационную семантику, словообразовательные, морфологические и синтаксические модели.

Исследование опирается на следующие принципиальные положения:

I. Характер заимствования в плановом языке отличается от характера заимствования в этническом языке: первое ориентируется на интернациональность, второе — не всегда. Вследствие принципиального различия в происхождении этих языков принципиально различна и их этимология. Заимствованное слово этнического языка имеет обычно лишь один этимон в каком-либо языке. Эсперантская лексика основывается не на словах, заимствованных из отдельных языков (хотя и такое имеет место), а на словах, заимствованных из интернационального фонда. Этот фонд состоит из слов, общих мировым европейским языкам, которые варьируют по звуковой и графической форме и семантике. Поэтому эсперантское слово чаще всего представляет собой медиализированный инвариант слов-образцов, близких по форме и семантике, т.е. слово заимствуется в эсперанто, если оно опознаваемо носителями как можно большего числа языков — источников интернационального фонда, которые одновременно являются основными языками — источниками эсперанто. При этом принцип близости формы доминирует над принципом близости семантики: важно, чтобы несмотря на семантический сдвиг (ведь семантиче-

ские поля в разных языках редко совпадают полностью), семантическая общность эсперантского слова и его образцов в языках-источниках сохранялась.

Поэтому в настоящей работе используется не понятие этимона, а интерлингвистическое понятие образца, которое применимо только к плановому международному языку (а не к этническому) и определяется как слово языка-источника близкое по форме и семантике. Из этого следует принцип множественности интерлингвистической этимологии (который, кстати, не чужд и этническим языкам, когда речь идет о заимствовании интернационализмов [3, с. 160-161]): эсперантское слово, чтобы быть понятным носителям разных языков, обычно имеет не один образец, а ряд образцов, варьирующих по форме и семантике, в разных языках-источниках.

2. Под вкладом национальных языков в плановый язык эсперанто здесь имеется в виду генетическая и генетико-типологическая общность эсперанто с его языками-источниками. Под генетической общностью понимается сознательный отбор элементов и моделей. Под генетико-типологической общностью понимаются подобные явления, когда о сознательном отборе нет очевидных доказательств. Чаще всего они основываются на интерференции, ставшей фактом языка. В плановом языке эти виды общности часто трудно отделить друг от друга.

3. В настоящей работе анализируется только общность эсперанто с русским языком, причем обычно не оговаривается, что то или иное эсперантское слово или элемент структуры может одновременно иметь образцы или аналоги в других языках. При этом каждое слово, употребляемое в русской речи, нами рассма-

тривается как слово русского языка, независимо от его происхождения и сферы употребления, т.е. учитываются архаизмы, узкие термины и слова, лишь начинающие входить в язык.

4. При анализе общности лексики русского языка и эсперанто в данной работе учитывается не весь лексический корпус эсперанто (что невозможно практически, трудно мыслимо теоретически и не имеет ни теоретической, ни практической ценности), а его ядро – пласт наиболее употребительной лексики, которая покрывает около 95% любого неузкоспециализированного текста.

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить и показать органический вклад русского языка во все ярусы эсперанто.

Данная цель предполагала постановку и решение следующих задач:

1. Систематически сопоставить элементы и модели эсперанто и русского языка.

2. Выявить в деталях генетическую и генетико-типологическую общность обоих языков.

3. Показать, что эсперанто не копирует слепо языки-источники, а обладает своеобразной структурой и почти неограниченно продуктивными моделями.

4. Показать, что эсперанто, как и любой функционирующий язык, развивается, причем это развитие имеет свои особенности.

В соответствии с целью и задачами диссертации на защиту выносятся следующие положения:

1. Эсперанто, благодаря столетнему практическому использованию в большом международном коллективе, превратился в самоорганизующуюся систему, принципиально близкую системам живых этнических языков.

2. Генетическая общность планового языка эсперанто с его языками-источниками означает, что плановый язык сознательно сконструирован на их основе и не является новой ступенью в процессе их естественной эволюции. Эта связь сопоставима с отношением этнического языка к языкам - источникам его заимствований. С другой стороны, эсперанто не является слепком языков-источников, а обладает оригинальной структурой, позволяющей ему развиваться автономно, по собственным закономерностям.

3. Вклад русского языка во все уровни структуры эсперанто очень значителен, вследствие чего структуры обоих языков близки друг другу. Этот вклад происходил путем отбора элементов как непосредственно из русского языка, так и из интернационального фонда в том виде, как они отразились в русском языке.

4. Общность эсперанто с русским языком в пласте наиболее употребительной лексики, по нашим наблюдениям, составляет 58,8%. Влияние русского языка на семантику и фразеологию эсперанто также очевидно, хотя и трудно измеримо.

5. В процессе развития эсперанто наблюдается тенденция к европейскому усреднению форм и к выходу из употребления производных и сложных слов, характеризующихся значительной идиоматичностью, прежде всего тех, которые пришли под влиянием русского языка в период формирования эсперанто.

Теоретическое значение работы состоит в исследовании таких малоизученных вопросов, как установление генетической и генетико-типологической общности планового языка с этническим, определение принципов создания коммуникативно реализовавшегося полифункционального планового языка, пределы конвергенции языков, эволюция планового языка, преломление категорий струк-

туры этнического языка в структуре планового языка.

Практическое значение работы. Результаты проведенного анализа могут быть использованы при чтении курса общего языкознания и спецкурса интерлингвистики, для рационализации пособий и методики преподавания эсперанто носителям русского языка. Они могут быть также полезны для прогнозирования влияния русского языка, как языка межнационального общения, на другие языки народов СССР.

Материалы исследования. Основные труды, на которые опирается диссертационная работа:

1. Наиболее важные отечественные работы по интерлингвистике И.А. Бодуэна де Куртене, Е.А. Бокарева, М.И. Исаева, В.П. Григорьева, Э.К. Дрезена, А.Д. Дуличенко, С.Н. Кузнецова.

2. Фундаментальные работы по эсперантологии: "Полная аналитическая грамматика эсперанто", "Полный иллюстрированный словарь эсперанто", "Девятиязычный этимологический лексикон", "Базовый официальный корнеслов эсперанто", "Эсперанто-русский словарь" Е.А. Бокарева, "Русско-эсперантский словарь" под ред. Е.А. Бокарева, "Полное собрание сочинений Л. Заменгофа".

3. "Русская грамматика". Тома I и 2. - М.: Наука, 1980.

4. Вышеупомянутые работы М. Дюк Гюиназа, Д. Грегора и В. далл'Аква, близкие к теме диссертации.

Остальные работы указаны в списке литературы.

Метод исследования. В целях выявления генетической и генетико-типологической общности эсперанто с русским языком исследование проводилось путем систематического сопоставления элементов и моделей обоих языков. Этот метод интерлингвистики можно назвать сопоставительно-генетическим.

Апробация работы и публикации. Основное содержание и отдельные части исследования излагались на заседаниях проблемной группы интерлингвистики Института языкознания АН СССР, на межвузовском семинаре в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября (1978 г.), на I-ой международной эсперантологической конференции в Варне (1978 г.), на конференции аспирантов и молодых ученых в Институте языкознания АН СССР (октябрь 1981 г.), на всесоюзных слетах эсперантистов. Основное содержание диссертации отражено в четырех публикациях.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются принципиальные положения и исходные понятия, на которых основывается работа, выдвигаются цель и задачи диссертации, указывается на теоретическое и практическое значение работы, а также на материалы и метод исследования.

В первой главе рассматриваются структура и проблематика интерлингвистики, основные структурные принципы эсперанто, социальные условия воздействия русского языка на процесс формирования и развития эсперанто.

Во второй главе систематически описывается вклад русского языка во все уровни звукового и грамматического строя эсперанто.

Третья глава посвящена характеристике вклада русского языка в лексику, семантику и фразеологию эсперанто.

В заключении приводятся общие итоги исследования.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ЭСПЕРАНТО

I. СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Социальный, экономический, научно-технический прогресс в развитии многонационального человечества непрерывно обостряет проблему общения между носителями разных языков [37; 78, с 4]. В последнее время это особенно ощущается в области информационного обеспечения науки, где все чаще предлагается использование эсперанто [6; 7; 16; 19; 63; 81; 85; 137; 156; 158; 170; 209].

В связи с повышенным интересом к вопросам преодоления языкового барьера [74, с. 266-286], рационализации человеческого общения [9; 128; 217] и соотношения стихийного и сознательного в языке [21], в связи с успехами в области социолингвистики [102], терминологии [27], структурной, прикладной и математической лингвистики [23], кибернетики и семиотики [51] исчезает предубеждение против разного рода искусственных языков, в том числе и планового языка международной коммуникации (термин Э. Вюстера [233, с. 210]).

Примечательно, что самую возможность сознательного языко-творчества научно предвидели еще К. Маркс и Ф. Энгельс, которые писали: "Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода" [1]. Д. Бланке считает, что в данном контексте слово "контроль" употреблено в значении "управление" [123, с. 125].

В глобальной межъязыковой коммуникации в настоящее время

функционируют два типа языков: международные естественные ("мировые") и международные искусственные ("плановые") языки. Поскольку первичной функцией плановых языков является функция языка-посредника, их называют вспомогательными языками, подразумевая под этим, что они не стремятся к замене этнических языков [48, с. 3; 55, с. 9; 78, с. 10]. М.И. Исаев говорит о том, что вспомогательный язык не противопоставляется ни национальным, ни межнациональным, ни мировым языкам, а также специализированным кодам и знаковым системам [55, с. 11; 160, с. 214-215]. Языки всех этих типов являются компонентами существующей ныне мировой языковой ситуации, и каждый подлежит научному исследованию.

Путь от проекта планового языка к его реализации в общественной практике очень сложен. Его смогли пройти лишь несколько систем. Плановые языки, не получившие реализации, называются потенциальными, а получившие ее - коммуникативно реализованными или реальными системами планового языка [76, с. 19; 77, с. 4; 78, с. 6; 79, с. 42]. Интерлингвистику интересуют прежде всего реальные плановые языки, а из них - главным образом эсперанто, единственный полифункциональный плановый язык: "В настоящее время эсперанто выступает, безусловно, как развитый литературный язык, по ряду параметров сопоставимый с национальными языками" [76, с. 26]. Экспрессивная функция эсперанто, культурный потенциал этого языка стали предметом ряда исследований [20, с. 15; 70; 80; 116; 151; 220].

Термин "интерлингвистика" впервые употребил Ж. Мейсманс в 1911 г. [184], но он утвердился благодаря О. Есперсену (1931 г.). Существует множество определений интерлингвистики, обзору

которых посвящены специальные работы [122; 214]. Одним из наиболее удачных представляется определение С.Н. Кузнецова:

"Раздел языкознания, изучающий межъязыковое общение и международные языки как средство такого общения" [77, с. 3]. Мы определяем интерлингвистику как раздел языкознания, исследующий приемы построения плановых международных языков, а также функционирование национальных и плановых языков в системе международной коммуникации [65, с. 12; 67, с. 18].

Обычно интерлингвистика включается в языкознание, а ее предметом признаются международные языки непосредственной человеческой коммуникации. Иного взгляда придерживается О.С. Ахманова, считающая интерлингвистику разделом семиотики, а ее предметом — различные вспомогательные языки от международных языков типа эсперанто до формализованных языков математики, логики и кибернетики [10, с. 179; 11, с. 24–25].

Интерлингвистика находится на пересечении двух обширных сфер человеческой деятельности. Первую можно назвать "интернациональное в языке и в обществе", вторую — "конструктивная семиотика", которая включает, с одной стороны, создание разного рода знаковых систем, включая плановые и формализованные языки, а с другой стороны, языковое строительство, литературную и терминологическую обработку языка. Отсюда обширные связи интерлингвистики с многими отраслями науки и другими видами человеческой деятельности. С.Н. Кузнецов сужает эти сферы и включает в них соответственно: 1/ социолингвистику, сравнительно-историческое языкознание, лингвистическую типологию и др., 2/ общую теорию языкового моделирования и языкового планирования [78, с. 6–7], а В. Ари еще больше сужает их и назы-

вает контактологию и языковое моделирование [113, с. 2].

Основываясь на делении лингвистики Ф. де Соссюром, следует отличать общую интерлингвистику от частной, внешнюю от внутренней, синхроническую от диахронической. Таким образом схематически выделяются восемь разделов интерлингвистики, рассматривающие проблему международного языка в различных аспектах. Не все эти разделы имеют одинаковую ценность и не все одинаково разработаны. В некоторых работах может сочетаться рассмотрение принадлежащих к разным разделам вопросов.

Укажем вкратце компетенцию каждого из этих разделов:

1. Внешняя общая синхроническая интерлингвистика:

- мировая языковая ситуация,
- многоязычие и пути преодоления языкового барьера,
- соотношение стихийного и сознательного в языке,
- типы международных языков (естественные и искусственные),
- взаимовлияние языков и образование интернационального фонда,
- обобщение опыта функционирования международных языков.

2. Внешняя частная синхроническая интерлингвистика:

- функционирование отдельных международных языков.

3. Внешняя общая диахроническая интерлингвистика:

- динамика мировой языковой ситуации,
- прогнозирование мировой языковой ситуации - ближнее и дальнее,
- развитие идеи международного языка.

4. Внешняя частная диахроническая интерлингвистика:

- история появления, распространения и функционирования отдельных международных языков.

5. Внутренняя общая синхроническая интерлингвистика:

- исследование этнических языков с целью выявления интернационального фонда и элементов построения плановых языков,
- разработка общих принципов лингвопроектирования,
- общая коммуникативная теория плановых языков,
- типология плановых языков,
- сопоставление этнических и плановых языков,
- сопоставление плановых языков.

6. Внутренняя частная синхроническая интерлингвистика:

- проектные и коммуникативные теории отдельных плановых языков, и прежде всего, эсперантология как теория планового языка, получившего наибольшую реализацию.

7. Внутренняя общая диахроническая интерлингвистика:

- систематическое сопоставление структуры плановых языков по мере их появления.

8. Внутренняя частная диахроническая интерлингвистика:

- эволюция эсперанто.

Вопросы, касающиеся изучения плановых языков, объединяются в наиболее важную подотрасль интерлингвистики — плановую лингвистику. Иногда под плановой лингвистикой имеют в виду то, что О.С. Ахманова называет интерлингвистикой.

Дальнее прогнозирование мировой языковой ситуации, в частности, вопрос о всеобщем (едином) языке далекого будущего, находится на периферии интерлингвистики и нередко не считается компетенцией интерлингвистики [14, с. 215-226; 30; 41, с. 108-113; 54, с. 31, 34; 55, с. 10; 78, с. 18; 94]. Не следует смешивать проблему международного языка сегодняшнего дня и проблему всеобщего языка будущего, о чем предупреждал Л. М. Заменгоф еще в конце прошлого века [249, с. 79].

Типологически плановые языки подразделяются, на основании степени их соотнесенности с этническими языками, на три типа: априорные (не основанные на национальных языках), апостериорные (основанные на лексических и структурных элементах национальных языков) и смешанные. В свою очередь, апостериорные языки делятся на автономные (эсперанто, идо, новиаль), в которых доминирует принцип регулярности, а принцип интернациональности соотносится, в основном, с уровнем морфем, и на натуралистические (интерлингва, окциденталь), в которых, в ущерб регулярности, доминирует принцип интернациональности на уровне слов, т.е. в синтагматике морфем. Эту классификацию детализировал С.Н. Кузнецов [75].

В связи с тем, что только эсперанто достиг высокого уровня развития и распространения, в последнее время частная интерлингвистика ассоциируется, в основном, с теорией эсперанто — эсперантологией. Этот термин впервые употребил в 1911 г. К. Оссака [192, с. 45], но он стал известен лишь после его повторного введения Э. Вюстером в 1921 г. [233, с. 211-212].

Особенностью планового языка, в отличие от этнического, является то, что вначале появляется его теория ("проектная теория"), а уже на ее основе создается язык. Но, единственный из всех плановых языков, эсперанто получил такую реализацию и развитие в процессе коммуникации, что в его структуре и функционировании обнаруживаются процессы и явления, не предусмотренные проектной теорией. Теория планового языка, основанная на наблюдении за функционированием языка в реальной коммуникации, называется коммуникативной [79, с. 45].

2. ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭСПЕРАНТО

Из почти тысячи проектов планового языка [39, с. 116] эсперанто получил наибольшее распространение, что объясняется рядом экстралингвистических и внутрискруктурных факторов [45; 126]. Среди последних особо важно сочетание принципов интернациональности и регулярности. О трудности совмещения этих принципов говорил сам автор эсперанто Л.М. Заменгоф, упоминая критические замечания некоторых из первых адептов его языка:

"Один жалуется, что из-за интернациональности я грешу против регулярности и экономичности слов, другой жалуется, что из-за экономичности я слишком грешу против интернациональности и точности" [243, с. 177].

Нередко отмечают и другие структурные принципы эсперанто. Так, Ш. Балли говорит о логичности и гибкости [205, с. 17], а К. Пич - о системности, схематизме, отсутствии исключений, простоте, краткости и рациональности [114, с. 96]. Но это либо синонимы регулярности, либо производные от принципа регулярности.

Иногда интернациональность понимается глобально. Так, К. Пирон утверждает, что эсперанто характеризуется романской и германской лексикой, славянским синтаксисом и агглютинативной морфологией, свойственной неиндоевропейским языкам [194, с. 125]. Подобные утверждения встречаются и у других авторов [38, с. 76; 142, с. 31; 152, с. 21].

Эсперанто основан на интернациональных языковых элементах (интернационализмах), прежде всего, лексических [4, с. 60]. Наиболее удачное определение интернационализма дал С.Н. Кузнецов: "Общий элемент (лексический или грамматический) нескольких

мировых языков, усвоенный ими в силу генетической общности или взаимных культурных влияний" [77, с. 43]. Полные интернационализмы разных языков совпадают по звуковой или графической форме (и то, и другое бывает очень редко) и по семантике. В сущности, в данном случае речь идет о европеизмах, которые очень многочисленны. В.В. Акуленко говорит о своей картотеке, отражающей "свыше 6500 изоглосс интернационализмов и псевдоинтернационализмов, которые объединяют русский, английский, немецкий и французский языки и встречаются в пределах 60 тысяч более распространенных слов каждого языка" [3, с. 7].

В.В. Акуленко отмечает также, что понятие интернационализма стало одним из центральных понятий в интерлингвистике, а затем вошло в компетенцию общего языкознания [3, с. 4]. Заменгоф осознавал, что он шел непроторенным путем: "Идиом неутраль и проект Моленара я знаю. Обоим авторам я мог бы ответить, что создателем принципа "интернациональность слов" были не они, а я: поэтому они должны понять, что если в том или ином случае я взял слово не интернациональное, то сделал это не без достаточных оснований" [247, с. 44]. В.П. Григорьев считает, что опыт интерлингвистики используется пока совершенно недостаточно в изучении интернационализмов [32, с. 46].

Говоря об источниках эсперанто, обычно утверждают [106; 142; 152], что вклад славянских языков, и в частности русского, невелик, а Ф. Модриян [188] говорит даже о том, что эсперанто состоит не из элементов разных языков, а преимущественно из элементов латинского языка. Необходимо, однако, подчеркнуть, что эсперанто основан не на отдельных языках, а на интернациональном фонде мировых языков Европы: французского,

английского, немецкого и русского. Мысль о том, что эсперанто основан на интернациональном фонде, Заменгоф подчеркивал неоднократно [48, с. 7-8; 243, с. 155; 246, с. 73; 251, с. 10, 18]. По 15-му правилу "Фундаментальной грамматики" полные интернационализмы автоматически являются потенциальными словами эсперанто. Некоторые элементы Заменгоф почерпнул из латинского, древнегреческого, итальянского и польского языков. Спорадически в эсперанто встречаются и элементы других языков [131; 147; 148; 222]. Эсперанто — это не столько отражение европейской языковой ситуации, сколько отражение языковой картины, существовавшей в сознании Заменгофа.

Говоря о полных интернационализмах, нет возможности определить, из какого именно языка эсперанто взял, например, корни: *plan-*, *sport-*, *spektakl-*, *telefon-*, *tabak-*, *teatr-*, *vagon-*, ибо они существуют во всех основных европейских языках; следовательно, их источником можно считать все основные европейские языки вместе (т.е. интернациональный фонд) и каждый из них в отдельности, т.е. в эсперанто доминирует принцип множественности этимологии. При отсутствии полных интернационализмов для каких-либо понятий включались элементы, существующие в двух или в одной языковой группе или даже в одном языке.

По историческим причинам наибольшее число интернационализмов восходит к латинскому языку, который непосредственно или через романские языки оказал большое влияние на германские и славянские языки. Поэтому утверждение Ф. Модрияна верно лишь с той точки зрения, что к латинскому языку восходит дальняя этимология большинства интернационализмов эсперанто.

Однако изоглоссы интернационализмов далеко не всегда

проходят по всем мировым языкам Европы. Поэтому в формировании эсперанто русский язык играл роль решающего контрольного языка, т.е. языка-оформителя: в эсперанто вошли прежде всего европейские, ставшие элементами русского языка, и чаще всего в форме, которую они приобрели в русском языке. Эту важную роль русский язык сыграл, в частности, благодаря такому своему преимуществу перед другими мировыми языками Европы, как близость орфографических и орфоэпических норм. Заимствованных и интернациональных слов в русском языке очень много. Как пишет Ю.Д. Дешериев, "мы не располагаем словарем, в котором были бы собраны все слова, заимствованные русским языком из других языков. Если бы такой словарь был создан, то он состоял бы из многих томов" [36, с. 149]. По мнению Г. Варенгъена, для эсперанто интернациональные слова — это "те, которые имеют производные в немецком или в польском или в русском языке" [162, с. 117].

При создании проектов идиом неутраль, идо, интерлингва русский язык тоже был в числе контрольных языков, но среди них он стоял на последнем месте, а решающими (приоритетными) контрольными языками были романские. Поэтому роль русского языка как контрольного в таком крайне натуралистическом языке как интерлингва практически была сведена к нулю. Чтобы проиллюстрировать разницу в принципах отбора лексики, приведем ряд слов эсперанто и интерлингвы соответственно, который показывает гораздо более значительную близость эсперантской лексики к русской: bankroto — banca-rupta, barakti — se debatter, brovo — supercilio, buljono — bouillon, celo — scopo, ĉapo — bonnetto, ĉerpi — haurir, difekti — deteriorar, emocii — emover, enketo — inquesta, gladi — repassar, grafo — conte, gvardio — guarda,

harpuno - harpon, hobojo - hoboe, ĥoro - chor, juna - juvene, klapo - valva, kolbaso - salsicia, krom - escepte, kuraĝo - corage, kuŝi - cubar, linio - linea, nacio - nation, ne - non, nepre - infallibilimente, okazi - evenir, paletro - paletta, partio - partito, pejzaĝo - paysage, pensio - pension, prava - juste, sensacio - sensacion, ŝnuro - corda, vakso - cera.

Итак, эсперанто - гармоничная система, основанная на общеевропейском языковом фонде, с привлечением элементов, отсутствующих в этом фонде. Поскольку общемирового интернационального фонда практически не существует, несостоятельна критика эсперанто в том, что он не учитывает неевропейскую лексику [94, с. 136]. Такой гетерогенный конгломерат был бы лишен интернациональности, о чем свидетельствуют попытки создать плановый язык на основе большого числа разнородных языков [189, с. 30]. В проектах супергетерогенного типа "опознаваемость лексики практически равна нулю" [75, с. 78], и они, основываясь на апостериорных элементах, приобретают черты априорности [42, с. 122]. Отсутствие гомогенности, может быть, и несущественно для языка-посредника машинного перевода [5], но не для международного языка непосредственного общения. В этом были убеждены Заменгоф ("Вследствие этого язык много потерял бы, став совершенно непонятным" [251, с. 51]) и И.А. Бодуэн де Куртенэ ("На это можно возразить, что в этой международной, в этой апостериоричности, в этом компиляторстве, в этом отыскании элементов, общих всем языкам, надо соблюдать известную меру" [17, с. 158]). Диссонансом звучит мнение Э.П. Сवादоста, что следует "привлечь в качестве сырья для общечеловеческого языка как можно больше языков земного шара" [94, с. 234].

Однако принцип интернациональности не является фетишем в эсперанто, как это имеет место в идо [172], окцидентале [183, с. 20-33], интерлингве [121]. При необходимости он приносится в жертву принципу регулярности [205, с. 10], который позволяет ввести язык к небольшому числу исходных элементов с простыми правилами их сочетания. О важности принципа регулярности для планового языка писал М. Мюллер: "Искусственный язык может быть значительно правильнее, совершеннее и легче для изучения, чем какой бы то ни было из естественных языков человечества" [44, с. 75]. Заменгоф так описывал процесс своей работы над формированием основ планового языка: "Взяты самые известные слова арийских языков и очень осторожно препарированы так, чтобы они соответствовали совершенно регулярной грамматике, орфографии и практической применимости, и чтобы слова и формы не пришли в столкновение друг с другом" [246, с. 165].

Применением принципа регулярности объясняются многие особенности эсперанто: довольно большое число слов нероманского происхождения; семантические пары, восходящие к одному первоисточнику; агглютинативный характер формо- и словообразования, коррелятивные слова, система личных местоимений, система количественных числительных; модели аффиксации и словосложения, не знающие исключений; некоторые аффиксы, образованные по аналогии; формы причастий, аналитические формы глаголов, один артикль для всех случаев, прозрачность синтаксической структуры, фиксированное ударение, нейтрализация морфологических категорий лица и числа в глаголе и т.д.

Чаще всего речь идет о том, что называется заполнением пустых клеток: какие-то элементы национальных языков берутся

в качестве основы для модели, которая распространяется на все аналогичные случаи без исключения. Почти неограниченная наполняемость моделей в подструктурах языка позволила эсперанто стать автономным, т.е. независимым от других языков, и очень богатым производными элементами вследствие того, что на возможности комбинаторики накладываются, в основном, лишь семантические ограничения и почти не накладываются ограничения, постулируемые узусом.

Автономность и богатство производными элементами объясняются, прежде всего, тем, что в эсперанто (в отличие от натуралистических плановых языков) апостериорны морфемы, а не слова; последние образуются сочетанием морфем, которые по своей форме напоминают как можно больше морфем европейских языков [162, с. 117]. Поэтому идеал легкости изучения языка различен в натуралистических и в автономных системах. Для первых он заключается в непосредственной понятности (пассивное знание языка), для вторых — в быстроте овладения механизмом функционирования языка (активное владение языком). Благодаря высокой сочетаемости морфем число потенциальных слов в эсперанто (обладающих как грамматической, так и семантической отмеченностью) чрезвычайно велико. Заменгоф признавал важность автономности эсперанто и для укрепления его внутренней стабильности: "Полностью автономная жизнь нашего языка, с его абсолютно собственным, не заимствованным и не имитированным своеобразием, все больше и больше укрепляется таким образом, как будто бы все эсперантисты мира живут вместе на маленьком участке земли [245, с. III].

Некоторые проявления принципа регулярности будут рассмотрены ниже в связи с воздействием русского языка на эсперанто.

3. РУССКИЙ ЯЗЫК – ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭСПЕРАНТО

Создатель основ эсперанто Л.М. Заменгоф родился и прожил всю жизнь в России, точнее, в польской части Российской империи. Русский язык был для него родным, на нем он общался, учился, большей частью читал, писал. Вот свидетельства самого Заменгофа: "Языком моего родительского дома был русский язык" [242, с. 274]; "Мой родной язык – русский" [242, с. 288]; "Больше всего я любил тот язык, на котором я воспитывался, т.е. русский язык; я изучал его с самым большим удовольствием; я мечтал когда-нибудь стать большим русским поэтом... Я свободно говарю только на трех языках: русском, польском и немецком" [242, с. 32]; "Свободно переводить я могу только с языков русского, польского, немецкого или французского" [247, с. 47]; "Разумеется, я могу переводить только статьи из тех журналов, язык которых я хорошо понимаю (по-русски, польски, немецки, французски и, частично, английски)" [238, с. 244]. Стоит обратить внимание, в каком порядке Заменгоф перечисляет языки. А вот что говорят его биографы: "Будучи еще моложе, Заменгоф уже писал стихи на русском языке" [201, с. 40]. "Вслед за своим отцом, он любил русский язык и русскую культуру и восхищался ими" [161, с. 12]. Заменгоф не упоминает свободного владения языком идиш, очевидно, потому, что в то время он был, в основном, разговорным языком.

Детство Заменгофа прошло в Белостоке, где преобладало еврейское население. Кроме евреев, здесь жили поляки, русские, немцы, литовцы и татары [181, с. 20]. Национальная рознь, по-

догреваемая политикой "разделяй и властвуй" царского режима, пробудила у юного Заменгофа идею о международном языке [249, с. 28]. В Белостоке Заменгоф почти не пользовался польским языком. Он изучил его в Варшаве, куда он переехал с родителями, когда ему было 14 лет [162, с. 31, 195, 196, 235].

Кроме вышеупомянутых языков, Заменгоф в большей или меньшей степени владел еще семью языками, больше теоретически, чем практически [242, с. 32] и, возможно, в какой-то степени был знаком с рядом других языков [III]. Учась на медицинском факультете Московского университета, он много занимался языками. Вероятно, он пользовался богатыми московскими библиотеками, где мог знакомиться и с лингвистической литературой.

Создавая основы своего языка, Заменгоф, сознательно или подсознательно, испытывал влияние русского языка. Это объясняется не только тем, что русский язык был для него родным, но и тем, что Заменгоф сознавал выдающиеся качества русского языка и его мировое значение [73]. Он любил русскую литературу и мастерски перевел на эсперанто пьесу Н.В. Гоголя "Ревизор" [146]. Он написал на русском языке ряд книг о международном языке и переводил такие книги как с русского языка на эсперанто, так и с эсперанто на русский.

Но даже те немногочисленные эсперантологи, которые специально изучали вклад славянских и, в частности, русского языка в эсперанто, замечали лишь отдельные детали, не видя того, что вся система эсперанто подверглась влиянию русского языка во всех ярусах. Это, однако, не помешало им сделать такие афористические высказывания: "Влияние славянских языков проявляется на глубине, тогда как влияние романских и германских язы-

ков видно на поверхности" (М. Дюк Гониная) [142, с. 52]; "Влияние — прямое и косвенное — русского языка на эсперанто глубже, чем это можно заключить из поверхностного исследования" (В. далл'Аква) [106, с. 116]; "За латинским фасадом кроется славянский механизм" (Д. Грегор) [152, с. 21]. М. Дюк Гониная говорит даже о славянском "субстрате" в эсперанто. Эти высказывания можно обобщить следующими словами: непосредственный вклад русского языка проявляется не столько в материальной сфере языка (в формах слов и морфем), сколько в абстрактной сфере (в фонологии, в лексической и словообразовательной семантике, в словообразовательных, морфологических и синтаксических моделях).

Вклад русского языка в эсперанто осознавали и адепты других плановых языков. Описывая критику эсперанто со стороны теоретиков идо, Б. Коцын так резюмирует их отношении: "Чтобы осудить какую-нибудь эсперантскую форму, достаточно лишь сказать, что она используется на русский манер, что она представляет собой русизм" [172, с. 104].

Важно отметить, что проект нового планового языка обдумывался, разрабатывался, описывался и, наконец, был издан именно на русском языке с приложением словарика с переводом на русский язык [46]. Это обстоятельство не могло не оставить на нем особого отпечатка. Не у всех это вызвало благожелательное отношение, насколько можно судить по словам Заменгофа: "некоторые враждебно встретили наше дело по той причине, что наш дебют, первый учебник нашего языка, вышел на русском языке" [246, с. 188]. В дальнейшем появились издания первой книги на польском, французском, немецком и английском языках.

Есть основания предполагать, что Заменгоф готовил одновременно краткий и полный варианты словаря. Краткий [46] увидел свет 26 июля 1887 г. [235, с. 10], а уже 17 октября того же года Заменгоф писал В.В. Майнову (который вскоре привлек к активной поддержке эсперанто Л.Н. Толстого): "Полный словарь уже готов, но он выйдет, вероятно, не так скоро" [246, с. 9]. Речь шла о полном русско-эсперантском словаре, который вышел в начале 1889 г. [49]. Таким образом, и полный словарь нового планового языка разрабатывался на базе русского языка, впитывая в себя ткань его словообразовательной и семантической системы.

Русский язык — один из пяти, использованных в базовом документе движения эсперантистов, объявленном в 1905 г. на I-ом Всемирном конгрессе эсперантистов в Булони (Франция) неприкосновенной основой данного языка, на которой он должен был развиваться [240].

Первые годы эсперанто распространялся почти исключительно в России [145, с. 19; 199, с. 70; 235, с. 56; 243, с. 184]. В связи с этим период движения эсперантистов 1887-1900 г.г. получил название русского [174, с. 87-92; 235, с. 56]. Достаточно сказать, что в первом списке лиц, изучивших эсперанто, из 1000 человек 919 были гражданами России [108]. С самого начала российские эсперантисты ввели язык в разговорный обиход и практически использовали его при поездках за границей [243, с. 249-250; 249, с. 47, 184-186, 224-225, 301-303, 364-365], где устная речь на эсперанто появилась лишь около 1905 года: "В Булони на шестнадцатилетнего Прива, который бегло говорил, в 1905 г. смотрели как на восьмое чудо мира" [213, с. 92].

Сам Э. Прива вспоминает, что в 1911 г. послушать его выступление в Москве собралось около пятисот эсперантистов [200, с. 90]. Когда в 1894 г. молодому языку угрожал реформенный кризис, российские эсперантисты своим большинством отстаивали классический вариант языка [237, с. 183-185, 192-193]. Они в большинстве остались ему верны и в кризисный период, связанный с появлением в 1908 г. проекта идо, реформированного эсперанто.

Первые эсперантские писатели и переводчики тоже были, в большинстве, из России [215, с. 194-436; 235, с. 50-51]. У некоторых из них родным был польский язык (Кабе, Грабовский), но русским языком они владели свободно, пользовались им каждодневно, переводили с него на эсперанто художественные произведения. К тому же, польский язык близок русскому. Правда, в те времена его общественные функции были ограничены. Эти первые авторы, вслед за Заменгофом, уточняли модели и принципы словообразования, фразеологии, синтаксиса, стилистики эсперанто, повлияли на становление семантики слов: "В результате влияния славянских языков на эсперанто через посредство многочисленных русских и польских писателей первого времени язык приобрел большую свободу стиля и приятную гибкость во фразе, какой не обладают такие языки с фиксированным порядком слов, как французский или английский" (Э. Прива) [199, с. 73]. Вот что говорил по этому поводу один из лучших стилистов первого периода Кабе (К. Бейн): "Язык много выиграл от того, что первые авторы были славяноязычными. Простота славянского синтаксиса, логичное построение фраз в славянских языках, их абсолютно свободный и естественный порядок слов бессознательно вводились в эсперанто славянскими авторами и имитировались неславянами" [174, с. 88].

Лучшие произведения на эсперанто первых лет были отредактированы самим Заменгофом и изданы в 1903 г. книгой под названием "Фундаментальная хрестоматия" в качестве образца эсперантской нормы [239]. С тех пор язык значительно развился и нормировался, поэтому 17-ое издание книги снабжено многочисленными комментариями редактора, которые, в основном, корректируют (не всегда с достаточным основанием) архаизировавшиеся русизмы.

Когда центр движения эсперантистов под влиянием неблагоприятных обстоятельств, имевших место в царской России [60, с. 26-27; 159] переместился в Западную Европу, основные нормы эсперантской речи уже были выработаны и продолжали оказывать влияние на узус, и западноевропейские эсперантские авторы, не обладая знаниями русского языка, использовали модели, пришедшие из русского языка. В эсперантской литературе даже укоренились принципы русской поэтики [208, с. 34]. Логично предположить, что если бы начальный этап движения эсперантистов протекал в Западной Европе, эсперанто выглядел бы сегодня несколько иначе.

Отказавшись сразу же от авторских прав на свой проект и отдав язык в собственность возникшему языковому коллективу, Заменгоф считал желательным участие носителей славянских языков в решении вопросов нормирования эсперанто [130, с. 191-192].

Новый подъем движения эсперантистов произошел в нашей стране в 20-30-ые годы, когда оно снискало признание и поддержку общества в связи с широким применением языка для целей классовой борьбы и информации о первом в мире социалистическом государстве [139, с. 86-87]. Как и первая мировая война, вторая мировая война пагубно сказалась на движении эсперантистов, которое пришло в упадок. С установлением мира и укреплением между-

родных контактов на всех уровнях – государственном, общественном, личном – наблюдается возрождение движения эсперантистов как в мире, так и в нашей стране [171]. Это привело в середине 50-ых годов к появлению множества клубов и кружков эсперантистов. Основными сферами применения эсперанто в новый период стали борьба за мир, за международные контакты, пропаганда экономических, культурных и социальных достижений советских народов среди сотен и сотен тысяч зарубежных эсперантистов, а также использование эсперанто в интернациональном воспитании. Значительное расширение движения эсперантистов в СССР привело к созданию в 1979 г. Ассоциации советских эсперантистов, работающей под эгидой ССОД, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ [25; 26; 86; 89]. Появились новые русскоязычные авторы, что не могло не отразиться на словоупотреблении, семантике и стилистике эсперанто [206].

В первом кратком описании языка [46] вклад русского языка не особенно бросается в глаза, хотя вдумчивые читатели его заметили [50]. Но анализ корпуса эсперанто позволяет его выявить. Он является результатом генетической и генетико-типологической общности обоих языков. Этот вклад никогда не прекращался, хотя он был различным в различные периоды развития эсперанто и движения эсперантистов, прямо или косвенно связанные с общественным развитием. Особенно значительным он был в период формирования эсперанто, а затем в 20-30-ые годы.

Хотя вопрос о вкладе славянских и прежде всего русского языка в эсперанто неоднократно затрагивался, благотворность его отмечается исследователями лишь вскользь: "Знание этого языка необходимо для серьезных исследователей... Еще более необходимо это знание для того, чтобы вести развитие языка в пра-

вильном направлении, указанном Заменгофом" (П. Стоян) [213, с. 32]; "Сегодня очень не достает в нашем языке благотворного русского влияния" (Р. Россетти) [203, с. 14].

4. РАЗВИТИЕ ЭСПЕРАНТО

Как известно, живой язык является своего рода самоорганизующейся системой, которая характеризуется относительной самостоятельностью. В каждый текущий момент язык, реализующийся в человеческой коммуникации, находится в состоянии диалектического равновесия, включающего в себя элемент неустойчивости. Благодаря действию внешних и внутренних факторов постоянно происходят микроскопические изменения параметров, составляющих эту систему, на которые система медленно и постепенно реагирует перераспределением значимостей своих компонентов и, в конечном счете, перестройкой своей структуры. В этом, по-нашему, состоит смысл понятия эволюции языка. Язык, который перестает реализовываться в человеческой коммуникации, теряет элемент неустойчивости и переходит в состояние абсолютного равновесия или, говоря метафорически, умирает.

Очевидно, именно это имел в виду Ф. де Соссюр, говоря об одновременной изменчивости и неизменчивости языкового знака [97, с. 107]. А.А. Холодович так комментирует этот парадокс: "Противопоставлением двух антонимичных терминов он лишь хотел резче подчеркнуть ту истину, что язык изменяется, а говорящие на нем изменить его не могут. Эту же мысль можно было бы выразить иначе: язык неприкосновенен, но не неизменяем" [97, с.202].

Над потенциальным плановым языком можно производить опре-

деленные манипуляции. Однако с получением коммуникативной реализации, т.е. когда он становится реальным плановым языком, возможность искусственного вмешательства в систему языка резко уменьшается. Так обстоит дело с идо, где возможности кодифицирующей инстанции довольно велики, но далеко не безграничны: волонтаристское введение инноваций каждый раз в некоторой степени обесценивало коммуникативную пригодность языка.

В этом отношении эсперанто, получивший широкое практическое применение в разных сферах, стал качественно уникальным явлением среди плановых языков — самоорганизующейся системой. В соответствии с языковой диалектикой в нем стали зарождаться процессы спонтанной эволюции, когда старые элементы не заменяются новыми, а продолжают существовать в качестве вариантов, постепенно переходя в разряд архаизмов.

Уже в начале века Ф. де Соссюр указывал на то, что эволюция эсперанто принципиально не отличается от эволюции живых этнических языков: "Эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен. По истечении некоторого промежутка времени в каждом языке можно всегда констатировать ощутимые сдвиги. Это настолько верно, что принцип этот можно проверить и на материале искусственных языков. Любой искусственный язык, пока он еще не перешел в общее пользование, является собственностью автора, но, как только он начинает выполнять свое назначение и становится общим достоянием, контроль над ним теряется. К числу языков этого рода принадлежит эсперанто; если он получит распространение, ускользнет ли он от неизбежного действия законов эволюции? По истечении первого периода своего существования этот язык подчинится, по всей вероят-

ности, условиям семиологического развития: он станеи передаваться в силу законов, ничего общего не имеющих с законами, управляющими тем, что создается продуманно; возврат к исходному положению будет уже невозможен. Человек, который пожелал бы создать неизменяющийся язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный им язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки" [97, с. 109]. Первым интерлингвистом, который высказал мысль, что реальное функционирование планового языка порождает эволюционные процессы в его строе, был Э.К. Дрезен [41, с. 116].

Принцип социальной эволюции был с самого начала заложен в эсперанто. В первой же публикации проекта Заменгоф отказался от авторских прав на язык. Он называл себя не автором, а инициатором языка [251, с. 52]. Он намеренно создал не проект языка, описывающий систему во всех подробностях, а лишь "эмбрион" языка, который должен был перерасти в самоорганизующуюся систему путем функционирования в обществе и коллективного языко-творчества: "Международный язык должен жить, расти и развиваться по тем же законам, по каким вырабатываются все живые языки, и та форма, которую я придал ему, та грамматика и словарь, которые я представил, должны быть лишь основой, на которой будет выработан реальный международный язык" [251, с. 94-95].

Устойчивость этнических языков основывается на их исторической традиции. Будучи новорожденным языком, эсперанто такой традицией не обладал. По замыслу Заменгофа аналогом подобной традиции для эсперанто стали кодифицированные неизменяемые основы, определенные его автором [240]. Принцип фундаментализма играет важнейшую роль в устойчивости эсперанто, ибо он

ибо он преграждает путь волюнтаристскому реформаторству, но сочетается с принципом эволюционизма: язык развивается спонтанно на своих кодифицированных основах [242, с. 129-130]. Заменгоф указывал, что "самым важным законодателем является употребление" [245, с. 95].

Полностью стихийная эволюция характерна для ненормированных языков, т.е. нормированность языка и спонтанность изменений находятся в отношениях обратной зависимости [32, с. 42]. Поэтому Ф. де Соссюр считал, что литературный язык "не может служить для нас мериллом того, до какой степени изменчивы естественные языки, не подчиненные никакой литературной регламентации" [97, с. 173]. На это указывают и ведущие советские социолингвисты П.А. Азимов, Ю.Д. Дешериев, Л.Б. Никольский, Г.В. Степанов и А.Д. Швейцер: "В отличие от процессов формирования и дифференциации языков в древние эпохи и в эпоху феодализма, когда к числу наиболее интенсивно развертывающихся явлений относились фонетические и морфологические изменения, в современный период и в ближайшем будущем внутривидовое развитие литературных языков будет связано главным образом с лексико-семантическими, синтаксическими и стилистическими системами" [2, с. 18].

Это утверждение полностью относится и к эсперанто как к языку литературному, высоко нормализованному и к тому же с преобладающим письменным употреблением [34, с. 51]. Несмотря на столетнее развитие, звуковой и грамматический строй эсперанто не претерпел коренных изменений, как не претерпел их за этот же период и русский язык [91, с. 7].

Устойчивость эсперанто объясняется не только ориентацией

на кодифицированные основы и высокой нормализованностью, но и тем, что, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, "это язык сознательно созданный, сознательно передаваемый, сознательно усваиваемый и сознательно воспроизводимый" [17, с. 160].

Для поддержания единства языка была создана Академия эсперанто, которая, не вмешиваясь в процесс свободной эволюции, кодифицирует стабилизировавшиеся формы. Хотя иногда высказываются мнения о необходимости более значительного сознательного воздействия на эсперанто [18, с. 135; 125], имеет место парадоксальное явление: плановый язык эсперанто сопротивляется планированию. Это закономерно, ибо язык как самоорганизующуюся систему можно регламентировать лишь в определенных пределах.

Как и в национальных языках, эсперантское словоупотребление ориентируется на различные нормы: кодифицированные документы ("Основы эсперанто" и "Академические прибавления"), авторитетные словари, грамматики и учебники, лучшие литературные образцы, прежде всего Заменгофа, употребление, характерное для большинства носителей языка. Оно ориентируется также на критерии логичности и эстетичности. Эти нормы и критерии не всегда совпадают друг с другом в деталях. Но в усреднении они дают интернациональное употребление, которое своеобразно и автономно по отношению к национальным языкам.

Развитие любого живого языка, в том числе и эсперанто, происходит в двух планах: социолингвистическом (расширение функций) и внутривидовом. Второе имеет место, с одной стороны, под воздействием материального прогресса общества и под влиянием других языков, а с другой стороны, подразумевает совершенствование языковой техники. Развитие языка происходит

в условиях тенденции к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности [83, с. 197-298].

В процессе развития эсперанто, самой характерной чертой которого является растущая тенденция к использованию внутренних возможностей структуры, произошли некоторые изменения (часть из которых отметил на социологическом фоне Н.Ф. Дановский [35]):

- тенденция к замене фонемы /x/ фонемой /k/: arkeologio в.м. arĥeologio "археология";

- усечение слов: aŭto в.м. aŭtomobilo "автомобиль", foti в.м. fotografi "фотографировать", komento в.м. komentario "комментарий";

-исключение из состава слова некоторых морфем с избыточной семантикой в соответствии с принципами необходимости и достаточности: parolemo в.м. parolemeso "говорливость";

- широкое использование транспозиции, благодаря чему часто смысл слова становится ясным лишь в контексте: ĉu vi supozas aŭ barĉos? в.м. ĉu vi manĝos supren aŭ barĉon? "ты будешь есть суп или борщ?";

- более интернациональная форма корня: rezultato в.м. rezulto "результат";

-новые аффиксы: кодифицированные - mis-, -aĉ-, -ism-, -end-; некодифицированные - retro-, -iz-, -oz-, -iv-, -atr- и др.; терминологические - -ac-, -ed- и др.;

- морфологизация связанных компонентов греко-латинского происхождения (псевдоаффиксы): tajposkripto "машинописный текст" по аналогии с manuskripto "рукопись", telegvido "дистанционное управление" по аналогии с televideo "телевидение";

- аффиксы в роли корневых морфем (eta в. malgranda) и даже слова, основа которых состоит только из аффиксов в роли корневых морфем (etulino "малышка");

- все новые и новые дериваты и композиты, эксплуатирующие огромные возможности комбинаторики: arbido "саженец", trudherbo "сорняк";

- активизация суффикса с неопределенным значением -um- : kubutumi "облокотиться" от kubuto "локоть";

- синтетические формы глаголов вместо аналитических: bezonatas в. estas bezonata, legintus в. estus leginta;

- уточнение употребления предлога da: kvarono de horo в. kvarono da horo "четверть часа";

- уточнение употребления возвратного местоимения si;

- корневые неологизмы вместо группы слов: mapo в. geografia karto "географическая карта", fragila в. facile rompebla "хрупкий";

- корневые неологизмы вместо сложных слов: ekvinokso в. tagnoktegaleco "равноденствие", fotelo в. brakseĝo "кресло", citrolo в. akvomelono "арбуз";

- корневые неологизмы вместо производных слов: pigra в. mallaborema "ленивый", galgo в. pendumilo "виселица", redaktoro в. redaktisto "редактор";

- неологизмы для передачи оттенков значений: aŭdaca "отважный" наряду с kuraĝa "смелый", stiri наряду с direkti (aŭton) "управлять (автомобилем)", bukani "коптить (мясо)";

- неологизмы для новых понятий и реалий, в том числе термины: kombajno "комбайн", kosma ŝipo "космический корабль";

- неологизмы для экспрессии, для поэтического языка:

friska "прохладный", feroca "свирепый";

- неологизмы для выражения разных значений разными словами: heziti "колебаться, быть в нерешительности" наряду с ŝanceliĝi "колебаться, шататься"; misilo "ракета (летательный аппарат)" наряду с raketo "ракета (снаряд для сигнализации)";

- введение рядов с начальными элементами ali- и kelk- в замкнутую группу коррелятивных слов;

- сложные и составные предлоги, позволяющие конкретизировать и уточнять отношения между членами словосочетания:

el post "из-за", simile al "подобно (чему-л.)";

- корневые семантические дублеты под влиянием разных языков: kaŝaloto - makrocefalo "кашалот", oriento - eosto "восток";

- стремление дать корневой эквивалент по возможности всем словам национальных языков" : ŝizojo "ножницы для резки металла", ĝuno "телка", aŭbado "утренняя серенада", kalaĉo "калач", saŭkraŭto "квашеная капуста", palafito "свайная постройка";

-переориентация источников новых корневых слов с интернационального фонда, учитывающего русский и немецкий языки, на французский и английский языки: borno в.м. klemo "клемма", skadro в.м. eskadrono "эскадрон", lozanĝo в.м. rombo "ромб";

- расширение синонимии и дублетности в результате появления корневых неологизмов, новых производных и сложных слов: graduso - grado "градус", descendi - malsupreniri "спуститься", histriono - arlekeno- bufono - burleskulo "шут";

- рост полисемии слов: piedo "нога, ножка (мебели), подошва (горы), стопа (стихотворения);

- рост омонимии за счет совпадения форм: debati "дебати-

ровать" и de-bati "отбить"; markoto "бот. отводок, побег" и mar-koto "морская грязь", а также firmo "фирма" и "твердость";

- уточнение семантики слов: ĉikani "придираться" вм. устаревшего "сплетничать";

- перераспределение значений в связи с появлением неологизмов: humuro "юмор" наряду с humoro "настроение" (устаревшее побочное значение "юмор");

- семантические сдвиги в дериватах: esperanto "надеющийся", затем "язык эсперанто"; movado "движение", затем "движение эсперантистов", samideano "единомышленник", затем "эсперантист, последователь идеи международного языка эсперанто";

- специализация значений в дериватах: glaciaĵo "мороженое";

- изменение дистрибуции предлогов je, pri и др.: ĝoji pri sukceso вм. ĝoji je sukceso "радоваться успеху";

- архаизация одних оборотов речи и появление других: pagoŝarge вм. per surmetita pago "наложенным платежом";

- создание собственных идиом: verdaj donkiĥotoj "зеленые донкихоты", т.е. "донкихоты-эсперантисты";

- появление новых функциональных стилей: научного, поэтического, разговорного, публицистического, жаргонного и др.

Этот большой список наблюдаемых изменений в процессе спонтанной эволюции, однако, не означает нарушения единства языка. Наоборот, даже тексты, написанные сто лет назад, остаются совершенно правильными и понятными с точки зрения современного читателя. Конкретные примеры соотношения русского языка и эсперанто в процессе развития эсперанто будут даны в следующих главах.

ГЛАВА 2. ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗВУКОВОЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЭСПЕРАНТО

I. ФОНОЛОГИЯ. ФОНЕТИКА. ГРАФИКА.

В этих областях наблюдается сбалансированное сочетание принципов интернациональности и регулярности.

Эсперантская фонемика является близкой копией русской фонемике, в которой уменьшена позиционная вариантность.

Вокализм эсперанто, как и вокализм русского языка, включает 5 фонем: /a/, /e/, /i/, /o/, /u/. М. Дюк Грниназ говорит о совпадении эсперантского вокализма с вокализмом сербо-хорватского и испанского языков [142, с. 35]. Но это совпадение чисто типологическое: Заменгоф этих языков не знал, а если и был немного знаком с ними, не мог на них ориентироваться в такой важной области. Связь же с вокализмом русского языка является генетико-типологической: вокализм эсперанто — это регуляризованный вокализм русского языка. В связи с совпадением фонемного вокализма интернациональные слова входят в эсперанто чаще всего с теми же гласными фонемами, которые употребляются в этих словах при заимствовании их русским языком. Фонемный состав эсперантских слов, особенно вокализм, часто может служить моделью для еще не заимствованных русским языком слов.

Вследствие некоторых особенностей своей морфологии эсперанто изобилует дифтонгоподобными сочетаниями типа *aj, oj*: *grandaĵ domoj*, где показатель парадигматического класса *-a* или *-o* сочетается с показателем множественного числа *-j*. Такого рода сочетания характерны и для русского языка, хотя здесь причиной являются совсем другие морфологические особенности:

прежде всего, окончания некоторых существительных, прилагательных и местоимений в именительном и в косвенных падежах (герой, большой, мой, стеной, первой, этой). Частая встречаемость этих сочетаний в окончаниях русских слов могла послужить Заменгофу моделью для формы окончаний множественного числа существительных и прилагательных.

Консонантизм эсперанто включает 23 фонемы. С точки зрения носителей романских и германских языков существует дисбаланс между бедным вокализмом и излишне богатым консонантизмом. Он объясняется тем, что эсперантский консонантизм близко копирует русский [180, с. 41]: если отвлечься от противопоставления по твердости-мягкости, то все согласные фонемы русского языка имеют аналоги в эсперанто. Этого нельзя сказать об английском, французском и немецком языках.

Н.С. Трубецкой считал, что международный плановый язык может обойтись всего лишь девятью согласными фонемами [221]. Однако такая бедная система, не учитывающая прагматического аспекта, повела бы к заметному искажению облика многих интернациональных слов. Близкого мнения придерживались интерлингвисты Л. Кутюра и Г. Мок. Первый считал, что плановый язык должен содержать звуки, общие основным европейским языкам и исключить те, которые свойственны одному языку и трудны для произношения носителям других языков. Второй высказывался еще категоричнее: "Его слова должны заключать лишь звуки, общие всем нациям Европы". На это И.А. Бодуэн де Куртене замечает: "Эта задача чрезвычайно трудная и почти неисполнимая" и "Строго говоря, это требование неисполнимо" [44, с. 71, 115]. Т. Ванко говорит, что нельзя считать оптимальным с точки зре-

ния коммуникации то, что "экономнее" всего содержит только релевантную информацию [223, с. 33].

Хотя фонемы /ts/, /tʃ/, /x/, /j/, /ʒ/, /ʃ/ встречаются в английском, французском и немецком языках, ни в одном из них они не представлены все, что свидетельствует об их вхождении в эсперанто из русского языка. Д. Грегор [152, с. 8] ссылается на О. Есперсена, утверждавшего, что Заменгофу нравились шипящие, потому что они характерны для славянских языков.

Фонема /x/, хотя и существует в некоторых романских и германских языках, появилась в эсперанто со словами, взятыми из русского языка. В дальнейшем она стала применяться для слов непосредственно или опосредствованно заимствованных из древнегреческого языка, но в настоящее время она систематически заменяется фонемой /k/, т.е. *ĥemio* → *kemio* и т.п. Однако она имеет и защитников, прежде всего в сфере терминологии [167].

Несмотря на употребление различных свободных вариантов фонемы /r/ под влиянием этнических языков, переднеязычный дрожащий [r], характерный для русского языка, приобретает статус нормативного [142, с. 35; 161, с. 3; 180, с. 42, 232, с. 26]. Во всяком случае, на него переходят носители языков, в которых он отсутствует, но обратного явления не наблюдается.

Как русский и немецкий и в отличие от английского и романских языков, эсперанто допускает сочетания согласных: *sc*, *pc*, *ŝl*, *ŝm*, *ŝn*, *ŝp*, *ŝpr*, *ŝr*, *ŝt*, *ŝv* и не допускает сочетаний *kŭ*, *gŭ* (от *qu*, *gu*), превращая их в *kv*, *gv*: *kvadrato*, *gvordio*.

В связи с давлением фонологических систем родных языков у носителей эсперанто диапазон свободного варьирования эсперантских фонем очень широк. Допустимость свободного варьиро-

вания в пределах фонемы сознавал еще Заменгоф [245, с. 260]. Дж. Уэллс [232, с. 25-26] выдвинул следующие критерии нормативного произношения эсперанто: практический (возможность взаимопонимания), лингвистический (фонематичность), географический (географическая нейтральность) и социологический (соответствие представлениям, распространенным в языковом коллективе). Самый важный из них, лингвистический, сформулирован Е.А. Бокаревым так: "Основным требованием к правильному произношению в эсперанто является четкое различие его фонем" [127, с. 29]. Следовательно, отсутствие фонологической нейтрализации является нормой эсперантской орфоэпии. В этом тоже проявляется принцип регулярности. Поэтому русскоязычным эсперантистам следует избегать редукции гласных в безударном положении, ибо это ведет к нейтрализации морфологической, в частности, к неразличению грамматических категорий [174, с. 92], и к нейтрализации лексической.

Попытки кодифицировать фонологически нерелевантные оппозиции по открытости-закрытости и по долготе-краткости гласных не увенчались успехом, хотя и были выдвинуты в авторитетном описании современной структуры эсперанто [166, с. 40-46]. Характерно, что эти оппозиции нерелевантны и в русском вокализме и несут лишь нормативную нагрузку. Дж. Адкок считает противопоставление гласных по открытости-закрытости галлицизмом [107], см. также замечания о произношении [e] и [o] в [144].

Несмотря на интерференцию со стороны многих языков, нет признаков того, что эсперанто распадается на диалекты, хотя национальный "акцент" в произношении многих из его разнонациональных носителей существует. Как выше указывалось, эта

устойчивость объясняется прежде всего сознательностью усвоения и применения языка в международном коллективе, стремлением быть понятым в разговоре с носителем эсперанто из любой страны. Следует ожидать, что со временем орфоэпические нормы эсперанто будут все больше унифицироваться и стабилизироваться благодаря росту устного общения (особенно на международных конгрессах эсперантистов, собирающих тысячи представителей десятков стран) и применения акустических средств регистрации и аудирования речи (грампластинки, магнитофонные записи, радиопередачи).

Эсперанто пользуется латинским алфавитом, дополненным двумя диакритическими знаками. Фонематичность алфавита, т.е. строгое соответствие фонемы и буквы, является следствием применения принципа регулярности и была введена, очевидно, под влиянием русской графики, где отсутствуют диграфы, а позиция буквы редко приводит к чтению, выходящему за пределы позиционного варьирования фонемы. В русском алфавите нет эквивалентов латинским q, w, x, y, и в эсперантском алфавите этих букв также нет.

В качестве заменителей диграфов Заменгоф использовал буквы с диакритическими знаками. Для обозначения неслогового u была использована диакритика \checkmark , взятая, по мнению эсперантологов, из русской графики по образцу буквы Ы [106, с. 10; 142, с. 34; 153, с. 7; 162, с. 246]. С этим можно согласиться, добавив еще более близкий образец: белорусскую букву \check{y} . Эта диакритика существовала в современной форме еще в первоначальном проекте языка [241, с. 103], тогда как вторая диакритика \checkmark , имевшая в этом прапроекте форму \checkmark , была затем заменена на $\hat{\checkmark}$. Она применяется для согласных и появилась, очевидно, по образцу

чешских и/или литовских букв \check{c} , \check{s} . Заменгоф распространил этот знак на буквы h и j , а положение знака изменил на $^$, который применяется во французской графике, но только для гласных. Так появились буквы \hat{c} , \hat{g} , \hat{h} , \hat{j} , \hat{s} , \hat{u} , которые существуют только в эсперанто. Это смелое применение принципа регулярности сняло многие проблемы, связанные с орфографией, а также помогло "сочетать с максимальной интернациональностью звуковой формы максимальную интернациональность письменного образа" [27, с. 242]. Надстрочные знаки явились мишенью критики эсперанто, которая не прекращается до сих пор [178].

Несмотря на то, что эсперанто пользуется латинским алфавитом, и дальняя этимология большинства слов восходит к неславянским языкам, графическая форма многих интернационализмов напоминает не столько их этимологические образцы, сколько практическую транскрипцию соответствующих русских слов: *akvarelo* (aquarelle), *buljono* (bouillon), *duŝo* (douche), *trotuaro* (trottoir), *kupeo* (coupé), *marŝalo* (marechal); *ŝoseo* (chaussée), *ŝnuro* (Schrur), *viskio* (whisky), *rozo* (rosa).

В связи с этим интересно замечание В.В. Акуленко: "Русский язык обычно транскрибирует заимствуемые слова, тогда как в западноевропейских языках заимствуемые слова транслитерируются, что нередко ведет к их буквальному совпадению в ряде языков... Наиболее фонетична русская орфография, обеспечивающая для 90% слов связь написания с произношением. Затем следует немецкая, французская и, наконец, английская" [3, с. 99]. Поэтому русская форма интернационализмов бралась чаще всего за основу соответствующих эсперантских слов, т.е. фактически происходит повторная транскрипция, на этот раз средствами латинского алфавита.

2. МОРФЕМИКА

Материалом для построения эсперанто послужили романские, германские и славянские языки. Однако его морфемика основывается на принципе агглютинации [15, с. 164; 32, с. 43; 38, с. 92; 44, с. 127; 55, с. 23; 227, с. 65-67], под которой имеется в виду формальная и семантическая невариативность морфем [83, с. 530; 88, с. 270-272]. Это подтверждается современной лингвистической типологией [100, с. 26-27]. Интересно, что современные номенклатуры некоторых наук (прежде всего, химии) пользуются словообразованием, близким к эсперантскому и далеким от словообразования фюзионных языков [196; 197]. Тенденция к агглютинативности и регулярности наблюдается и в словообразовании современного русского литературного языка [95, с. 9-17].

Эсперанто — максимально агглютинативный язык не только количественно, поскольку его индекс агглютинации равен 1,00, тогда как в суахили он составляет 0,67, а в якутском языке 0,51 [232, с. 33-34], но и качественно: эсперантские деривационные и реляционные аффиксы не варьируют, как это имеет место в тюркских языках, вследствие сингармонизма, и даже могут выступать в функции корней, образуя слова. Лексическая самостоятельность аффиксов является характерной чертой эсперанто [8, с. 101; 179], но спорадически она может проявляться и в этнических языках [8, с. 100; 91, с. 128; 179].

Агглютинация эсперанто абсолютна в формообразовании. Но в словообразовании она иногда затемняется дегглютинацией (которая имеет фюзионный характер), т.е. сдвигом морфологического шва вследствие нечеткости демаркационных сигналов. Это ведет к

спорадической деглутинационной омонимии (dom-aĉ-eto "домишко", dom-aĉeto "покупка дома"). Такая омонимия легко снимается контекстом. В редких случаях приходится применять дополнительные демаркационные сигналы: паузу в речи, дефис на письме. Деглутинационная омонимия используется как средство экспрессии для создания каламбуров [80, с. 10-11].

Будучи агглютиноподобным языком, эсперанто, однако, не обладает рядом свойств, характерных для этнических агглютинативных языков. Очевидно, имея это в виду, И.А. Бодуэн де Куртенэ считал недостатками эсперанто одновременное использование префиксации и суффиксации [44, с. 118] и использование предлогов: "Вообще, языку эсперанто должны быть чужды предлоги, и вместо них следовало придумать новые падежные окончания" [44, с. 127].

Критикуя проекты плановых языков, Н.Д. Андреев пишет:

"Общим недостатком всех проектов является их чрезмерно латинизированный словарный состав и сугубо западноевропейская грамматическая структура; ни славянские языки, ни языки Востока авторами проектов не принимались во внимание" [82, с. 352].

Фактически, эта критика относится к плановым языкам натуралистического типа и лишь в небольшой степени — к эсперанто, ибо его лексика и грамматическая структура учитывают славянские и германские языки, а агглютинативная морфемика близка финно-угорским и тюркским языкам.

Вопрос об источнике агглютинативности эсперантской морфемики остается загадкой. Его пытались объяснить эвентуальным знакомством Заменгофа с эстонским языком, подражанием априорным языкам и пазиграфиям [213, с. 39] или секретным шифрам [230, с. 104-107], или ни на чем не основанной выдумкой Замен-

гофа [132, с. 10]. Тот факт, что эсперанто во многом отличается от этнических агглютинативных языков, противоречит утверждению, что "эсперанто планировался по образцу агглютинативных языков" [80, с. 7]. Вероятнее всего, Заменгоф к агглютиноподобному строю пришел случайно, стремясь придать плановому языку простую морфологическую структуру. Он сам никогда не употреблял слово "агглютинативный". Впервые так квалифицировал эсперанто Л. Блюменталь в конце 1887 г., т.е. через пять месяцев после публикации проекта [238, с. 262; 251, с. 138]. Объяснить происхождение агглютинативности эсперанто можно двумя факторами, действовавшими в сочетании: влиянием аффиксации русского языка и применением принципа регулярности.

Заменгоф начал заниматься разработкой планового языка, еще учась в гимназии. Простота некоторых морфологических форм английского языка навела его на мысль не включать в плановый язык идиоматические элементы грамматики. В результате грамматика создаваемого им языка чрезвычайно упростилась. Но проблема упрощения лексики долго не поддавалась решению.

Однажды, проходя по улице, юный Заменгоф задумался над двумя вывесками: "Кондитерская" и "Швейцарская" (помещение для швейцара). Одинаковый исход этих слов и их близкая семантика навели его на мысль об огромных возможностях аффиксации для уменьшения лексикона планового языка [249, с. 29-30].

Проанализировав большое количество русских слов, Заменгоф обратил внимание, что многие из них содержат довольно легко вычленимые аффиксы. Сопоставляя русские производные слова, он определил семантику многих аффиксов: "В первое время я с особым азартом занимался отыскиванием различных взаимоотношений

слов, и каждое найденное отношение обозначал каким-нибудь аффиксом" [241, с. 98]. Правда, это сопоставление иногда осложнялось морфонологическими явлениями, свойственными русскому языку как фузионному [91, с. 413-452]. И все же аффиксация в русском языке гораздо более развита, а морфемная членимость более отчетлива, чем в романских и германских языках, в которых аффиксация чаще представляет собой совокупность элементов структуры слова, чем совокупность активных дериваторов.

Применив к идее, которую ему подсказала богатая деривация русского языка, принцип регулярности, Заменгоф пришел к выводу о необходимости широко использовать в плановом языке аффиксацию и регуляризовать ее, т.е. придать каждому аффиксу только одну форму и одно значение. По аналогии этот принцип был распространен на корневые и реляционные морфемы, т.е. агглютинация на уровне словообразования была распространена на весь уровень морфемки. Так же как сумма деривационных аффиксов дает комплексную деривационную семантику, сумма реляционных аффиксов стала давать комплексную реляционную семантику: например, существительное множественного числа винительного падежа стало выражаться сочетанием трех неизменных реляционных аффиксов, имеющих соответствующую семантику: $o+j+n$.

О такой технике лингвопроектирования современная интерлингвистика говорит: "Вряд ли можно сомневаться в том, что для вспомогательного международного языка не только в высшей степени существенно, но даже необходимо, чтобы как можно большее число входящих в него слов были мотивированными, имели прозрачное строение, рационально построенное соотношение "обозначающего" и "обозначаемого" [12, с. 74].

Таким образом морфемика приобрела агглютинативную структуру. Но Заменгоф пошел дальше: если каждая морфема имеет только одну форму и одно значение, то форма и семантика слова являются простой суммой форм и значений его компонентов. Поскольку исчезла четкая функциональная граница между корневыми, деривационными и реляционными морфемами, появилась возможность ввести их все в словарь, т.е. элементы морфемики стали элементами словаря [31, с. 42].

Исчезновение четкой границы, однако, не означает полного исчезновения границы. Такое морфологическое членение Заменгоф обосновал лишь практической целесообразностью: "Для удобства этим приставкам и вставкам (=суффиксам - Б.К.) дано значение самостоятельных слов, и как таковые они помещены в словаре" [46, с. 9]. Этот чисто утилитарный подход дал основание авторам "Полной аналитической грамматики эсперанто" почти полностью стереть границу между корневыми и деривационными морфемами [166, с. 372]. Различие между лексическим значением корня и деривационным значением аффикса остается очевидным и в эсперанто несмотря на своеобразие функционирования его морфем по сравнению с функционированием морфем фузионных языков.

Эту новую морфологическую структуру оказалось легко сочетать с моделями словосложения основных европейских языков, прежде всего русского и немецкого.

В результате такого последовательного применения принципа регулярности реляционная иерархия и деривационная иерархия в синтагматике слова были сведены к композиционной иерархии.

Таким образом, можно констатировать парадоксальное явление: неагглютинативный русский язык в известной мере повлиял

на эсперанто агглютинативно. Моделью послужила богатая аффиксация русского языка и довольно отчетливая морфологическая членимость русских слов. Остальное явилось результатом последовательного применения аналогии. В связи с этим интересно замечание Б.А. Серебренникова: "В языках мира обнаруживается определенная тенденция к созданию языкового типа, характеризующегося наиболее простым способом соединения морфем. Любопытно то, что в языках мира абсолютно преобладающее большинство составляют языки агглютинативного типа" [83, с. 250].

Представленная гипотеза позволяет объяснить происхождение агглютинативности эсперанто генетико-типологической общностью эсперанто с русским языком. Она подтверждается легкостью поморфемного перевода на эсперанто многих русских слов, имеющих в своем составе скопление аффиксов: выдумка - *elpensaĵo*, неопишущий - *nepriskribebla*, бессмыслица - *sensencaĵo*, переизданный - *reeldonita*, самовоспламенение - *memflamiĝo*, ускорить - *plirapidigi*, раздвоиться - *disduiĝi*, вручить - *enmanigi*, перенаселенность - *troloĝateco*, соавторство - *kunaŭtoreco*, выкрутиться - *elturniĝi*, разбросанность - *disĵetiteco*, писательница - *verkistino*, полузабытый - *duonforgesita*, соотечественник - *sampatrujano*. Следует отметить, что начинающие русскоязычные эсперантисты, ощущая словообразовательную аналогичность русских и эсперантских слов, пытаются поморфемно калькировать все русские слова. Это нередко дает ненормативные, курьезные и даже бессмысленные слова, особенно при идиоматичности русского деривата или вследствие некорректного словообразовательного анализа, например: *ĝispeli* "догнать" в м. *atingi*, *kuratingi*.

3. АФФИКСАЦИЯ

Аффиксация играет в эсперанто очень важную роль, т.к. она позволяет строить производные слова из исходных морфем так же легко, как строятся свободные синтаксические сочетания из слов.

Степень интернациональности формы аффикса обычно ниже степени интернациональности формы корня. Чаще всего аффиксы заимствуются в составе слов и вычленяются в лексемах однотипной структуры [84, с. 292]. Интересная трактовка аффиксов и квазиаффиксов, заимствованных русским языком, дается в изящной работе интерлингвиста Н.В. Юшманова [104, с. 672-681].

Ориентируясь на существующую тенденцию, Заменгоф придал всем суффиксам, кроме двух особых, унифицированную форму: начало на гласный, исход на согласный. Этим были достигнуты довольно четкая делимитация от производящей основы и связь без хиатуса с гласным окончания. Но с другой стороны, это иногда влекло к искажению формы, взятой в качестве образца, и к уменьшению опознаваемости суффиксов. У. Коллинсон считает, что отбор формы эсперантских аффиксов произведен не на основе максимальной, а на основе оптимальной интернациональности [134, с. 87].

Деривационная семантика аффикса гораздо шире лексической семантики корня. Поэтому можно только в принципе говорить о том, что в эсперанто семантика производного слова является суммарной семантикой его морфем. На самом деле, нередко происходит сужение значения, его специализация [27, с. 240-241]. Ярким примером этого служит слово *hararo*, которое означает не совокупность всех волос в мире и даже не совокупность волос одного человека, а лишь совокупность волос на голове одного

человека ("шевелюра"). Любопытно отметить, что на раннем этапе развития эсперанто Заменгоф приписывал этому слову лишь значение "парик", которое в дальнейшем архаизировалось.

Независимо от происхождения, эсперантские аффиксы ведут самостоятельную жизнь: обладая активной продуктивностью, они образуют множество слов, для которых не существует аналогов с тем же аффиксом в языке – источнике этого аффикса. Поэтому переводить с эсперанто на национальный язык обычно труднее, чем переводить на эсперанто. Так например, на открытии конгресса Всемирной молодежной организации эсперантистов ТЭЙО (Бельгия, 1982 г.) президент этой организации во вступительной речи среди стоящих задач упомянул *tutmondiĝo de TEJO*. Переводчик, переводивший для гостей на фламандский язык, запнулся и, подумав, перевел перифразой. На русский язык это слово можно перевести ближе всего неуклюжей перифразой "становление всемирности ТЭЙО", ибо слова "всемирнизация" в русском языке нет, а "интернационализация" имеет несколько иное значение.

Рассмотрим кодифицированные аффиксы эсперанто в порядке убывания их материальной и семантической связи с русским языком

Уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ĉj-* (для лиц мужского пола) и *-nj-* (для лиц женского пола) происходят от исконных русских суффиксов *-очк-/-ечк-* и *-оньк-/-еньк-*, которые в русском языке употребляются для лиц обоего пола. Выбор суффикса *-nj-* для лиц женского пола, видимо, ассоциировался с суффиксом *-ин-/-ын-* (богиня, барыня), а суффикса *-ĉj-* для лиц мужского пола – с суффиксом *-ич* (Ильич). Первоначально они предназначались только для собственных имен, но постепенно, как и в русском языке, стали применяться для нарицательных слов узкого,

хотя и не закрытого, поля: Реĉjo "Петечка", паĉjo "папочка"; Манjo "Маня, Машенька", онjo "тетенька", amikinjo "подруженька", hundjo "собаченька". Некоторые эсперантологи [106, с. 13; 142, с. 35; 230, с. 68] ошибочно возводят происхождение -ĉj- к деминутивам типа "Алена". Эти два суффикса имеют отличную от других суффиксов структуру и единственные, которые добавляются к усеченному корню, нарушая тем агглютинативность эсперанто (морфологическое явление). Любопытно отметить, что для индоевропейских языков, в том числе и русского, характерна нерегулярность в образовании деминутивов собственных имен.

Суффикс -uj- (вместилище, страна, фруктовое дерево), вероятно, был задуман для обозначения только страны и ведет свое происхождение от русского форманта -иj-: Anglujo "Англия". Г. Варентъен высказал мнение, что прототипом суффикса -uj- было слово "Россия": Ruzujo [230, с. 66]. В связи с этим отметим, что в русском языке ударение падает на предпоследний "и" лишь в одном названии страны: Россия. Позднее Варентъен развил свою мысль: "Я убежден, что введение -uj- было для него единственным средством обозначить, что еврей, литовец, прусс и т.д. является россиянином, но не русским" [162, с. 244]. Срав. поразительное сходство построения слов ruzujano (которое неоднократно употреблял Заменгоф [242, с. 288]) и "россиянин". Замена гласного, вероятно, связана с удобством произношения. В 1889 г. в Нью-Йорке вышел один из ранних учебников эсперанто Г. Филлипса [193], в котором вместо -uj- употреблялся суффикс -ij-: ruzsijano, patrijo "отечество". Было ли это сделано сознательно или по ошибке, остается загадкой. По-видимому, под влиянием французского суффикса -ier (cendrier, encrier) и аналогичного

русского форманта -ница суффикс -uj- приобрел также дополнительное значение вместилища [157, с. 226-228]: cindrujo "пепельница", inkujo "чернильница".

Префикс pra- (давний, первоначальный) происходит от русского пра- с опорой на близкие по форме префиксы латинского и литовского языков: praavo "прадед", pralingvo "праязык". В "Универсальном словаре" Заменгофа [240, с. 206] префикс pra- переводится на русский язык префиксом пра-.

Суффикс -il- (орудие, средство) образован от русского суффикса -л-, который, соединяясь с основами определенного типа, дает формант, полностью совпадающий с суффиксом аналогичных эсперантских слов: мерило - mezurilo, точило - akrigilo, светило - lumilo. Суффикс -л- употребляется и с основами других типов, где сочетание "ил" не имеет места: метла - balailo, пугало - timigilo. В русском языке есть и другие инструментальные суффиксы, содержащие "л"; вероятно, при создании суффикса -il- они послужили опорой - -тель: указатель - indikilo; -лк(а): вешалка - pendigilo, дробилка - frakasilo; -ел(и): качели - balancilo. Возможно, были также учтены близкие формы из немецкого и французского языков: Schlüssel "ключ", outil "инструмент".

Суффикс -ej- (место) создан по модели исхода русских субстантивированных прилагательных типа "кондитерская". Очевидно, это был хронологически первый эсперантский суффикс. Вот как об этом вспоминает Заменгоф: "Однажды... я случайно обратил внимание на надпись "Швейцарская"... а потом на вывеску "Кондитерская". Это "ская" заинтересовало меня и показало мне, что суффиксы дают возможность от одного слова образовывать другие

слова, которые не следует отдельно изучать. Эта мысль овладела мной полностью, и я внезапно почувствовал землю под ногами" [249, с. 29-30]. Выбор формы эсперантского суффикса, возможно, опирался на исходы слов "музей", "улей", "оранжерея", "галерея", "аллея" и на немецкие слова с суффиксом -ei (Bäckerei "пекарня") и ассоциировался с формантом -j(e): гнездовье, заболотье, жильё, Оренбуржье, Подмосковье, надбровье, междуречье, поморье, подземелье, предгорье. Срав. эсп. lernejo "школа", abelejo "пасека", loĝejo "жильё", sukeraĵejo "кондитерская", nestejo "гнездовье", interriverejo "междуречье".

Суффикс -ul- (лицо, характеризующееся определенным свойством) происходит от русского суффикса -ул(я) с опорой на латинский формант -ulus: kapriculo "капризуля", malpurulo "грязнуля". Возможна ассоциация с омонимичным суффиксом -ул(я), имеющим ласкательное значение (бабуля) и с суффиксом -ал: театр, феодал, провинциал. Заменгой писал: "Суффикс -ul- в очень различных формах употребляется, главным образом, в славянских языках; его отсутствие в других языках вынуждает иметь много новых слов" [242, с. 171]. Очевидно, он имел в виду, что для обозначения лица, характеризующегося определенным свойством, славянские языки пользуются большим числом синонимичных суффиксов, как это имеет место в русском языке. Срав.: мечтатель, шутник, обманщик, молчальник, прыгун, плакуша, старик, счастливец, бедняк, одиночка, жадина, пьяница, малыш, великан, юноша, дикарь, дурак, силач, юбиляр, скандалист, миллионер, фразер, лентяй, спортсмен. Всем этим русским дериватам соответствуют эсперантские дериваты с одним лишь суффиксом -ul-.

Суффикс -an- (житель, член, последователь) происходит от

исконных русских суффиксов -анин/-чанин/-ианин/-итянин/-ичанин и -анец и от интернационального суффикса, представленного в разных языках близкими формантами: -anus (лат.) -ano (ит., исп., порт.), -ain, -ien (фр.), -aner(нем.): urbano "горожанин", marsano "марсианин", kristano "христианин", amerikano "американец". Срав. приведенное выше rusujano "россиянин".

Суффикс -ar- (совокупность) происходит от исконных русских суффиксов -арь и -арник и от интернационального суффикса, представленного в разных языках близкими формантами: -arium (лат.), -ario (ит., исп., порт.), -aire (фр.), -ary (англ.), -арий (рус.), возможно, с опорой на русские суффиксы -ар(а), -ур(а), -атур(а). Срав. эсп. vortaro "словарь", arbustaro "кустарник", muŝetaro "мошкара", instrumentaro "инструментарий", profesoraro "профессура", aparataro "аппаратура".

Суффикс -in- (женский пол) происходит от исконного русского суффикса -ин(я), -ин(я) и аналогичного интернационального суффикса, существующего в романских и германских языках, с опорой на суффикс -ин(а): diino "богиня", princino "княгиня", heroino "героиня", monaĥino "монахиня", sinjorino "сударыня", "синьборина", kuzino "кузина".

Префикс re- (повторение, возвращение) происходит от интернационального префикса, имеющего в русском языке форму re-: reorganizi "реорганизовать", reeksporto "реэкспорт". Вероятна опора на префикс пере- с той же семантикой и близкой формой: refari "переделать", reregistrado "перерегистрация".

Суффикс -ism- (учение, течение) происходит от интернационального префикса, имеющего в русском языке форму -изм: modernismo "модернизм".

Суффикс *-ist-* (профессия, приверженец идеи) совпадает с интернациональным суффиксом русского языка: *traktoristo* "тракторист", *marksisto* "марксист". Этот суффикс обозначает все профессии, тогда как в русском языке с этой семантикой используется множество синонимичных суффиксов: преподаватель, истопник, мебельщик, носильщик, продавец, стрелок, пекарь, экзаменатор, контролер, танцор, шахтер, меняло, водопроводчик, рыбак, скрипач, лектор, гитарист, историк, музыкант, скульптор.

Префикс *eks-* (бывший) совпадает с интернациональным префиксом русского языка: *eksĉampiono* "экс-чемпион".

Суффикс *-ebl-* (возможность) является модифицированной формой романо-английского суффикса, функционирующего в небольшом ряду русских слов в форме *-абельн-*: *transportebla* "транспортабельный", *legebla* "читабельный", также "рентабельный".

Суффикс *-ad-* (продолжительное действие) взят из французского языка, где он образует имена действия от ограниченной группы глаголов. В этом значении он вычленяется в нескольких заимствованных русских существительных: *blokado* "блокада", *bravado* "бравата". Этот суффикс введен в эсперанто как семантический аналог очень продуктивных русских формантов *-ние/-ение/-ание/-тие/-ие*: *kantado* "пение", *movado* "движение", *atendado* "ожидание", *agado* "действие". С другой стороны, он употребляется для образования итеративных глаголов и для имперфективации, являясь семантическим аналогом суффиксов *-ива-/-ыва-/-ва-/-а-*: 1/ *iradi* "хаживать", 2/ *demandadi* "спрашивать", *rakontadi* "рассказывать", *kreadi* "создавать", *elhakadi* "вырубать". У. Коллинсон обращает внимание, что гласный "а" в этих русских суффиксах, сочетаясь с окончанием *-ть*, дает

форму -ать, близкую по звучанию к эсперантскому -ad- [134, с. 84]. Заменгоф и первые русскоязычные авторы излишне часто использовали суффикс -ad-, пытаясь непременно придать эсперантскому глаголу формальный признак имперфективности. Такое употребление давно отмечено как славянизм, которого следует избегать [133, с. 51; 166, с. 141]. Статистика показывает, что по частоте употребления у Заменгофа суффикс -ad- стоит на первом месте, значительно превышая частоту других аффиксов [143, с. 566]. Статистика современной разговорной речи, когда среди информантов не было русскоязычных эсперантистов, поставила этот суффикс лишь на пятое место, причем его частота значительно уступает частоте первых четырех аффиксов [218, с. 4]. Это свидетельствует о заметной эволюции в употреблении аффиксов.

Суффикс -aĵ- (конкретный предмет) происходит от французского -age и с этим значением вычленяется в одиночных заимствованных русских словах: trikaĵo "трикотаж", fiksaĵo "фиксаж". Возможна опора на суффикс -ёж: desegnaĵo "чертеж" и на слова типа "деревяшка" - lignaĵo, "стекляшка" - vitraĵo, "кругляшка" - rondaĵo. Суффикс -aĵ- является семантическим аналогом ряда русских суффиксов с тем же значением, которые образуют множество дериватов: skribaĵo "записка", aĉetaĵo "покупка", trovaĵo "находка", manĝaĵo "кушанье", teksaĵo "ткань", kreviĵo "трещина", fumaĵo "курево", malnetaĵo "черновик", eksteraĵo "внешность", novaĵo "новость", sanktaĵo "святыня", araneaĵo "паутина", diablaĵo "чертовщина", kokinaĵo "курятина", ovaĵo "яичница". Романские и германские языки почти не образуют дериватов такого рода, обычно удовлетворяясь описательными конструкциями. Срав. идиоматичный дериват kreskaĵo "растение" от kreski "расти".

Суффикс *-et-* (уменьшительность) романского происхождения вычленяется в ограниченном числе заимствованных русских слов в формах *-етт(а)*, *-этк(а)*, *-етк(а)*: *arieto* "арьетта", *simfoni-eto* "симфоньетта", *statueto* "статуэтка", *vagoneto* "вагонетка". Он служит семантическим аналогом ряда русских суффиксов для образования слов с уменьшительным и ласкательным значением, почти не имеющих аналогов в романских и германских языках: *urbeto* "городок", *pluveto* "дождик", *seĝeto* "стульчик", *paneto* "хлебец", *birdeto* "птичка", *aĵeto* "вещица", *pordeto* "дверца", *speguleto* "зеркальце", *vizaĝeto* "личико", *ŝtoneto* "камушек", *vilageeto* "деревушка", *knabeto* "мальчонок", *malforteta* "слабоватый", *verdeta* "зеленоватый", *juneta* "молоденький".

Суффикс *-estro-* (руководитель) имеет романо-германское происхождение; его вариант вычленяется в почти замкнутом ряду русских слов, заимствованных из немецкого языка в форме *-meister*: *ĥorestro* "хормейстер", *policestro* "полицмейстер".

Суффикс *-aĉ-* (уничижительное значение) взят из итальянского языка с опорой на русский суффикс *-ач* с той же семантикой и на исход слова "кляча": *lertulaĉo* "ловкач", *trukulaĉo* "трюкач", *rimulaĉo* "рифмач", *ĉevalaĉo* "кляча". Он имеет гораздо более широкую сферу употребления, чем русский суффикс.

Суффикс *-eco-* (отвлеченное качество) взят из итальянского языка и имеет близкие аналоги в других романских и английском языке. Возможно, он выбран с опорой на продуктивные русские суффиксы *-ость/-есть* и *-еств(о)*, *-ств(о)* с той же семантикой и с близкой фонетической и графической формой: *freĝeco* "свежесть", *simileco* "схожесть", *eleganteco* "изящество".

Каузативный суффикс *-ig-* (заставить, сделать каким-либо)

выделен из некоторых немецких и латинских глаголов с опорой на русский глагольный суффикс *-и-* с тем же значением: *ridigi* "смешить", *purigi* "чистить", *blankigi* "белить", *blindigi* "слепить", *limigi* "ограничить", *trinkigi* "поить".

Суффикс *-id-* (потомок) происходит из древнегреческого языка, откуда он проник в латинский. Выбран с опорой на русский суффикс *-ич* [230, с. 68]: *princido* "княжич", *carido* "царевич", *reĝido* "королевич", а также: Ильич, Иванович.

Суффиксы числительных унифицированы: они все начинаются на *о-*. Эта унифицированность — одна из причин их низкой опознаваемости.

Суффикс *-obl-* (кратное числительное) выделен из слов "дубль" и аналогичных *double* (фр., англ.), *doble* (исп., порт.). Он является семантическим аналогом русского суффикса *-н-* в прилагательных: *duobla* "двойной", *triobla* "тройной", и суффикса *-жды/-жды* в наречиях: *duoble* "дважды", *trioble* "трижды".

Суффикс *-on-* (дробное числительное) выделен из французских слов *division*, *fraction* с опорой на русский суффикс *-ин(а)*: *kvarono* "четвертина". Срав. также "десятина": "... 2. десятая часть урожая... От "десять". Первично второе знач., из которого развились остальные" [101, с. 507].

Суффикс *-op-* (собирательное числительное) образован по аналогии с эсперантскими суффиксами *-obl-* и *-on-* путем инверсии распределительного предлога "по", взятого из русского языка в форме *po* [226, с. 206]. Он является семантическим аналогом разных русских форм с собирательным значением: *duore* "вдвоем", *kvarore* "вчетвером" (срав. *duore* "вдвоем", *po du* "по два"), *duoro* "двое", "двойка", *kvaroro* "четверо", "четверка".

Суффикс *-eg-* (увеличение) создан по аналогии с суффиксом *-et-*, возможно, с опорой на русский суффикс *-ят-* [230, с. 65]: *domego* "домище", *stormego* "штормяга", *cevalego* "коняга", *ruzegulo* "хитряга". Он является семантическим аналогом русских увеличительных суффиксов, которые образуют дериваты, какие с трудом образуются регулярной деривацией в романских и германских языках: *manego* "ручища", *amikego* "дружище", *malvarme* "холодина", *fiŝego* "рыбина", *malpurega* "грязнущий", *altega* "высоченный."

Префикс *dis-* (разделение) взят из латинского языка, откуда он в разных формах перешел в живые романские языки и в английский язык. В русском языке есть ряд заимствованных слов, начало которых имеет ту же семантику, но не всегда вычленяется как префикс: дислокация, диспозиция, диссеминация, диссоциация. Он введен как семантический аналог русского продуктивного префикса *раз-/рас-* с теми же оттенками семантики: *disbati* "разбить", *disiri* "разойтись", *disĵeti* "разбросать", *dispeli* "разогнать", *disflori* "расцвести", *disduiĝi* "раздвоиться", *disfali* "распасться", *dissendi* "разослать". Романские и германские языки не обладают регулярной возможностью образования аналогичных слов. В "Универсальном словаре" Заменгоф прямо указывает, что префикс *dis-* переводится русским префиксом *раз-*. Действительно, почти все слова с префиксом *dis-* употребленные Заменгофом в первом большом русско-эсперантском словаре [49], калькируют аналогичные русские слова. Есть в этом словаре ряд архаизмов, которые калькируют также идиоматическую семантику соответствующих русских слов: *disfari* "раздельвать", *dislasi* "распускать", *disfleksii* "разгибать", *diskonfuzi* "растрепать",

diskuŝigi sin "разлечься", dismalfermi "распахнуть", displugi "распахать", disŝnuri "расшнуровать". Эти слова, предложенные Заменгофом на самом раннем этапе, не вошли в употребление. Из этого словаря укоренилась идиома disreviĝi "разочароваться". Удачно слово disvojo "распутье" (современная форма disvojiĝo).

Суффикс -end- (долженствование) взят из латинского языка. В русском языке существует в качестве невычленяемого исхода некоторых заимствованных слов: референдум, дивиденд. Срав. эсп.: jen via vojo irenda "вот путь, по которому вы должны идти".

Суффикс -er- (частица) образован по аналогии с суффиксом -et- и с суффиксом -ar- (срав. приводимое Заменгофом в качестве примера употребления суффикса -er- слово monero с русским переводом "монета" [47, с. 26]). Он создан как семантический аналог русских суффиксов -инк(а), -ин(а): polvero "пылинка", rosero "росинка", neĝero "снежинка", sablero "песчинка", pajlero "соломина". Романские и германские языки не обладают деривационными средствами для образования аналогичных слов.

Инхоативный префикс ek- (начало действия или моментальное действие) происходит из древнегреческого языка. Он создан как семантический аналог широко употребляющихся русских инхоативных префиксов: ekkanti "запеть", ektondri "загреметь", ekveturi "поехать", ekkuri "побежать", ekvidi "увидеть", ekkrii "вскрикнуть", ekfierri "возгордиться". Примеры из первого большого русско-эсперантского словаря Заменгофа [49]: ekflori "расцвести", ekfumi "закурить", ekŝviti "вспотеть", ekkolerigi "прогневить", ektremi "вздвогнуть". Среди переводов русского префикса вз-/вс- Заменгоф дал префикс ek-[49, с. 16, 24]. Английский и романские языки не обладают префиксами с такой се-

мантикой, а немецкий язык пользуется ими гораздо реже, чем русский. Как и первые эсперантские авторы, начинающие русскоязычные эсперантисты и теперь употребляют этот префикс без особой на то необходимости. Вот что писал в начале века Л. де Бофрон, критикуя некоторые особенности "Фундаментальной хрестоматии" [239], отредактированной Заменгофом в качестве нормативной книги: "Прочитайте рассказ "Происхождение женщины", который представляет собой слепое подражание русским инхотивам" [244, с. 48].

Рефлексивный суффикс *-iĝ-* (делаться, становиться) образован по аналогии с суффиксом *-ig-* и служит семантическим аналогом русского постфикса *-ся*. Образуемые им возвратные глаголы средне-возвратного и страдательного залога имеют такое же широкое употребление, как и русские глаголы с постфиксом *-ся*. В деталях, однако, их употребление совпадает не всегда.

Суффикс *-em-* (склонность) имеет неопределенное происхождение, возможно, по аналогии с корнем *am-* "любить". Он играет роль семантического аналога немецкого суффикса *-sam* и нескольких русских суффиксов: *dormema* "сонливый", *parolema* "говорливый", *plorema* "плаксивый", *tolerema* "терпимый", *ridetema* "улыбчивый", *klorodema* "хлопотливый" (полукалька).

Асемантический суффикс *-um-* произошел из латинского языка, где его образец является окончанием. Ему соответствует невычленимый исход многих русских слов латинского происхождения: пленум, техникум. Он употребляется тогда, когда между мотивирующим и мотивируемым словами существует очень абстрактное отношение, которое трудно актуализовать с помощью дериваторов, наличных в системе. По своей функции суффикс *-um-* аналогичен

асемантическому предлогу je [25I, с. 67]. Во "Второй книге международного языка" 1888 г. Заменгоф дает лишь два примера употребления суффикса -um- [25I, с. 66]. Оба они соответствуют русской деривационной паре: plenumi "исполнить" от plena "полный" и malvarummi "простудиться" от malvarma "холодный, студеный". Из этого можно заключить, что русский язык был источником этой оригинальной идеи – создать асемантический суффикс. В процессе эволюции языка сфера употребления этого суффикса заметно расширилась, и даже наметились некоторые конкретные оттенки его семантики.

Отдельно следует сказать о суффиксах причастий. В отличие от романских и германских языков, русский язык обладает суффиксами для образования четырех разновидностей причастий – настоящего и прошедшего времени обоих залогов. Такой же моделью, заимствованной из русского языка, обладает и эсперанто.

В действительном залоге настоящего времени латинский и итальянский языки используют суффикс -nt-, который в сочетании с тематическими гласными дает форманты -ant-, -ent-. Отсюда эсперантский суффикс -ant- в той же функции: fermanta "закрывающий".

В страдательном залоге латинский и итальянский языки используют суффикс -t-, который в сочетании с тематическими гласными дает форманты -at-, -it-. Их первичное значение – прошедшее время, но, вследствие дефективности системы причастий, они могут употребляться и в значении настоящего времени. Эту неопределенность переняли плановые натуралистические языки окциденталь и интерлингва. Но Заменгоф, по аналогии с -ant-, придал суффиксу -at- только значение настоящего времени

страдательного залога, которое у прототипа было вторичным: *fermata* "закрываемый". В русском языке есть много заимствованных слов с этими суффиксами и имеются две пары, совпадающие с эсперантскими: *фабрикант* - *фабрикат*, *адресант* - *адресат*.

С другой стороны, русский суффикс *-т-* образует страдательные причастия только со значением прошедшего времени. При соединяясь к основам некоторых глаголов второго спряжения, он образует сочетание *-ит-/-ыт-*, совпадающее по форме с латинско-итальянским формантом. Естественно, что, опираясь на русский язык, Заменгоф придал этому суффиксу значение прошедшего времени: *закрытый* - *fermita*, *побитый* - *batita*, *побритый* - *razita*, *прожитый* - *travivita*, *умытый* - *lavita*, *шитый* - *kudrita*.

Имея пару *at-it*, осталось заполнить пустую клетку *и*, по аналогии с *-ant-* создать суффикс *-int* (действительное причастие прошедшего времени): *ferminta* "закрывший". Затем по аналогии были заполнены следующие две клетки и образованы причастия будущего времени с суффиксами *-ont-* и *-ot-*: *fermonta* "который закроет", *fermota* "который будет закрыт".

Таким образом, подавляющее большинство эсперантских аффиксов обладают генетической или генетико-типологической общностью с исконными, интернациональными или заимствованными аффиксами русского языка, что проявляется в их форме и семантике. Вскользь, но убежденно говорит об этом И. Сердахеи: "Непременно подчеркнем тот факт, что Заменгоф построил свою систему аффиксов по русской модели. Русский язык очень богат аффиксами, и, разумеется, каждый эсперантский аффикс имеет свой эквивалент в русском языке" [216, с. 103].

4. СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В эсперантском словосложении можно выделить две группы: I/ сложения основ с полупрефиксами (предлогами в функции префиксов), образуемые на базе словосочетания, иногда с добавлением суффиксов и 2/ сложения основ или слов, иногда с добавлением аффиксов.

Почти все слова первой группы образованы по моделям русских слов с префиксами или предлогами-префиксами, имеющими ту же семантику, что и первая часть эсперантских сложных слов, причем некоторые из этих моделей существуют и в других языках. Это, однако, не значит, что все они являются кальками аналогичных русских или иноязычных слов: по моделям, подсказанным языками-источниками, в эсперанто образуется огромное количество слов, не имеющих аналогов в этих языках, ибо даже очень продуктивные модели словообразования этнических языков, как правило, характеризуются неполнотой кода. Это и неудивительно, поскольку простые правила комбинаторики позволяют эсперанто обладать высокой продуктивностью, которая ограничивается, в основном, лишь наличием денотата.

Полупрефикс обычно отражает семантику соответствующего эсперантского предлога, но иногда он меняет ее под влиянием побочных значений русских аналогов. В результате семантика эсперантского сложного слова перестает быть суммой значений его компонентов и приобретает идиоматичность соответствующих русских слов. В процессе эволюции эсперанто пытается освободиться от таких экзоцентрических конструкций, переводя их в разряд архаизмов, но это происходит не всегда.

Некоторые полупрефиксы, в соответствии с моделями русского языка, обладают не только деривационной семантикой, но и переводят глаголы несовершенного вида в глаголы совершенного вида, влияют на категорию переходности-непереходности, а иногда требуют дублирования полупрефикса в виде предлога, например: *ĝisiri ĝis* "дойти до", *kunlabori kun* "сотрудничать с", *derompi de* "отломать от", *eliri el* "выйти из".

В интересной работе Д. Грегора [153], зарегистрировавшего все сложные безаффиксные слова, появившиеся за первые три года существования эсперанто, показывается, что вначале большинство эсперантских сложных слов были кальками соответствующих русских слов, но постепенно росло количество сложных слов, образованных по моделям языков-источников, но не имеющих в них аналогов. Создавались и собственные модели. К сожалению, в этой работе Грегора пропущено много ссылок на русские модели, поэтому мы не можем привести здесь его подсчеты.

Рассмотрим прежде всего многочисленные модели с предложным компонентом полупрефиксом. Перевод примеров показывает русские аналоги, с которых они скалькированы.

Al (к): *alveturi* "приехать", *alligi* "привязать", *alporti* "принести", *alpremi* "прижать". Идиоматичность наблюдается в словах: *alpagi* "доплатить", *almiksi* "подмешать", *alskribi* "приписать" (в метафорическом значении вытеснено словом *atribui*), *almezuri* "примерить", *alvoki* "призвать", *allasi* "допустить", *aldoni* "придать". Архаизмы Заменгофа: *alkanto* "припев", *almiliti* "завоевать" (вытеснено словом *konkeri*).

Antaŭ (перед): *antaŭparolo* "предисловие", *antaŭhistorio* "предыстория", *antaŭresta* "предпраздничный", *antaŭmonta* "пред-

горный", antaŭlasta "предпоследний", antaŭrevolucia "дореволюционный", antaŭvidi "предвидеть". Архаизмы Заменгофа: antaŭdono "задаток", antaŭkantanto "запевала", antaŭstari "предстоять" (имеет некоторое применение).

Arud (около): arudtera "околоземный", arudmoskva "подмосковный", arudkuŝi "прилежать" (метафора).

Ĉe (при): ĉemaro "приморье", ĉelima "пограничный", ĉetabla "застольный".

Ĉirkaŭ (вокруг): ĉirkaŭrigardi "осмотреть", ĉirkaŭkuri "обежать", ĉirkaŭtranĉi "обрезать". Архаизировавшаяся идиома Заменгофа: ĉirkaŭbati "обить".

De (от): deiri "отойти", detranĉi "отрезать", deverba "отглагольный". Архаизмы Заменгофа: dekliniĝi "уклониться", delaso "спуск", deskulptaĵo "слепок", deŝanĝi "сменить".

Ekster (вне): ekstervica "внеочередной", eksterurba "загородный".

El (из) - I/ основное значение "изнутри": eltiri "вытянуть, вытащить" (в значении "вытянуть руку" вытеснено словом etendi), elbati "выбить", elporti "вынести", elfali "выпасть", elirejo "выход". Архаизм Заменгофа: elfosaĵo "ископаемое";
2/ метафорические и идиоматические употребления: elpensi "выдумать", ellabori "выработать", elrigardi "выглядеть" (архаизировавшаяся идиома, вытесненная из употребления словом aspekti), elteni "выдержать", elpraŝi "выступать" (в значении "сделать, исполнить что-либо публично" является идиомой, которую с небольшим успехом пытаются вытеснить близкие по значению слова), elturmenti "измучить", eldoni "издать", elparoli "выговаривать, произносить" (вытесняется словом prononci),

elturniĝi "выкрутиться", elsuferi "выстрадать", elpendaĵo "вывеска" (укоренившаяся идиома), eldividi "выделить" (архаизировавшаяся идиома). 3/ значение законченности действия: elpeti "выпросить", elaŭskulti "выслушать", elsekiĝi "высушить", ellerni "выучить, изучить", elpagi "выплатить", elĉerpi "исчерпать", elhaki "вырубить", elkuraci "вылечить, излечить" (архаизм Заменгофа). Поскольку эсперанто не обладает единым формальным показателем значения законченности действия, некоторые эсперантологи пытаются приписать эту роль полупрефиксу el- [186, с. 88-89]. Однако из-за большой продуктивности el- в значении "изнутри" его применение в значении законченности действия ограничивается лишь небольшим числом слов, в основном, тех, которые скалькированы с этим значением с русских слов.

En (в): enkuri "вбежать", enlasi "впустить", enpensiĝi "вдуматься", enŝteliĝi "вкрасться", enamigi ("влюбиться" (эти две метафоры переходят в идиомы), enveja "внутривенный", enirejo "вход". Архаизмы Заменгофа: enfalujo "западня", enkomune "вообще" (вытеснено словом ĝenerale), enmeto "вклад", enporto "взнос" (эти два слова вытесняются словом kontribuo).

Ĝis (до): ĝisnaĝi "доплыть", ĝisvivi "дожить", ĝissate "досыта".

Inter (между): intersezono "межсезонье", interurba "междугородный", interrigardi "переглядываться".

Kontraŭ (против): kontraŭbato "контрудар", kontraŭmilita "антивоенный", kontraŭpezo "противовес", kontraŭnatura "противоестественный", kontraŭstari "противостоять".

Krom (кроме): kromgusto "привкус", kromsono "призвук", kromnomi "прозвать".

Kun (с): I/ совместность: kunaŭtoro "соавтор", kunlabori "сотрудничать", kunsenti "сочувствовать", kunkulpa "совинов-ный"; 2/ движение с разных мест в одно: kunligi "связать", kunmeti "сложить", kunvoki "созвать".

Per (посредством) – вследствие идиоматичности немногих численные слова, образованные по этой модели, вытесняются корневыми неологизмами: perlabori (lukri) "заработать", perludi (gajni) "выиграть".

Po (по) – употребляется только с количественными словами: pomonata "помесячный".

Post (после): postmilita "послевоенный", postreforma "пореформенный", posttrinki "запить".

Pri (о) – семантика этого предлога слабо отражается в композитах: pripensi "обдумать", priparoli "обговорить", pri-diskuti "обсудить", priskribi "описать", prisilenti "умолчать". Калькируя русские слова, этот полупрефикс, в основном, имеет значение перевода действия с субъекта на объект: prilabori "обработать", priŝteli "обокрасть", priridi "осмеять", pripagi "оплатить", pridonaci "одарить", priserĉi "обыскать", prikalumni "оклеветать", prisemi "засеять", priverŝi "полить".

Sen (без): как и в русском языке, очень продуктивный фор-мант: senhejma "бездомный", senfina "бесконечный", senventeco "безветрие", sendanĝereco "безопасность". Идиоматичны: senhel-па "беспомощный", senmorta "бессмертный". Д. Бланке, говоря о прилагательных, образованных полупрефиксом sen-, констатирует, что в немецком языке такие прозрачные композиты отсутствуют, "хотя с семантической точки зрения они вообразимы" [124, с. 386]. Комментируя слова Г.Мока: "Простое отрицание выражается

префиксами *ne-* или *sen-*. Таким образом, *neutila* или *senutila* означает "беспользный, неполезный", И.А. Бодуэн де Куртене восклицает: "Почему эта двойственность, этот *embarras de richesse*?" Ответ заключается в том, что в эсперанто базовым является прилагательное *utila*, а в русском — существительное "польза" (эсп. *utilo*). Эсперанто не только образует отрицательное прилагательное *neutila* "неполезный", но и калькирует русское слово "беспользный" словом *senutila*, которое строится регулярно на базе адъективации словосочетания *sen utilo* "без пользы" [109, с. 70]. Против дериватов типа *senutila* возражает сторонник чистой логики в эсперанто Л. Мимо [186, с. 170].

Sub (под): *subglaso* "подстаканник", *subtitolo* "подзаголовок", *subterejo* "подземелье", *subakva* "подводный", *submeti* "подставить", *subfosi* "подкапывать". Метафоричны: *subkomitato* "подкомитет", *subdividi* "подразделить", *subteni* "поддержать", *subkompreni* "подразумевать". Идиоматичны укоренившиеся слова со значением "тайно": *subauskulti* "подслушивать", *subrigardi* "подсмотреть", *subridi* "подсмеиваться", *subaĉeti* "подкупить". Архаизировавшаяся идиома: *subparoli* "подсказывать".

Super (над): *supersistemo* "надсистема", *superkonstrui* "надстроить". Метафоричны: *superprofito* "сверхприбыль", *supermoderna* "сверхсовременный", *superruzi* "перехитрить".

Sur (на): *surtera* "наземный", *surglui* "наклеить".

Tra (через, сквозь): *trahaki* "прорубить", *trairi* "пройти", *trasegi* "перепилить",; метафоричны со значением "от начала до конца": *tranokti* "переночевать", *travintri* "перезимовать", *travivi* "прожить", *tralegi* "прочитать" и со значением "интенсивно": *trafriti* "прожарить", *trafrosti* "промерзнуть".

Trans (за, через, по ту сторону): translima "заграничный", transatlantika "трансатлантический", transriverejo "заречье", transsalti "перепрыгнуть". В глаголах часто наблюдается семантический сдвиг в сторону значения "переходить из одного места или состояния в другое": transloki "переместить", transdoni "передать", transformi "преобразовать".

Хотя эсперантские композиты, образованные с помощью полупрефикса, внешне похожи на романские слова, анализ показывает, что большинство из них созданы по моделям аналогичных русских слов. Отметим, что некоторые композиты этого типа вышли или выходят из употребления вследствие того, что они копируют идиоматичность семантики соответствующих русских слов.

Теория эсперантского словообразования, которое вследствие агглютинативного характера морфемки языка сводится к сложению, была после долгих отсрочек кодифицирована Академией эсперанто [109. с. 69-70]. Она основывается на анализе функционирования языка, который провели Рене де Соссюр [204], брат Фердинанда де Соссюра, Эуген Вюстер [234], создатель теории международной терминологии [27] и Кальман Калочай [164]. Суть той ее части, которая трактует словообразование путем сложения корневых или корневых и деривационных морфем, сводится к следующему:

I. Сложное слово образуется на базе подчинительного словосочетания. Словосочетание из качественного прилагательного и существительного не может превращаться в субстантивное сложное слово без деривационного аффикса: egal-rajt-eco "равноправие", т.е. дериватор скрепляет распадающееся словосочетание.

2. В сложном слове опорный компонент стоит в конце. Он определяет грамматический характер, т.е. отнесенность к части речи, и семантику соответствующего сложного слова: pan-uzino "хлебозавод" — это uzino "завод". Побочный компонент предшествует ему и уточняет, конкретизирует его: pan- В слове pan-uzino. Словосочетание как целое может составлять единый побочный компонент: egala rajto "равное право" как база для образования сложносuffixального слова egalrajteco.

3. Грамматический характер опорного компонента определяет не только грамматический характер сложного слова, но и грамматический характер побочного компонента. Если опорный компонент является существительным или прилагательным, то побочный компонент является или становится существительным: varmenenergetiko "теплоэнергетика". Поскольку для русского языка сложные глаголы нехарактерны, этот вопрос мы не затрагиваем.

4. Если грамматическая категория сложного слова отличается от грамматической категории господствующего слова словосочетания, то опорным компонентом сложного слова является деривационный или реляционный affix, выражающий часть речи. Он играет роль транспозитора, переводя господствующее слово словосочетания из одной части речи в другую: blu-okul-a "голубо-глаз-ый".

Академическая теория словообразования в нашей формулировке пригодна также для анализа живых процессов словосложения русского языка, когда семантика сложного слова с подчинительным отношением его компонентов является суммой значений его компонентов. Она распространяется как на собственно сложные, так и на сложно-suffixальные слова. Русские композиты, образо-

ванные по вышеизложенным принципам, легко калькируются в эсперантские и послужили моделями для эсперантского словосложения.

Следующие примеры русским сложных и сложносоставных слов с подчинительным отношением их компонентов взяты из главы "Сложение" книги Н.М. Шанского [103]: льноволокно - linfibro, овощехранилище - legomkonservejo, миномет - minjetilo, работоспособный - laborkaraba, металлорежущий - metaltranĉa. Другие примеры: каждодневный - ĉiutaga, инопланетный - aliplaneda, законодательный - leĝdona, двусмысленный - dusenca, плодоносный - fruktoporta, головоломный - kaprompa, многострунный - multkorda, жизнеспособность - vivkarabl(eco).

Эсперантское словосложение обладает высокой степенью продуктивности и регулярности, тогда как русское словосложение ограничено не только фонетической, морфологической и семантической валентностью, но и, особенно, узусом. Например, на базе словосочетаний "добрая душа" и "чистое сердце" русский язык и эсперанто образуют аналогичные композиты: добродушный - bonanima и чистосердечный - purkora. Но на базе словосочетаний "доброе сердце" и "чистая душа" эсперанто образует bonkora и puranima, тогда как узус русского языка позволяет образовать "добросердечный", но не позволяет образовать "чистодушный"; во всяком случае, это слово не зарегистрировано в словарях.

Продуктивность эсперантского словосложения даже выше продуктивности немецкого словосложения, ибо оно не стеснено морфонологической несовместимостью компонентов [124, с. 386].

Некоторые эсперантские композиты характеризуются сдвигом семантики, когда она не равна суммарной семантике компонентов. Почти всегда в таких случаях речь идет о кальке идиомы. Таковы,

например, укоренившиеся кальки русских слов: *memstara* "самостоятельный" и *multenombra* "многочисленный". Если первую можно понять как метафору, то вторая совсем нелогична. В ряде русских образований такого рода основа много- равнозначна слову "очень" или "большой": многоопытный, многосемейный [91, с. 320]. В последнее время вместо *multenombra* начинает употребляться логичное *grandnombra*.

В связи с этим интересно прокомментировать правило о том, что словосочетания из качественного прилагательного и существительного не могут превращаться в субстантивированное сложное слово без добавления деривационного аффикса (по крайней мере, нулевого). В кодифицированных "Основах эсперанто" [240] такого правила нет, оно выведено из узуса. Это один из примеров разницы между проектной и коммуникативной грамматикой эсперанто [79, с. 45]. Узус эсперанто с самого начала противился образованию сложных слов такого рода, очевидно, потому, что в русском языке они крайне редки. Из нескольких десятков таких слов, которые употребляются в эсперанто, лишь одно является калькой русского слова: *bonstato* "благосостояние", которое в русском языке является не регулярно образованным дериватом, а калькой французского слова *bien-être*. Большинство таких слов скалькировано с немецких, например: *junedzino* "молодая жена" (=недавняя) от *Jungfrau*, *rapidvagonaro* "скорый поезд" от *Schnellzug*. Чаще всего семантика таких слов не является суммарной семантикой их компонентов: *junedzino* может быть и не молодой, а *rapidvagonaro* может двигаться не быстро. Хотя некоторые слова такого рода употребляются довольно широко [166, с. 512-514], они выходят за рамки установившихся моделей эсперантской

композиции. Трудно предсказать, дегенерируют ли они в будущем, останутся малопродуктивными или активизируют свою продуктивность. Если случится последнее, то общий характер эсперантской композиции заметно изменится.

К сказанному следует добавить, что эсперанто использует несколько калек с русских слов, образованных с помощью редупликации: *plenplene* "полным-полно", *finfine* "в конце концов", *vole-nevole* "волей-неволей", *iom-post-iom* "мало-помалу".

Русские разговорные формы "более-менее", один-два (с опущением союза "или") дали эсперантские аналоги: *pli-malpli*, *unu-du*.

Попытки ввести в эсперанто сложносокращенные слова по типу русских (*labkoro* "рабкорр", *junkoro* "юнкор" оказались безуспешными, ибо нарушали агглютинативность языка. Однако некоторое применение нашло слово *kompartio* "компартия" — скорее как целиком заимствованное слово, чем сложное слово, образованное по эсперантской модели. Срав. также бытующее в среде русскоязычных эсперантистов окказиональное вкрапление *turbazo* "турбаза".

Резюмируя можно утверждать, что эсперантское словосложение базируется, в основном, на моделях, взятых из русского языка, хотя имеются аналоги и в других языках, прежде всего в немецком и польском. Его своеобразие заключается в высокой продуктивности и регулярности моделей, которые лишь в небольшой степени ограничиваются узусом, в результате чего в эсперанто образуется огромное количество сложных слов, не имеющих аналогов в национальных языках, в которых путь от окказионального употребления до узуса очень велик.

5. МОРФОЛОГИЯ

5.1. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

Основные парадигматические классы маркируются в эсперанто характерными показателями, выражающими реляционное значение слова. Поскольку корни в "Универсальном словаре" являются словами виртуальными, эти показатели служат также актуализаторами, переводя виртуальные слова в актуализованные. Материалом для этих показателей служат гласные, что способствует легкой идентификации этих классов в тексте, прозрачности синтаксической структуры и благозвучию, т.е. они выполняют и делимитативную функцию: ни в одном европейском языке парадигматические классы не отличаются друг от друга по форме так четко, как в эсперанто. Для этого используются четыре из пяти гласных. Соотнесенность формы этих показателей с формами аналогичных формантов в национальных языках носит лишь косвенный характер.

Класс существительных характеризуется окончанием -o, которое соотносится с аналогичным окончанием русских существительных среднего рода и с окончанием многих итальянских существительных. Они, в свою очередь, происходят от праиндоевропейских существительных мужского и среднего рода с основой на -o, связанной с согласным s: os. Эта основа дала различные отражения в индоевропейских языках, в частности, основу на -ъ в древнерусском языке, графическое изображение которой сохранилось в орфографии до 1917 г. На выбор гласного "o" в качестве показателя класса существительных, очевидно, повлияло и его широкое употребление в качестве интерфикса в композитах русского языка: водопад - аквофало.

Класс прилагательных (куда входят также притяжательные местоимения, порядковые числительные и причастия) имеет окончание -а, характерное для имен женского рода в русском (и в других славянских) и в некоторых романских языках.

Класс производных наречий (куда входят также деепричастия) характеризуется окончанием -е, восходящим к аналогичному суффиксу ("искренне", "певуче") и к форме сравнительной степени наречий и прилагательных в русском языке (и в других славянских языках), а также к форме некоторых латинских и итальянских наречий.

Класс глаголов в инфинитиве имеет окончание -i, которое восходит к аналогичному окончанию русского инфинитива некоторых глаголов типа "идти", "нести"; срав. устаревшие формы типа "гуляти", которые дали в большинстве глаголов современного русского языка форму -ть. Выше описывалось происхождение форм суффиксов причастий: -ant-, -at- (настоящее время), -int-, -it- (прошедшее время), -ont-, -ot- (будущее время). По аналогии эти же гласные были взяты для обозначения глагольных времен индикатива: -as (настоящее время), -is (прошедшее время) и -os (будущее время). К гласным добавлен согласный s, использующийся в спряжении большинства индоевропейских языков и отразившийся в формах второго лица русского глагола -ешь, -ишь.

Моделью для формы множественного числа парадигматических классов существительных и прилагательных послужило окончание русского языка (и других славянских языков) -и/-ы, которое характерно также для итальянского и румынского языков. Поскольку окончание множественного числа примыкает к предшествующим гласным О и А, этот формант получил неслоговую форму j. Это

оказалось тем более удобным, что к нему может присоединяться согласный -n, служащий для обозначения винительного падежа.

Разнородные слова, характеризующиеся синкретизмом лексической и реляционной семантики, объединяются в замкнутый класс аморфных слов с нулевым показателем класса. Идентификация этих немаркированных слов в тексте базируется на их немногочисленности и высокочастотности. Показатели парадигматических классов и аморфные слова выражают реляционный каркас структуры эсперанто.

Показатели парадигматических классов, кроме реляционной, актуализационной и делимитативной функций, выполняют также деривационную функцию, являясь транспозиторами, переводящими слова из одного парадигматического класса в другой [69]. Такого рода явления (транспозиция, конверсия, нулевая суффиксация, деривация с помощью чисто транспозиционных или частично транспозиционных суффиксов, выражающих отношение в широком смысле, субстантивация, адъективация, вербализация и т.д.) существуют и во многих европейских языках, в том числе и в русском. Но в них она не носит такого регулярного и всеобъемлющего характера, как в эсперанто.

Если транспозиция дает слово с нечеткой семантикой, то семантика актуализуется контекстом или узусом. В этнических языках преобладающим является узус, в эсперанто — контекст.

Для теоретического обоснования транспозиции в эсперантологии потребовалось ввести понятие грамматической спецификации (грамматической соотнесенности, грамматического характера, категориальной принадлежности) корня, т.е. прикрепленности каждого корня к той или иной части речи.

Эта идея была выдвинута Э. Буаракком и разработана Р. де Соссюром [204; 205]. Она была кодифицирована Академией эсперанто [109, с. 69] и далее развита ею в связи с кодификацией "Базового официального корнеслова" [110, с. 37-54]. Несмотря на кодификацию понятия грамматической спецификации корня, оно вызывает сомнение у некоторых эсперантологов [29, с. 52]. Это понятие базируется на анализе узуса эсперанто, который, в свою очередь, базируется на традиции европейских языков (прежде всего русского), в которых при построении словообразовательного гнезда деривация носит различный характер в зависимости от грамматического характера производящей мотивирующей основы. Понятие грамматической спецификации корня оказалось очень плодотворным в теории эсперантского словообразования, которое, в связи с агглютинативным характером эсперантской морфемки, рассматривает семантические отношения непосредственно составляющих внутри синтагмы только на уровне композиции, включая в нее аффиксальную и транспозиционную деривацию.

На основании этого понятия Р. де Соссюр выдвинул для словообразования принципы необходимости и достаточности, кодифицированные Академией эсперанто. Приведем их в наиболее четкой формулировке С.Н. Кузнецова: "Первый принцип требует включения в слово всех морфем, которые необходимы для получения нужного суммарного смысла, второй принцип требует изъятия из слова тех морфем, которые избыточны для получения суммарного смысла" [77, с. 67].

Принципы необходимости и достаточности выведены из узуса эсперанто и должны были быть только обнаружены. Еще Заменгоф сознавал эту особенность эсперантского словообразования,

хотя он и не сформулировал ее: "Ваше мнение, что часто (когда не может существовать никакого сомнения) мы можем даже изъять суффикс -aĵ- и использовать просто только субстантивное окончание -o, я нахожу совершенно правильным" [247, с. 55].

Эти принципы базируются также на узусе европейских языков, прежде всего русского. Показателен пример русских глаголов, мотивированных именами, которые образованы транспозиционными дериваторами (флексиями, материальными или нулевыми суффиксами) и выражают отношение к предмету, явлению, непроцессуальному признаку [91, с. 392-393]. Большинство образований такого рода имеют аналоги в эсперанто: 1/ значение "совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным": *vintri* "зимовать"; 2/ значения "занятия, поступки, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным": *instruisti* "учительствовать"; 3/ значение "совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным": *friponi* "плутовать"; 4/ значение "совершать действия, обычно производимые во время того, что названо мотивирующим существительным": *nokti* "ночевать"; 5/ значение "проявлять свойство, названное мотивирующим существительным": *aktori* "актерствовать"; 6/ значение "наделять тем, что названо мотивирующим существительным": *makuli* "пятнать"; 7/ значение "совершать действие с помощью того, что названо мотивирующим существительным": *tamburi* "барабанить"; 8/ значение "занятия, поступки, имеющие отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным": *furiozi* "свирепствовать"; 9/ значение "совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим прилагательным": *avidī* "жадничать"; 10/

значение "совершать действия, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным": *ofti* "частить"; II/ значение "проявлять свойство, названное мотивирующим прилагательным": *verdi* "зеленеть".

Транспозицию можно проиллюстрировать также примерами образования в русском языке существительных и прилагательных с нулевым аффиксом, которые имеют аналоги в эсперанто: *ploro* "плач", *kiso* "поцелуй", *laboro* "работа", *fruo* "рань", *verdo* "зелень", *varmo* "тепло" [91, с. 220].

Будучи сформулированными, принципы необходимости и достаточности явились стимулом к широкому употреблению транспозиции и к увеличению семантической конденсации эсперантских дериватов вследствие изъятия объективно избыточных и контекстуально избыточных морфем. Это в значительной степени увеличило своеобразие и автономность эсперанто. Вместе с тем, эсперантологи не едины в оценке правомерности широкого употребления транспозиции и указывают на семантические неясности, которые оно может вызывать.

5.2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Эсперантское существительное не имеет рода, поскольку эта категория в этнических языках очень идиоматична, и многие языки этой категорией не обладают. Оно имеет категории единственного и множественного числа аналогично современным европейским языкам. О множественном числе см. выше.

Падежная система состоит из двух падежей – именительного и винительного. Значения других падежей выражаются с помощью

предлогов в сочетании с формой именительного падежа, который в данной функции иногда называют предложным [166, с. 62].

Академическая грамматика русского языка утверждает: "Падеж с предлогом способен выразить то или иное отношение более дифференцированно, чем беспредложный падеж" [91, с. 480]. Очевидно, это относится и к беспадежному использованию предлогов, особенно в эсперанто, где предлоги однозначны и где существует разветвленная сеть сложных и составных предлогов.

Можно утверждать, что источником категории винительного падежа в эсперанто является русский язык [230, с. 145] с опорой на немецкий и латинский языки. Как и в русском языке, эсперантский винительный падеж, кроме основного объектного значения, выражает периферийные обстоятельственные значения времени, места, количества и, что важно подчеркнуть, направления [92, с. 432], причем употребление винительного направления в обоих языках полностью совпадает (оно вызывает затруднения у западноевропейских эсперантистов). Сфера употребления винительного падежа в эсперанто шире, чем в русском языке, т.к. он может иногда заменять некоторые предлоги [68], что увеличивает динамичность высказывания и влияет на категорию переходности-непереходности.

5.3. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Благодаря своим словообразовательным возможностям русский язык богаче относительными прилагательными, чем романские и германские языки, которые часто используют предложные конструкции. Эсперанто в этом отношении близок русскому языку, но он

применяет эту модель очень последовательно, тогда как ее применение в русском языке ограничивается морфологией и особенно узусом: *ŝranka pordo* "дверь шкафа", но не "шкафная дверь".

Образование адвербиальных прилагательных свойственно русскому и немецкому языкам, но не свойственно романским языкам: *nuna* "теперешний", *hieraja* "вчерашний", *tiama* "тогдашний".

По модели русского языка эсперантское прилагательное согласуется с существительным в числе и падеже, причем омонимия окончаний, свойственная русскому языку, отсутствует.

5.4. ГЛАГОЛ

Формы глагола в эсперанто выражаются минимальным набором морфологических показателей, но они позволяют глагольной системе адекватно функционировать в самых различных обстоятельствах. Вот как это характеризует "Полная аналитическая грамматика эсперанто": "Если морфология глагола очень проста, то выражение оттенков глагольных значений очень детализовано и более совершенно, чем в западноевропейских языках. Этот феномен обязан, вероятно, влиянию русского и древнееврейского языков" [166, с. 130]. А вот мнение французского эсперантолога Г. Мока: "Под кажущейся бедностью, например, глагольных форм вы найдете все оттенки, какие только можно пожелать от глагола, и, во всяком случае, они бесконечно разнообразнее и богаче, чем, например, формы французского глагола" [44, с. 128].

5.4.1. ЛИЦО И ЧИСЛО

Для всех лиц и обоих чисел в каждом времени имеется лишь одно окончание. Указание на лицо и число дает личное местоиме-

ние. Моделью для этого могли послужить простые морфологические структуры английского глагола и русского глагола в прошедшем времени.

5.4.2. ВРЕМЯ

Глагольная система эсперанто состоит из трех синтетических форм времени. Здесь, несомненно, решающую роль сыграла модель русского языка, причем русская аналитическая форма будущего времени не получила отражения в эсперанто как идиоматичная. В то же время, исходя из внешнего сходства конструкций, западноевропейские эсперантологи создали по образцу романских и германских языков теорию вспомогательных сложных форм времени в эсперанто [166, с. 144]. Суть ее состоит в том, что глагол может выступать в аналитической форме в виде сочетания спрягаемого вспомогательного глагола *esti* "быть" и причастия любого залога и времени. Такие формы употребляются при необходимости подчеркнуть оттенок глагольной семантики. Отметим, что Заменгоф еще в 1888 г. писал: "Сложные формы следует употреблять лишь тогда, когда смысл этого непременно требует" [251, с. 59].

Но эти аналитические формы можно интерпретировать иначе, считая их предикативной конструкцией, состоящей из спрягаемой связки *esti* "быть" и причастия, т.е. причастным составным сказуемым. Поскольку спрягаемый элемент здесь недостаточно грамматикализован, он играет роль связки, а не вспомогательного глагола. Такие словосочетания обычны для русского языка в страдательном залоге [92, с. 297-300]. Пример русской парадигмы:

настоящее время:	книга прочитана
	книга читаема
прошедшее время:	книга была прочитана
	книга была читаема
будущее время:	книга будет прочитана
	книга будет читаема

Эсперантский аналог, в котором добавляются причастия будущего времени, отсутствующие в русском языке:

настоящее время:	la libro estas legita
	la libro estas legata
	la libro estas legota
прошедшее время:	la libro estis legita
	la libro estis legata
	la libro estis legota
будущее время:	la libro estos legita
	la libro estos legata
	la libro estos legota

Таким же образом конструируются в эсперанто формы с причастиями действительного залога, какие отсутствуют в русском языке.

Мысль о том, что аналитические формы глаголов представляют собой не спрягаемые формы, а предикативные сочетания глагола *esti* "быть" с причастием, была мельком высказана Э. Зонненфельдом [I76, с. 319] и А. Атанасовым [II4, с. 49]. Интерпретация этих форм как предикативных причастных конструкций более проста, чем теория сложных форм времени, обладает большей объяснительной силой и охватывает все случаи.

Поскольку наличие категории вида у причастий не сформулировано эксплицитно в кодифицированных "Основах эсперанто"

[240] (см. об этом ниже), это стало поводом для длительной дискуссии между сторонниками аспектно-темпоральной семантики и сторонниками чисто темпоральной семантики аналитических форм глагола, см. например [165; 176; 202; 207]. В свете вышеизложенной интерпретации спор становится беспредметным, ибо аспектно-темпоральная семантика причастных составных сказуемых очевидна - она повторяет семантику соответствующих русских конструкций, например: *La demando pri elektoj de la komitato estis pridiskutita, kaj la komitato estis elektita* (а не *elektata*, как это постулируют сторонники чисто темпоральной системы) "Вопрос о выборах комитета был обсужден, и комитет был избран" (а не "избираем"). Приведем также фразу, которая неоднократно обсуждалась в этом споре: *oni transportis lin en hospitalon, kie li estis operaciita* "Его перевезли в больницу, где он был прооперирован". Причастие *operaciita* "прооперирован" означает только то, что действие завершено. Контекст показывает, что операция имела место после перевозки в больницу. Для выражения предшествования следует ввести обстоятельство: *kie li estis antaŭe operaciita* "где он был ранее прооперирован".

5.4.3. ВИД

Прежде чем рассматривать категорию вида в эсперантском глаголе, следует уточнить основные понятия. "Вид глагола - глагольная категория, показывающая характер протекания действия во времени, выражающая отношение действия к его внутреннему пределу" [90, с. 53]. "Категория вида - это система противопоставленных друг другу рядов форм глаголов: ряда форм гла-

голов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)" [91, с. 583].

Вид оформляется морфологическими средствами (глагольная видовая деривация) и морфолого-синтаксическими средствами (причастное составное сказуемое, в котором связочный член – спрягаемый глагол "быть" – выражает темпоральное значение, а предикативный член – причастие – выражает аспектуальное значение с помощью причастной видовой деривации).

Каждый вид имеет подвиды. Подвиды совершенного вида: начинательный (инхоативный, инцептивный), мгновенный (моментальный, однократный, точечный) и окончательный (терминативный). Подвиды несовершенного вида: длительный (дуративный) и многократный (итеративный, фреквентативный) [10, с. 75-76, 328].

От морфологической категории вида следует отличать лексико-семантическую категорию способов действия или аспектуальности. Она может входить в лексическое значение глагола или выражаться глагольным видом, контекстом, наречиями времени, а также аналитическими формами глагольных времен, где она переплетена с темпоральностью в отличие от причастных составных сказуемых, где аспектуальное и темпоральное значения выражаются разными членами конструкции.

Понятие категории вида в эсперантском глаголе не было задано в проектной грамматике языка, а было выведено на основе анализа функционирования языка.

Видовая система глагола появилась в эсперанто по модели русского и польского языков [182; 225, с. 417]: "Заменгоф мог

руководствоваться только своей интуицией" [185, с. 5]. В романских и германских языках, как и во всех языках, существует категория способов действия, но морфологически она выражается лишь спорадически (некоторые немецкие глагольные префиксы).

А.А. Реформатский отмечает: "Понятие вида и видовых подразделений, свойственное грамматически русским глаголам, чуждо французской грамматической системе" [62, с. 52]. О том же говорит Ф. де Соссюр: "Эти категории затрудняют француза, потому что в его языке их нет" [97, с. 149].

Как известно, когда-то богатая система временных форм русского языка постепенно атрофировалась. Для выражения оттенков действия русский язык развил категорию вида, которая оформилась лишь к концу 16-го века. Эсперанто оказался в подобном положении и также развил категорию вида. Это облегчалось тем, что категория вида содержалась в русском языке, из которого эсперанто взял темпоральную модель. Следует отметить, что категория вида в эсперанто находится в стадии становления, выражается своеобразно и не так четко, как в русском языке.

"Полная аналитическая грамматика эсперанто" перечисляет пять видов глагола. Фактически она говорит о подвидах, которые (с учетом понятия внутреннего предела действия) могут быть сведены к двум видам: совершенному и несовершенному. Кроме этих двух противопоставленных друг другу рядов форм, в эсперанто имеется большая группа двувидовых глаголов, характеризующихся омонимичностью форм несовершенного и совершенного вида [10, с. 102]. Противопоставление глаголов по их отнесенности к одной из этих трех групп переключается с противопоставлением по маркированности-немаркированности.

Большинство эсперантских немаркированных (безаффиксных) глаголов относится к двувиновым. Их видовое значение (перфективное или имперфективное) выявляется контекстом и лексическими средствами. Вследствие своей немаркированности, что противопоставляет их прежде всего префиксальным перфективным глаголам, двувиновые глаголы имеют тенденцию употребляться в тех случаях, когда нет необходимости подчеркивать перфективность. Иными словами, они ассоциируются со значением несовершенного вида, хотя могут употребляться и в значении совершенного вида. В связи с этим любопытно привести чисто практический принцип, использованный в последнем эсперанто-русском словаре: "При переводе эсперантских глаголов русские глаголы даются преимущественно в несовершенном виде. Формы совершенного вида предпочитают при переводе приставочных глаголов" [22, с. 28]. Примеры двувиновых глаголов: *fari* "делать, сделать", *legi* "читать, прочесть". От двувиновых глаголов могут образовываться глаголы как совершенного, так и несовершенного вида.

Среди немаркированных глаголов выделяется группа неопределенных глаголов со значениями связочности, модальности, интеллектуального состояния, эмоционального состояния, обладания, существования, положения в пространстве, восприятия органами чувств и др [91, с. 592-594]. Это глаголы абсолютного несовершенного вида: *memori* "помнить", *stari* "стоять", *voli* "хотеть", *ami* "любить", *havi* "иметь", *logi* "обитать", *vidi* "видеть". От них образуются глаголы инхоативного подвида, но не образуются глаголы терминативного подвида совершенного вида.

Среди немаркированных глаголов выделяется другая группа — точечных глаголов со значениями мгновенного или однократного

действия: *fali* "упасть", *forgesi* "забыть", *fermi* "закреть", *trovi* "найти". Это глаголы преимущественно совершенного вида.

Глаголы совершенного вида образуются от двувидовых глаголов и от глаголов несовершенного вида несколькими способами [58]. Инхоативный подвид образуется регулярно с помощью префикса *ek*: *ekvoli* "захотеть", *ekami* "полюбить", *ekvidi* "увидеть", *ekveturi* "поехать". Префикс *ek*- является семантическим аналогом нескольких русских превербов с инхоативным значением.

Для обозначения терминативного подвида эсперанто не обладает регулярным морфологическим показателем и, при необходимости, использует его суррогаты в виде полупрефиксов, образованных от предлогов и некоторых полнозначных слов: *e1-*, *fin-*, *plen-*, *sat-*, *tra-*, *tut-*, *ĝis-*: *ellerni* "изучить", *finkanti* "спеть", *plenkuiri* "сварить", *satripozi* "отдохнуть", *tralegi* "прочитать", *tutkontroli* "проверить", *ĝisvivi* "дожить". Этот способ перфективации основывается также на модели русского языка, где тоже нет регулярного показателя терминативного подвида, а используется большой ряд превербов: *вз-*, *воз-*, *вы-*, *за-*, *из-*, *на-*, *о-*, *об-*, *от-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*. "Полная аналитическая грамматика эсперанто" приписывает употребление преверба *e1-* "из-" подражанию немецкому и латинскому языкам, тогда как все приведенные ею примеры из словопотребления *Заменгофа* калькируют соответствующие русские слова [166, с. 142].

С другой стороны, в эсперанто, как и в русском языке, почти все словообразовательные префиксы, наряду с деривационным значением, имеют также перфективное (терминативное) созначение. Это значительно снижает потребность в специальном чисто видовом

терминативном префиксе, что, очевидно, и является причиной того, что он в эсперанто до сих пор не появился, а предложенные проверки с этим значением не привились.

Особый случай представляет собой употребление суффикса *-iĝ-* (делаться, становиться). Прибавляясь к субстантивным и адъективным основам, он образует глаголы совершенного вида: *ŝtono* "камень", *ŝtoniĝi* "окаменеть"; *ruĝa* "красный", *ruĝiĝi* "покраснеть". С глагольными основами несовершенного вида он приобретает значение рефлексивности, а также дополнительные значения: с непереходными глаголами — инхоативности (*sidi* "сидеть", *sidiĝi* "сесть"), с переходными — инхоативности и пассивности или средне-возвратности (*ruli* "катить", *ruliĝi* "катиться").

Другим способом перфективации является использование конструкций причастного составного сказуемого с предикативным членом — активным или пассивным причастием прошедшего времени: *la libro estis legita* "книга была прочитана", *mi estis leginta la libron* "я прочитал книгу" ("я был прочитавшим" — грамматически правильная, но не реализуемая конструкция). Как указывалось выше, этот способ перфективации оспаривается некоторыми эсперантологами, но Академия эсперанто приняла решение о признании таких конструкций перфективными [109, с. 25-54].

Имперфективация в эсперанто осуществляется регулярно с помощью суффикса *-ad-*, который копирует соответствующий регулярный способ имперфективации русского языка с помощью суффиксов *-ива-/-ыва-/-ва-/-а-*. Как и в русском языке, в эсперанто существует имперфективация беспрефиксных глаголов совершенного вида: *trompi* "обмануть", *trompadi* "обманывать"; имперфективация

суффиксальных глаголов, мотивированных существительными и прилагательными (в русском языке им соответствуют префиксально-суффиксальные глаголы): *ŝtoniĝi* "окаменеть", *ŝtoniĝadi* "окаменевать"; а также вторичная имперфективация префиксальных глаголов совершенного вида, мотивированных беспрефиксными глаголами: *kreski* "расти", *elkreski* "вырасти", *elkreskadi* "вырастать"; *skribi* "писать", *reskribi* "переписать", *reskribadi* "переписывать"; *posedi* "владеть", *ekposedi* "овладеть", *ekposedadi* "овладевать".

Как упоминалось выше, первые эсперантские авторы излишне широко употребляли видовые аффиксы *ek-* и *-ad-*, стремясь, под давлением грамматической системы русского языка, придать двувидовым глаголам формальные показатели категории вида даже в тех случаях, когда контекст не дает повода для сомнений в видовом значении глагола. Эта тенденция наблюдается у русскоязычных эсперантистов и теперь, особенно у начинающих. Международной нормой становится употребление видовых аффиксов лишь в случаях коммуникативной необходимости. Другой характерной ошибкой начинающих русскоязычных эсперантистов является буквальный перевод русских видовых префиксов, которые омонимичны деривационным префиксам, но, в отличие от них, не обладают деривационной семантикой: сделать - *kunfari* *vm. fari, finfari*.

5.4.4. НАКЛОНЕНИЕ

Что касается категории наклонения, влияние русского языка можно усмотреть в том, что сослагательное наклонение в эсперанто не имеет форм времени: *mi farus* "я сделал бы" (в прошедшем, настоящем или будущем).

5.4.5. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ-НЕПЕРЕХОДНОСТИ

По модели русского языка эсперантские глаголы четко подразделяются на переходные и непереходные. В отличие от романских и германских языков, у них нет транзитивностной омонимии. Под влиянием родного языка даже очень опытные англо- и франкоязычные эсперантисты допускают здесь ошибки, например, придавая слову *komenci* "начинать" значение, которое присуще слову *komenciĝi* "начинаться" [115]. Транзитивностная омонимия особенно велика в английском языке (*sell* "продавать, продаваться"), вследствие чего многие англоязычные эсперантисты колеблются в понимании семантики глагола *boli* "кипеть", ошибочно употребляя его в значении "кипятить" [133, с. 75]. Ослабленность категории переходности-непереходности в романских и германских языках, очевидно, вызвана атрофированием категории винительного падежа.

Переходные глаголы называют действие, которое направлено на объект действия, выражаемый прямым дополнением в беспредложном винительном падеже. Постглагольное обстоятельство в винительном падеже не является признаком переходности глагола: *mi dormis sep horojn* "я спал семь часов" (глагол непереходный).

Глаголы, после которых не стоит прямое дополнение в винительном падеже, являются непереходными. В них выделяется группа косвенно-переходных глаголов, требующих после себя косвенного дополнения: *aparteni al knabo* "принадлежать мальчику". Под влиянием национальных языков и вследствие того, что в эсперанто прямое дополнение в винительном падеже может иногда заменять косвенное дополнение, у ряда эсперантских глаголов

наблюдается колебание между отнесенностью к семантически близким переходным и косвенно-переходным глаголам: danki (al) "благодарить", gratuli (al) "поздравлять", envii (al) "завидовать", zorgi (pri) "заботиться", esperi (al, pri) "надеяться", helpi (al) "помогать", miri (pri) "удивляться", pardoni (al) "извинить", revii (pri) "мечтать", suferi (de, pro) "страдать", partopreni (en) "участвовать".

подавляющее большинство эсперантских глаголов совпадает по переходности-непереходности с соответствующими русскими глаголами. В обоих языках от переходных глаголов образуются страдательные причастия. От непереходных глаголов они обычно не образуются. Редкие случаи, когда в русском языке это возможно, имеют аналоги в эсперанто: antaui "предшествовать", antauiata "предшествуемый". В эсперанто такие глаголы входят в группу глаголов, которые колеблются между отнесенностью к переходным или к косвенно-переходным. Почти все члены этой группы с неустойчивой категорией переходности-непереходности могут образовывать причастия страдательного залога, кроме случаев, когда этому препятствует семантика слова.

В обоих языках непереходные глаголы преобразуются в переходные с помощью аналогичных префиксов: travivi "прожить", prilumi "осветить", transiri "перейти". В эсперанто для этого используется также каузативный суффикс (-ig-), что имеет место в русском языке очень редко: trinkiĝi "поить".

В эсперанто переходные глаголы преобразуются в непереходные с помощью возвратного суффикса -iĝ- по модели русского возвратного постфикса -ся: detruii "разрушить", detruiiĝi "разрушиться". При образовании существительных от такого рода гла-

гольных пар в эсперанто форма значения возвратности сохраняется, тогда как в русском языке форма опускается, а значение нейтрализуется: словам *detruo* и *detruigo* в русском языке соответствует лишь одно "разрушение". Это вызвало у Заменгофа нейтрализацию значения возвратности и исчезновение суффикса *-iĝ-* в слове *movado* "движение" (от *movi* "двигать"), которое стало употребляться и со значением слова *moviĝo* "движение" (от *moviĝi* "двигаться"). Это слово укоренилось в широко используемом выражении *Esperanto-movado* "эсперанто-движение", которое, впрочем, весьма идиоматично. По его модели и вследствие того, что нейтрализация значения возвратности в отглагольных существительных характерна также для романских и германских языков, стали создаваться и другие подобные слова, постепенно проникающие в употребление: *internacia komunikado* "международное общение" (регулярная форма *komunikiĝo*), *komuna fotado* "общее фототграфирование" (регулярная форма *fotiĝo*), *regiona renkonto de esperantistoj* "зональная встреча эсперантистов" (регулярная форма *renkontiĝo*), а также *okupo* "занятие", *ligo* "связь", *bano* "купание", *konvinko* "убеждение".

5.4.6. ЗАЛОГ

6-ое правило "Фундаментальной грамматики" гласит: "Все формы страдательного залога образуются с помощью соответственной формы глагола *est-* (быть) и причастия страдательного залога" [240, с. 71-72]. Аналогичная конструкция с предикативным причастием характерна и для русского языка [90, с. 107]: *la libro estis legita de studento* "книга была прочитана студентом".

Но основным средством образования глаголов страдательного залога (пассива) в русском языке является возвратный постфикс -ся. В случаях, когда субъект не назван, а только подразумевается, эсперанто может копировать и этот способ русского языка, используя суффикс -iĝ- как аналог постфикса -ся: *tiu formo uziĝas ofte* "эта форма употребляется часто". "Полная аналитическая грамматика эсперанто" по этому случаю замечает: "Хотя Заменгоф никогда не употреблял такой формы, она все больше и больше распространяется" [166, с. 164]. Этот способ применяется и для других случаев, копирующих модели русского языка: *la libro legiĝas facile* "книга читается легко" и даже *la libro legiĝas de studento* "книга читается студентом". Последнее употребление "Полная аналитическая грамматика эсперанто" не рекомендует. Подобные употребления встречаются и у Заменгофа: *lai sia laboro laboristo taksigas* "по своей работе рабочий оценивается".

Русский язык повлиял на широкое употребление в эсперанто глаголов в средне-возвратном (медиальном) залоге. Здесь опять аналогом форманта -ся выступает суффикс -iĝ- (делаться, становиться): *la ŝtono ruliĝas* "камень катится". Вслед за русским языком, медиальная форма часто употребляется вместо активной формы с возвратным местоимением *sin* "себя": *laviĝi* "мыться" вм. *lavi sin* "мыть себя" [210]. Г. Варенгъен по этому поводу пишет: "Медиальная форма предпочитается Заменгофом во всех его поздних сочинениях" [230, с. 268].

5.4.7. ПРИЧАСТИЕ

Эсперанто не только перенял четырехчленную систему русских причастий (действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего времени), но и добавил к ней образованные по аналогии две формы будущего времени.

Как и в русском языке, в предложении причастие выражает не абсолютное, а относительное время: оно складывается из темпоральных значений причастия и спрягаемой формы глагола: *Li ekvidis ridantajn (ridintajn) infanojn* "Он увидел смеющихся (смеявшихся) детей".

Причастие сохраняет вид глагола, от которого оно образовано. В русском языке и в эсперанто от глаголов совершенного вида образуются только две формы причастия прошедшего времени действительного и страдательного залога: *farinta* "сделавший", *farita* "сделанный". От глаголов несовершенного вида русский язык образует четыре формы причастия: настоящего времени действительного и страдательного залога (делающий, делаемый) и прошедшего времени действительного и страдательного залога (делавший, деланный). Причастия прошедшего времени страдательного залога типа "деланный" почти не употребляются. Эсперанто имеет две первые формы: *faranta* "делающий", *farata* "делаемый", но не образует две последние, поскольку русским видовым парам беспрефиксных и префиксальных глаголов типа "делать - сделать" лишь спорадически соответствует видовая пара в эсперанто. Впрочем, и в русском языке далеко не все глаголы образуют все шесть форм причастий.

Хотя кодифицированная "Фундаментальная грамматика" ничего

не говорит о наличии категории вида в эсперанто, в ней Заменгоф дает такие русские переводы причастий: *faranta* "делающий", *farinta* "сделавший", *farata* "делаемый", *farita* "сделанный" [240, с. 70]. Это имплицитное указание на наличие категории вида у причастий подтверждается узусом Заменгофа и лучших эсперантских авторов и было кодифицировано. В заимствовании видовой системы причастий из русского языка нет ничего удивительного, ибо она существовала в сознании Заменгофа и первых эсперантских авторов [142, с. 38]: для лиц, у которых русский язык родной, причастие неотделимо от категории вида. О дискуссии в эсперантологической литературе по вопросу о наличии категории вида у причастий и у т.н. сложных форм времени см. выше.

Подобно русскому языку и в отличие от романских и германских языков, в эсперанто всегда маркировано различие между отглагольными прилагательными и причастиями: *dorma* - *dormanta* "спальный - спящий", *kuraca* - *kuracanta* "лечебный - лечащий", *danca* - *dancanta* "танцевальный - танцующий".

Эсперантские причастия легко субстантивируются, приобретая показатель -o. Существительные, мотивированные причастиями, как и в русском языке, обычно означают одушевленное лицо [245, с. 243]: *komandanto* "командующий", *laboranto* "трудящийся", *leganto* "читатель", *suferinto* "пострадавший", *fuginto* "бежавший", *konato* "знакомый", *akuzato* "обвиняемый", *mortigito* "убитый", *komisiito* "уполномоченный". Поэтому суффикс лица -ul-, иногда добавляемый после причастного суффикса, является плеоназмом. Это плеонастическое употребление восходит к Заменгофу, который употреблял форму *instruitulo* вм. *instruito*

"ученый" [239, с. 61, 71]. Несмотря на то, что существительные, мотивированные причастиями, обычно означают одушевленное лицо, укоренилось слово *estont(esc)* "будущее", скалькированное с соответствующего русского слова и с латинского *futurum*.

5.4.8. ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В отличие от большинства романских и германских языков и аналогично русскому языку, эсперанто четко различает с помощью морфологических показателей причастия и деепричастия: *leganta* "читающий", *legante* "читая", *leginta* "прочитавший", *leginte* "прочитав". В обоих языках деепричастие сохраняет вид, залог и управление глагола, от которого оно образовано [10, с. 125]. Некоторые современные авторы, в отличие от Заменгофа и первых авторов, используют деепричастия в абсолютных конструкциях, которые чужды эсперанто, как и русскому языку [138].

5.5. МЕСТОИМЕНИЕ

Среди местоимений вклад русского языка наряду с другими языками проявляется в формах: *vi* "вы", *mi* "я" (ср. "меня"), *ni* "мы" (ср. "нас"), *si* "себя". Как видно из этих примеров, многие эсперантские местоимения имеют исход на *-i* аналогично русским местоимениям с исходом на *-и/-ы* [230, с. 59].

Если речь идет о части тела, Заменгоф предпочитал форму *al si* "себе" адъективной форме *sian* "свой": *li bruligis al si la lipharojn* "он обжег себе усы", а не *siajn lipharojn* "свои усы".

5.6. НАРЕЧИЕ

Формы почти всех эсперантских первообразных наречий взяты из отдельных языков, ибо наречия не обладают интернациональностью. Из русского языка взято с усечением лишь слово *perpe* "непрерывно".

В. Мандерс [183, с. 73-74] путем сравнения текстового материала обнаружил, что эсперанто часто использует наречие там, где окциденталь отдает предпочтение предложной конструкции. К причинам, которыми он объясняет эту тенденцию, следует добавить главную: окциденталь копирует западноевропейские языки, а эсперанто копирует русский язык, который богаче производными наречиями и наречными выражениями, чем романские и германские языки: окц. *in parte* эсп. *parte* "частично", окц. *in contrari* эсп. *kontraŭe* "наоборот". Это употребление ввели первые русскоязычные эсперантисты, и в дальнейшем оно стало нормой. И. Сердахеи указывает, что такое употребление появилось, прежде всего, под влиянием русского языка, в котором "модель наречия и формально, и функционально очень схожа с эсперантской системой" [216, с. 96].

Для обозначения обстоятельства времени в эсперанто предпочтительно употребление наречия, как в русском языке, а не существительного в винительном падеже, что имитирует беспредложное существительное в романских языках: *Somere (someron) mi ripozis ĉe maro* "Летом я отдыхал у моря".

Как и русский язык, но морфологически более четко, эсперанто различает наречие места и направления: *supre* "вверху", *supren* "вверх"; *dekstre* "справа", *dekstren* "направо", *mal-*

proksime "вдали", malproksimen "вдаль"; antaŭe "впереди", antaŭen "вперед". По модели русского "домой" укоренилось наречие hejmen. Оно почти полностью вытеснило употребление предложного сочетания en la hejmon "в дом". Но аналогичные наречия, например, teatren употребляются редко, хотя и образуются регулярно; обычно говорят: en la teatron "в театр".

Поскольку русское наречие "больше" имеет несколько значений, Заменгоф вместо plu "больше, дальше, вперед" использовал pli "больше, более": ŝi ne povis pli elteni "она не могла больше выдержать" [239, с. 42]. Такое употребление считается архаичным [62]. Архаичным является также употребление наречия nur "только" в значении усилительной частицы: Ili pagos... al mi... la plej altan koston, kiun mi nur difinos [246, с. 89]. "Они уплатят мне самую высокую стоимость, которую я только назначу". В отличие от русского языка, в эсперанто наречие ankoraŭ "еще" употребляется непосредственно перед словом, к которому оно относится. Заменгоф же употреблял его свободно, как и в русском языке: ne venis ankoraŭ la tempo... "не пришло еще время..." в отличие от нынешней нормы ankoraŭ ne venis la tempo [239, с. XII].

5.7. СИСТЕМА КОРРЕЛЯТИВНЫХ СЛОВ

Особую группу составляют в эсперанто коррелятивные слова — местоимения и местоименные наречия, служащие для выражения понятий предмета и его индивидуализации, качества, места, направления, времени, количества, образа действия, причины и принадлежности. Она построена по модели русского языка, хотя и

имеет менее явные аналоги в других языках [112], но заполнение пустых клеток по принципу регулярности довело ее до логического совершенства. Система делится на пять разрядов, отличающихся друг от друга началом слова.

Вопросительно-относительные слова: *kiu* "кто, который", *kiu* "что" ("ч" восходит к "к"), *kia* "какой", *kie* "где" ("г" восходит к "к"), *kien* "куда", *kiam* "когда", *kiom* "сколько", *kiel* "как", *kial* "почему" ("ч" восходит к "к"), *kies* "чей" ("ч" восходит к "к"). Финаль -е в слове *kie* восходит к финали -е в слове "где".

Указательные слова: *tiu* "тот", *tio* "то", *tia* "такой", *tie* "там", *tien* "туда", *tiam* "тогда", *tiom* "столько", *tiel* "так", *tial* "потому", *ties* "того" (принадлежащий тому).

Отрицательные слова: *neniu* "никто", *nenio* "ничто", *nenia* "никакой", *nenie* "нигде", *nenien* "никуда", *neniam* "никогда", *neniom* "нисколько", *neniel* "никак", *nenial* "без причины" ("нипочему"), *nenies* "ничей".

Как видно, в трех разрядах коррелятивных слов начало эсперантских и русских слов совпадает. Аналогично, но без четкой отнесенности с национальными языками, образуются неопределенные (*iu* "кто-то" и т.п.) и обобщительные (*ĉiu* "каждый" и т.п.) слова. Таким образом, эта система представляет собой сетку семантических множителей.

Некоторые из коррелятивных слов копируют дистрибуцию соответствующих русских слов. Так, местоимения, оканчивающиеся на -о, функционируют как существительные и могут употребляться в винительном падеже; местоимение *nenio* образует дериват *neniigi* "уничтожить"; подобно русской паре "столь... сколь"

употребляется пара *tiom... kiom* [II4, с. I46-I48].

Система коррелятивных слов – излюбленный объект критики эсперанто, которая обвиняет ее в произвольности. Вместо нее проекты планового языка используют прямые заимствования из романских и германских языков, которые обычно нерегулярны: вместо стройной, хотя и априористической, системы получается гетерогенный, хотя и лишенный априорности, конгломерат, трудный для запоминания и активного владения.

5.8. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные обладают высокой степенью интернациональности в европейских языках благодаря общности их происхождения и наличию производных слов типа: унификация, квартет, декада и т.п. Поэтому вклад русского языка ощущается в форме почти всех простых числительных эсперанто.

Тот факт, что в эсперанто и десятки, и сотни выражаются одним словом, можно объяснить только калькой с русского и польского языков: *kvindek* "пятьдесят", *kvincent* "пятьсот". В романских и германских языках сотни выражаются двумя словами.

Заменгоф часто употреблял числительное *unu* в значении неопределенного местоимения "некий", что нередко близко по значению к неопределенному артиклю: *vivis unu reĝo...* "жил один король..." [239, с. I77]. Это употребление, копирующее соответствующие русские конструкции, устаревает. Другие архаизировавшиеся конструкции Заменгофа, копирующие русские формы с числительными: *tri fojojn pli multe* "в три раза больше" [239, с. 96] вместо *trioble pli multe* и *ne unu* "не один" [25I, с. 296, 297] вместо *pli ol unu* "более чем один".

5.9. ПРЕДЛОГ И СОЮЗ

Предлоги и союзы обладают низкой степенью интернациональности и отобраны в эсперанто из отдельных языков. Непосредственно к русскому языку восходят следующие предлоги: *krom* "кроме", *po* "по" для числительных и других количественных слов, *pri* "о" (медиализация русских "про" и "при" с опорой на греческое *peri*), а также асемантический предлог *je* (от выражения "ей-богу!" - *je dio!*). В немецком языке тоже есть предлог *je*, но он не употребляется в тех случаях, в каких употребляется эсперантский. Возможно, в качестве образца была взята его форма, но не семантика.

Предлог *je* оказался настолько удачным, что был заимствован из эсперанто в окциденталь-интерлингве (Э. де Валь) и новиаль (О. Есперсен) вопреки принципу апостериорности, непрекращаемому для этих систем: оба автора (так же как и последующие интерлингвисты) считали, что предлог *je* не имеет образца в национальных языках и произвольно придуман Заменгофом [183, с. 30-31]. Между тем, русское происхождение этого слова видно из раннего русско-эсперантского словаря [49, с. 47], где приводятся следующие пары: *ей-ей!* - *je l'honoro!*, *ей-богу!* - *je dio!* Здесь русскому слову "ей", утерявшему собственную семантику, ставится в соответствие эсперантское слово *je*, так же не имеющее собственной семантики. Разница в том, что русское слово применяется лишь в этих идиоматических выражениях, тогда как эсперантское имеет довольно широкий диапазон применения. Этот предлог получил высокую оценку эсперантологов. Он применяется в тех случаях, когда русские предлоги употребляются в наиболее абстрактном значении: *je kapo pli alta* "на голову

выше", veni je la dua horo "прийти в два часа", sopiri je la patrujo "тосковать по родине", dubi je la fakto "сомневаться в факте", ĝoji je la informo "радоваться сообщению", esperi je estonteco "надеяться на будущее", kontenta je sia sorto "довольный своей судьбой", kredi je senmorteco "верить в бессмертие" и т.д. В последнее время наблюдается тенденция ограничить употребление предлога je несколькими типовыми случаями, а в остальных употреблять либо обстоятельственную конструкцию с аккузативом, либо другой, более или менее подходящий по смыслу предлог, чаще всего pri "о", чем размывается и абстрагируется значение предлога pri.

Предлог krom "кроме" вошел в эсперанто с обоими значениями соответствующего русского предлога "за исключением" и "в добавление" [247, с. 268].

Вследствие наличия двух основных значений у русского предлога "ради" (цель и причина) у Заменгофа возникла путаница в употреблении предлога pro, которая до сих пор полностью не преодолена: pro la bono de nia komuna afero "ради блага нашего общего дела" [247, с. 203]. В таких случаях современное употребление предпочитает предлог por "для, ради".

Дистрибутивный предлог po "по" употребляется, как и в русском языке, только со словами, обозначающими распределяемый предмет: deĵori po du fojoj en monato "дежурить по два раза в месяц". Но опять-таки вслед за русским языком, в функции префикса он употребляется со словами, обозначающими время: pomonata deĵoro "помесячное дежурство".

В отличие от романских и германских языков, инструментальное значение в эсперанто передается только предлогом per

III

"посредством", что соответствует русскому творительному падежу, и в этом значении не употребляется предлог kun "с":
skribi per kraĵono "писать карандашом".

Предлог kun "с" иногда употребляется в его абстрактном русском значении: kio okazis kun vi? "что случилось с тобой?" Современное употребление предпочитает в таких случаях более конкретные предлоги. Архаичным является употребление Заменгофом этого предлога в значении "против": milito kun majoj "война с маврами" [239, с. 95].

Всем первообразным простым предлогам русского языка в их основных значениях соответствуют в эсперанто аналогичные первообразные простые предлоги, что, естественно, не случайно.

По моделям русского языка эсперанто строит сложные предлоги: el sub "из-под", el post "из-за" и составные предлоги: lige kun "в связи с", rilate al "по отношению к", simile al "наподобие", flanke de "со стороны", escepte de "за исключением", direkte al "по направлению к", dank'al "благодаря", kune kun "вместе с", depende de "в зависимости от".

Среди эсперантских союзов нет ни одного, форма которого была бы взята из русского языка. Союз antaŭ ol "прежде чем", хотя и имеет аналоги во французском и латинском языках, структурно и семантически, очевидно, восходит к русскому языку: это подтверждает его вторая часть ol "чем", аналогичная второй части сравнительной конструкции pli... ol "более... чем". Союз kvankam "хотя" из-за формальной близости его русского аналога к конструкции "хотя бы" (=по крайней мере) иногда ненормативно употребляется со времен Заменгофа [166, с. 125; 239, с. 125] в этом значении вместо almenaŭ.

6. СИНТАКСИС

Ни в какой другой области вклад русского языка не проявился так широко, как в синтаксисе, ибо принцип регулярности, основанный на логике, свойствен русскому языку в гораздо большей степени, чем синтаксису романских и германских языков. Это подтверждал и сам Заменгоф: "Некоторые эсперантисты думают, что я пользуюсь в своих произведениях славянским стилем. Это мнение совершенно ошибочно. Действительно, славяне часто обладают в эсперанто лучшим стилем, чем носители романских или германских языков; но это происходит не из-за того, что стиль в эсперанто славянский, а только из-за того, что порядок слов в славянских языках более прост и, следовательно, более близок к порядку слов в эсперанто. Настоящий эсперантский стиль — не славянский, не германский, не романский, это лишь стиль простой и логичный, по крайней мере, таким он должен быть" [242, с. 417]. В терминах современной интерлингвистики эти слова означают, что синтаксис эсперанто обладает генетико-типологической общностью с синтаксисом славянских языков, хотя совпадения всех деталей нет.

В проектной грамматике эсперанто синтаксис не был задан: ему предстояло выработаться в процессе функционирования языка. Заменгоф и большинство первых эсперантских авторов были носителями русского языка. Когда они писали на новом плановом языке, они, естественно, подсознательно (по интерференции) превращали эсперантский синтаксис в близкую копию русского: "Эсперанто выиграл... благодаря вкладу русского языка через синтаксис, чего Заменгоф, возможно, не сознавал" [155].

Так были установлены синтаксические нормы ("стиль", по выражению Заменгофа) эсперанто, которые закрепились в дальнейшем узусе. Свидетель становления этих норм, швейцарский эсперантолог Э. Прива писал по этому поводу: "Вследствие наблюдающейся в эсперанто очень сильной тенденции к единству, эта свобода образы стала сразу же привычной в международном масштабе, и лучшие неславянские авторы ее употребляют с пользой для своего стиля. Эта гибкость — очень важный элемент того, что называют хорошим эсперантским стилем" [199, с. 74]. Эти нормы оказались настолько удачными, что, по мнению автора окциденталя Э. де Валя, они стали образцом для всех проектов планового языка, созданных после эсперанто [183, с. 67].

Рассмотрим вкратце основные особенности эсперантского синтаксиса, которые роднят его с русским языком и отличают от большинства романских и германских языков.

1. Полное согласование определения, выраженного парадигматическим классом прилагательных, с определяемым, выраженным парадигматическим классом существительных: [92, с. 17, 56]:

Sed neniam ŝi forgesos la belegajn arbarojn, la verdajn montetojn kaj la malgrandajn infanojn... "Но никогда она не забудет прекрасные леса, зеленые холмы и маленьких детей..."

2. Свободный порядок расположения членов предложения, основанный на наличии категории винительного падежа и полного согласования определения с определяемым [92, с. 190-214]:

Sed pri ŝia fratino mi povas diri, ke ŝi fariĝis tiel malaminda, ke ŝia propra patrino ŝin forpelis de si "Но о ее сестре я могу сказать, что она стала такой ненавистной, что ее собственная мать ее прогнала от себя".

3. Совпадение средств оформления актуального членения предложения, что определяет своеобразие синтаксиса эсперанто в отличие от синтаксиса романских и германских языков [92, с. 190-200; 180, с. 81-82]. Вследствие этого практически любую правильную русскую фразу, не содержащую идиоматических конструкций, можно перевести на эсперанто с соблюдением того же порядка членов предложения: La direktoro donos respondon al tiu demando morgaŭ "Директор даст ответ на этот вопрос завтра!" Morgaŭ la direktoro donos respondon al tiu demando "Завтра директор даст ответ на этот вопрос". Morgaŭ al tiu demando donos respondon la direktoro "Завтра на этот вопрос даст ответ директор".

4. Отсутствие инверсии в вопросительном предложении 92, с. 396 : Ĉu vi legis tiun libron? "Ты читал эту книгу?".

5. Отсутствие согласования времен в сложно-подчиненном предложении: глагол в придаточном предложении стоит в том же времени, в каком он будет стоять, если это предложение превратить в самостоятельное: Ĉiu, kiu ŝin vidis, povis pensi, ke li vidas la patrinon "Каждый, кто ее видел, мог подумать, что он видит ее мать".

6. Возможность опускать обычно употребляемое указательное местоимение tio "то" при наличии соотносительного союзного слова kio "что" в дополнительном придаточном предложении: Mi volas ricevi (tion), kion vi ne povas doni al mi "Я хочу получить то что вы не можете мне дать".

7. Отсутствие абсолютных конструкций [247, с. 67].

8. Употребление разных падежей для обозначения прямого дополнения и предикативного определения [59]:

Mi nomis mian amikon "Я назвал моего друга", но Mi nomis lin mia amiko "Я назвал его моим другом"; Mi trovis ĝustan decidon "Я нашел правильное решение", но Mi trovis ŝian decidon ĝusta "Я нашел ее решение правильным".

9. Употребление бесподлежащих предложений с безличными спрягаемыми глаголами: vesperiĝas "вечереет", pluvas "дойдет", ŝajnas "кажется".

10. Употребление в однокомпонентных безличных предложениях предикативных слов разного происхождения в форме наречий и причастий, уподобляющихся наречиям: estas agrable "приятно", estas bone "хорошо", estas varme "тепло", estas honte "стыдно", estas domaĝe "жаль", estas necese "необходимо", estas eble "можно", estas ordonite veni "приказано прибыть", estas malpermesite brui "запрещено шуметь". Эти же слова используются в предложениях с инфинитивом в функции подлежащего: Fumi estas malutile "курить - вредно", Labori estas necese "трудиться - необходимо".

11. Употребление предлогов por "для", anstataŭ "вместо", krom "кроме", antaŭ "перед" (с добавлением частицы ol "чем") перед инфинитивом в функции союзов "для (ради) того чтобы", "вместо того чтобы", "кроме того чтобы", "прежде чем, перед тем как" [247, с. 224, 271]. Попытка создать по аналогии форму post ol "после того как" (дословно "позже чем") оказалась безуспешной.

12. Предпочтение конструкций из отрицательной частицы ne "не" с деепричастием конструкциям из предлога sen "без" в функции союза с инфинитивом: li sidis ne rigardante min "Он сидел не глядя на меня"; Li sidis sen rigardi min "Он сидел без

того чтобы глядеть на меня". Заменгоф рекомендовал вообще избегать последней конструкции [247, с. 68, 224-225], хотя в последнее время они находят применение.

13. Колебание в употреблении либо индикатива, либо кондиционалиса в придаточных предложениях с союзом *kvazau* [154] в зависимости от значения этого слова: "(как) будто" или же "(как) будто бы, будто бы, как если бы", т.е. во втором случае имеет место акцентирование недостоверности сообщения [92, с. 475-476, 500, 607-609; 142, с. 46-47; 154, с. 141; 230, с. 210-221]. Например: *Li kondutas tiel, kvazau tion faris (farus) li* "Он ведет себя так, как будто (будто бы) это сделал он". В связи с этим тонким случаем интересны замечания Д. Грегора "Заменгоф не писал как попало: если он иногда употребляет индикатив после *kvazau*, это должно иметь свою причину, и эта причина не может быть иной, чем какой-то сильный языковой инстинкт, происходящий из синтаксиса, к которому он привык" [154, с. 145], а также Г. Варенгъена: "Причиной является, по моему мнению, та произвольность, в соответствии с которой... Заменгоф выбрал латинский или романский корень и придал ему значения и употребления русского или немецкого слова" [230, с. 211].

14. Колебание в употреблении именительного падежа в значении косвенного или винительного падежа после распределительного предлога *po* "по" с числительным: *manĝi po du pomoj(n)* "съесть по два яблока". Оно объясняется колебанием в употреблении падежей русских числительных с предлогом "по": по два (Им. пад.), но по пяти (Дат. пад.), причем существует разговорная форма: по пять (Им. пад.) [91, с. 579-580].

15. Согласование счетно-местоименного слова или "один" с существительным: *Li sciigis al mi unujn faktojn, sed ne sciigis la aliajn* "Он сообщил мне одни факты, но не сообщил другие".

16. Использование кондиционалиса в обеих частях сложно-подчиненного предложения со значением нереальной обусловленности, когда они могут соотноситься с любым временным планом [92, с. 564-565]: *Se vi venus hieraŭ (morgaŭ), vi vidus tion* "Если бы вы пришли вчера (завтра), вы увидели бы это".

17. Использование союзной частицы *ĉu* "ли" в придаточном предложении при модальном вопросе [92, с. 479-480]: *Mi ne scias, ĉu li venos* "Я не знаю, придет ли он".

18. Окказиональное опускание связки *estas* в пословицах: *Kio mia, tio bona* "Что мое, то хорошее" и в некоторых конструкциях: *Ne mirinde, ke oni ne elektis lin* "Неудивительно, что не избрали его" [166, с. 233].

Примечательны в этой связи слова английского эсперантолога Д. Грегора: "Синтаксически эсперанто стоит близко к славянским языкам и мог бы стоять даже еще ближе без ущерба для своей сущности" [152, с. 21] и слова югославского эсперантолога Д. Брозовича: "Синтаксис эсперанто, хотя он и не состоит из конкретных славянских элементов в качестве средств выражения, является системой насквозь славянской... Можно даже сказать, что эсперанто, какой он есть, мог создать только человек, близко знающий славянский образ мышления и владеющий славянскими языками" [132, с. 10].

ГЛАВА 3. ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКУ ЭСПЕРАНТО

I. ФОРМИРОВАНИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ

I. I. ОСОБЕННОСТИ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ

Во "Введении" нами обосновано особое, интерлингвистическое, понимание этимологии и образца как следствие того, что происхождение планового языка принципиально отличается от происхождения этнических языков: оно основывается на сознательном отборе и заимствовании элементов, общих языкам — источникам планового языка. Отсюда — принцип множественности этимологии эсперантских морфем, ибо они восходят к элементам интернационального фонда, который представляет собой совокупность элементов в отвлечении от их конкретных реализаций в отдельных языках. Иначе говоря, под этимологией планового языка понимается общность его элементов с элементами языков-источников, что в терминах интерлингвистики интерпретируется как генетическая общность лексики планового языка и национальных языков.

Образцом эсперантского слова будем считать слово языка-источника, близкое к нему по графической и звуковой форме и по семантике. Во многих случаях образцами являются интернациональные слова, общие всем четырем мировым языкам Европы, причем при формировании лексики эсперанто часто отдавалось предпочтение форме, наиболее близкой к форме аналогичного слова в русском языке. Последнее используется в методике обучения эсперанто носителей русского языка [61; 63].

В ряде случаев принцип интернациональности не соблюдался либо из-за отсутствия абсолютно интернационального корня, либо

по другим причинам. Тогда образцами являются формы, общие нескольким языкам или формы, существующие лишь в одном языке.

Образец, максимально близкий по графической и звуковой форме и близкий по семантике к эсперантской корневой морфеме, назовем прямым, а имеющий отклонения в форме по сравнению с прямым образцом, назовем опорным образцом. Образец в виде несвязанного корня, полностью совпадающий с эсперантской морфемой по форме и семантике, назовем идеальным. Образец, совпадающий по форме, но семантическое поле которого не перекрещивается с семантическим полем эсперантского корня, но близко к нему (и это легко опознается), назовем образцом с семантическим сдвигом. Поскольку для опознаваемости важна прежде всего близость формы, такие слова с близкой, но не совпадающей семантикой будем тоже считать образцами эсперантского корня.

Так, для эсперантского слова *klarneto* прямым образцом является русское слово "кларнет", поскольку французское *clarinette*, английское *clarinet* и немецкое *Klarinette* стоят дальше от прямого образца по форме; они являются опорными образцами. Прямым образцом слова *domo* "дом, здание" является русское слово "дом". Латинское *domus* означает "дом, жилище, семейный очаг" (эсперантский эквивалент *hejmo*), а немецкое *Dom* означает "собор", поэтому латинское и немецкое слова являются прямыми образцами с семантическим сдвигом. Идеальным прямым образцом слова *tri* является русское "три", ибо соответствующее сочетание встречается в романских и германских языках лишь как связанный элемент слова, а не как свободный корень.

Форма эсперантского корня иногда не совпадает целиком ни с одним образцом. Причины произведенных модификаций таковы:

- приспособление к графической и/или звуковой форме образца или к системе эсперанто: *etaĝo* "этаж", *alkoholo* "алкоголь", *kirurgo* "хирург", *avenuo* "авеню", *muziko* "музыка", *ŝanco* "шанс", *ŝoforo* "шофер", *vi* "вы";
- использование одного образца для создания нескольких слов с разной семантикой: *pezi* "весить", *pesi* "взвешивать";
- исключение деглютинации, возможной при совпадении формы эсперантского аффикса с частью формы корня: *cigaredo* "сигарета", ибо *cigar-eto* означает "маленькая сигара";
- медиализация, т.е. создание усредненной формы, когда формы в языках-источниках значительно разнятся: *stablo* от фр. *étaбли* и рус. "станок";
- создание априористических форм по аналогии со словами языков-источников, например, форм коррелятивных местоимений и местоименных наречий по модели русских; см. об этом выше;
- для укорочения формы корня: *perpe* от "непреренно"; сюда же относится усечение романо-германских слов на *-(t)ion* по образцу русского языка: *nacio* в.м. *naciono*, *funkcio* в.м. *funkciono* (как в идо), *administracio* в.м. *administration* (как в натуралистических плановых языках); кроме того, эсперанто использует укороченные дублетные формы: *administro* наряду с *administracio*.

Семантика и дистрибуция эсперантских слов не всегда тождественны семантике и дистрибуции соответствующих слов в языках-источниках: например, взятое из французского языка слово *ignori* (где его образец *ignorer* означает "не знать") получило семантику русского слова "игнорировать" (см. об этом ниже).

Единственной практической попыткой создать этимологический словарь эсперанто является "Девятиязычный этимологический лексикон" Л. Бастьена [119]. Но это не столько этимологический словарь в понимании сравнительно-исторического языкознания, сколько многоязычный сопоставительный словарь, причем его русская часть является неполной. Он отражает принцип множественности этимологии эсперантских слов, который мы изложили выше и которого мы придерживаемся в настоящей работе. О. Бак ставит вопрос о создании этимологического словаря эсперанто, который был бы аналогичен той части этимологических словарей национальных языков, в которой трактуется этимология слов заимствованных и изобретенных [118, с. 267]. О. Бак также придерживается принципа множественности этимологии эсперантских слов.

В связи с кодификационной деятельностью эсперантская лексика делится на официальную и неофициальную. К первой относятся морфемы и слова, находящиеся в "Универсальном словаре" [240, с. 139-232] (это т.н. "фундаментальная лексика") и в восьми "Официальных прибавлениях" Академии эсперанто. Официальная лексика аналогична исконным словам национальных языков. Остальная лексика называется неофициальной. Однако в настоящее время словоупотребление ориентируется не столько на "Универсальный словарь" и "Официальные прибавления", сколько на современные высокоавторитетные словари, например [22; 93; 195; 228]. В "Полном иллюстрированном словаре эсперанто" [195] около двух третей зарегистрированных слов являются неофициальными.

Деривационные и реляционные морфемы рассмотрены в предыдущей главе. В этой главе будут рассматриваться только корневые морфемы и непроеизводные слова.

1.2. РУССКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРВЫХ ОСНОВНЫХ СЛОВАРЯХ

Первый морфемный лексикон эсперанто появился в 1887 г. в виде эсперанто-русского словаря-минимума в т.н. "Первой книге" [46]. Он состоял из 918 морфем, из них 868 корневых. Уже в нем Заменгоф заложил идею эволюции языка: "Я, опубликовав мою первую книгу об эсперанто, решил отказаться от слишком большого словаря и слишком обильного набора аффиксов, которые я подготовил теоретически, и решил опубликовать словарики только очень маленький и только самый необходимый для повседневной жизни, оставив все остальное свободной постепенной выработке" [245, с. 261]. В этом словаре очень мало абсолютно интернациональных морфем, ибо они подразумевались потенциальными морфемами эсперанто. Число морфем, взятых непосредственно из русского языка, считая общие с польским, равно 9, т.е. 1%: *ban-*, *cel-*, *ĉar-*, *dom-*, *po*, *prav-*, *pri*, *tri*, *vost-*.

В начале 1889 г. Заменгоф выпустил т.н. "Полный русско-эсперантский словарь" [49]. Это было значительным прогрессом в обогащении лексики: для перевода 10500 русских заглавных слов в нем использовано 3097 разных морфем, т.е. морфемный лексикон увеличился более чем в три раза. Словарь содержит очень много интернациональных слов, а также ряд слов, обозначающих реалии России: *arĝino*, *baranko*, *barĉo*, *desatino*, *gubernio*, *hajduko*, *hetmano*, *jesaulo*, *kalaĉo*, *kopeko*, *kozako*, *kremlo*, *kumiso*, *murzo*, *pudo*, *rublo*, *ruso*, *sajko*, *samovaro*, *sarafano*, *sevrugo*, *urjadniko*, *vojevodo*, *verĝoko*, *zolotniko*.

Кроме того, словарь содержит много производных и сложных слов, в основном, скалькированных с русских. Часть из них не

нашла практического применения, часть архаизировалась. Большинство корневых слов было в дальнейшем кодифицировано, но многие остаются неофициальными до сих пор. Первый большой эсперантский словарь был издан именно для русских, ибо в то время большинство адептов нового языка проживало в России. За рубежом этот ценный словарь оставался почти неизвестным вплоть до последних лет, когда по нему были опубликованы исследования [153; 168; 169; 231, с. 127-131; 241, с. 171-353].

Через месяц после выхода этого словаря Заменгоф выпустил "Средний эсперанто-немецкий словарь" [252], который содержит 2616 морфем. Он лег в основу "Универсального словаря" с переводами на французский, английский, немецкий, русский и польский языки [250], который был издан в 1893 г. Последнему словарю была уготовлена особая судьба, так как он вошел составной частью в "Основы эсперанто", опубликованные в 1905 г. и в том же году кодифицированные [240, с. 139-232].

"Универсальный словарь" содержит тоже 2616 морфем, из них 2566 корневых (произведены небольшие изменения по сравнению со "Средним словарем"). В него вошло большинство морфем из полного русско-эсперантского словаря. Исключено около 500 морфем — интернациональных и обозначающих реалии России (см. выше). Словарь был задуман как собрание общеупотребительной лексики, но этой задаче он удовлетворял не полностью. Во-первых, среди исключенных интернациональных морфем было немало общеупотребительных. Во-вторых, в нем содержатся морфемы, не имеющие общеупотребительного характера, например: *rips-* "типун", *stip-* "ковыль", *salpetr-* "селитра", *selakt-* "сыворотка", *silvi-* "малиновка", *ŝind-* "гонт, дранка", *taban-* "слепень".

Д. Грегор провел на основе принципа множественности этимологии статистическое обследование вклада каждого языка-источника и каждой группы языков в "Универсальный словарь" [152]. К сожалению, во многих случаях он не учел русские слова как образцы для создания эсперантских слов, например: lun-, ros-, frukt-, kokluŝ-, fortepian-. Поэтому мы не можем привести его данные. Неполны и его списки морфем, восходящих непосредственно к русскому и польскому языкам. Эти же неполные списки с небольшими изменениями повторяют М. Дюк Гониная [142] и В. далл'Аква [106].

Приведем наш список корневых морфем "Универсального словаря", восходящих непосредственно к русскому (и частично польскому) языку. Некоторые из слов, послуживших образцами, русский язык сам заимствовал из других языков. Принцип отбора пояснен выше. В список входит 41 морфема: ban- "купаться" (от "баня"), bant-, barakt- "барахтаться", barĉ- "борщ", brov-, bulk-, cel- "цель", ĉap- "шапка", ĉerp- "черпать", deĵor- "дежурить", dom-, funt-, glad- "гладить (утюгом)", groŝ-, kaĉ- "каша", kartav-, klarnet-, klopod- "хлопотать", kolbas-, kran-, kren- "хрен", krom "кроме", krut- "крутой", lod- "лот (мера веса)", mac- "маца", nepr- "непрменно", nu, palet- "палитра", paŝt- "пасти", plot- "плотва", plug-, po "по", prav- "прав", pri "о" (медиализация форм "при" и "про"), step-, sterled-, "стерлядь", stof- "штоф", svat-, tri, verst-, vost- "хвост".

Поскольку в словаре содержится 2566 корневых морфем, непосредственный вклад русского языка (в ряде случаев совместно с польским) составляет 1,6%. Кроме того, русский является одним из источников многих других корневых морфем.

1.3. ОБОГАЩЕНИЕ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ

Лексика любого языка является непосредственным отражением развития общества. Это четко выразил Р.А. Будагов: "Лексика любого живого языка быстро увеличивается количественно: новые понятия и новые предметы "требуют" новых слов, тогда как старые слова обычно остаются рядом с новыми и только в незначительном количестве выходят из употребления, превращаясь в архаизмы. Здесь процесс увеличения значительно обгоняет процесс уменьшения: число слов непрерывно возрастает" [24, с. 35].

Это полностью относится и к эсперанто как к живому, развивающемуся языку. Наряду с факторами, непосредственно связанными с развитием общества, действуют и другие факторы, способствующие развитию литературы и средств массовой информации, прежде всего, потребность в выразительных средствах и для дифференциации оттенков значений. Это тоже относится к эсперанто.

Первые эсперантские авторы располагали очень ограниченным морфемным лексиконом. Они проявили большую изобретательность в образовании производных и сложных слов, не только калькируя слова национальных языков, но и создавая новые модели путем использования морфем в качестве семантических множителей.

Постепенно, следуя потребностям общества и литературы, производные и сложные слова стали получать корневые дублиеты, что привело к острой дискуссии между пуристами ("фундаменталистами") и неологистами, которая время от времени вспыхивает и по поводу национальных литературных языков. Дискуссия началась в связи с включением многих новых корневых слов в эсперанто-немецкий словарь [174, с. 2-8; 243, с. 171-174, 361-374] и не

прекращается до сих пор. Первым неологистом был сам Заменгоф, который не сковывал свое словоупотребление рамками кодифицированной лексики. Так, в 1908 г. появился словарь, перечисляющий 2126 корневых морфем, употребленных Заменгофом, но не зарегистрированных в "Универсальном словаре" [129]. "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" [195] содержит 15395 заглавных слов. За вычетом собственных имен и некорневых морфем, остается около 13200 корневых морфем. Уже вышло приложение к этому словарю, содержащее около тысячи корневых морфем. [224].

Большое влияние на обогащение эсперантской лексики оказали Октябрьская революция в России и научно-техническая революция. Они явились толчком к появлению большого числа новых слов и к переосмыслению многих старых слов.

После смерти Заменгофа в 1917 г. и в связи с ослаблением движения эсперантистов в России вклад русского языка в лексику эсперанто стал уменьшаться, и наметилась тенденция к окцидентализации эсперантской лексики [35, с. 97; II4, с. 98; I75, с. 368], т.е. более заметная ориентация на французский и английский языки в ущерб ориентации на слова интернационального фонда, учитывающего русский и немецкий языки. Вклад русского языка продолжает ощущаться в форме большинства новых интернациональных слов, но симптоматично появление слов, не имеющих образцов в русском языке, функционирующих наряду с дублетами, имеющими такие образцы, например: *strando* наряду с *plagô* "пляж", *razeno* наряду с *gazono* "газон", *fiolo* наряду с *flakono* "флаккон", *skorio* наряду с *ŝlako* "шлак", *goeleteo* наряду с *skuno*. "Большой русско-эсперантский словарь" 1933 г. издания [52] регистрирует слово *velveto* "вельвет", но "Полный иллюстрирован-

ный словарь" [195] регистрирует в этом значении лишь неуклюжий англицизм *kordurojo*. Его примеру следует новейший эсперанто-русский словарь [22].

В первые годы существования эсперанто некоторые слова, еще не получившие установившейся формы, испытывали сильное влияние русских форм: *oficero*, *ĵandarmo*, *epoĥo*, *ekzemplaro*. Но затем они получили форму, более близкую к западноевропейским: *oficiro*, *ĝendarmo*, *epoko*, *ekzemplero*.

В лексике, появившейся в XX веке, почти все корневые слова, взятые непосредственно из русского языка, обозначают реалии: *azbuko*, *balalajko*, *bekeŝo*, *blino*, *bojaro*, *burko*, *ĉapko*, *ĉaro*, *ĉernozemo*, *ĉervonco*, *dekabristo*, *droŝko*, *duĥoboro*, *dumo*, *guzlo*, *ĥalato*, *ĥano*, *ĥutoro*, *jufto*, *jurto*, *kefiro*, *kiselo*, *knuto*, *kobzaro*, *kuĉero*, *kvaso*, *medo*, *muĵiko*, *pelmenoj*, *pogromo*, *serpo* [114, с. 135-137], *ŝvabri*, *tajg(a)o*, *toporo*, *tundro*, *ujezdo*, *ukazo*, *vodko*.

Словарями зарегистрированы советизмы русскоязычного происхождения: *bolŝeviko*, *kolĥozo*, *kombinato*, *komsomolo*, *kulako*, *leninismo*, *prezidio*, *soveto*, *sovĥozo*, *sputniko*, *staĥanovismo*.

Такие безэквивалентные слова, заимствованные не только эсперанто, но и большинством мировых языков, В.А. Корнилов удачно назвал интернациональными экзотизмами [72, с. 44].

При устном использовании эсперанто в русскоязычной среде окказионально употребляются и другие безэквивалентные слова-вкрапления: *spravko*, *univermago*, *daĉo*, но при международном общении их избегают. Наблюдения за общением во внутрисоюзных лагерях эсперантистов могут дать много материала для изучения интерференции и возможных путей развития эсперанто.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ ПО ЕЕ ОБЩНОСТИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Общность современной лексики эсперанто и русского языка никем до сих пор не изучалась. Как сказано во "Введении", каждое слово, употребляемое в современном русском языке, в настоящей работе считается словом русского языка, независимо от его происхождения и сферы употребления. Поэтому русскими образцами эсперантских слов считаются также архаизмы, термины и слова, лишь начинающие употребляться в русском языке.

Русские слова, являющиеся образцами аналогичных эсперантских слов, могут быть исконными (индоевропейского, общеславянского или чисто русского происхождения) или заимствованными, в том числе интернациональными. Следует отметить, что интернациональная форма, принятая в эсперанто, чаще совпадает не с исконным словом языка-источника, а с родственным заимствованным словом. Так, к эсперантскому слову *patro* "отец" близки не исконное французское *père* "отец", а заимствованное *paternel* "отцовский", не исконные русские "отец", "батюшка", "отечество", а заимствованные "патриарх", "патер", "патриот"; срав. пары "насекомое — инсектицид", "лед — гляциология", "печень — гепатит", "крыса — дератация", "прилагательное — адъективный" и т.п. Такие ряды исконных слов, семантическими производными которых служат заимствованные слова, являются характерной чертой русского языка. Этим явлением широко воспользовался эсперанто для формирования своей лексики, ибо из одних исконных слов создать гомогенный общеевропейский интернациональный язык нельзя.

Эсперантская лексика, как и лексика любого живого языка, очень разнородна по своей употребительности. Ни один словарь не регистрирует всей эсперантской лексики. Парадоксально, но по разным причинам нет даже возможности указать точное число всех кодифицированных корневых морфем [229]. Очевидно, оно составляет почти 4700, не считая собственных имен и аффиксов. Как указано во "Введении", учесть весь лексический корпус непрерывно обогащающегося языка эсперанто практически невозможно. Даже если бы это удалось, подсчет вклада русского языка в такую чрезвычайно разнородную по употребительности массу не имел бы ни теоретической, ни практической ценности. Поэтому настоящая работа ограничивается учетом вклада русского языка в пласт наиболее употребительной эсперантской лексики, который покрывает около 95% неузкоспециализированного текста. Этот пласт содержит большое число служебных и полуслужебных слов, обладающих низкой степенью интернациональности. Естественно, что лексика вне этого пласта содержит гораздо больше интернациональных слов, имеющих более значительную общность с русским языком. Следовательно, подсчитывая вклад русского языка в пласт наиболее употребительной эсперантской лексики, мы тем самым подсчитываем вклад в лексическое ядро языка. Подсчет вклада в периферийные области лексики гораздо менее интересен.

Подсчет производился по "Базовому официальному корнеслову" [120], который представляет собой список наиболее употребительных слов и морфем, кодифицированный Академией эсперанто. Он содержит около половины всех кодифицированных корневых слов, т.е. выборка репрезентативна.

Сопоставление эсперантских слов проводилось с аналогич-

ными словами следующих языков: русского, французского, английского, немецкого (источники интернационального фонда и основные источники эсперанто), а также латинского, итальянского, испанского и португальского. Польский язык не учитывался, поскольку большинство эсперантских интернациональных слов, имеющих образцы в русском языке, имеют подобные образцы и в польском языке. Поэтому общность многих эсперантских слов с русским языком подразумевает одновременную общность с польским языком. Не следует также забывать, что русский язык, будучи одним из мировых, является одним из основных источников эсперанто, тогда как польский язык является одним из второстепенных источников эсперанто. Сопоставляемые языки рассматриваются в их современном состоянии.

По характеру общности с русским языком эсперантские корневые слова нами разделены на девять групп. В группы 1-6 входят слова, русские образцы которых являются свободными корнями. В группы 7 и 8 входят слова, русские образцы которых являются связанными корнями или морфологически невычленяемыми частями заимствованных слов.

Жесткое отнесение каждого слова "Базового официального корнеслова" к какой-либо одной группе сопряжено с определенными трудностями из-за наличия переходных случаев. Некоторая произвольность особенно проявилась в отнесении слов к группе 9, ибо следовало решить, какие слова обладают опознаваемостью для носителей русского языка, а какие не обладают. Однако таких переходных случаев не так много, чтобы их число могло заметно повлиять на подсчеты.

Группа 1: слова, взятые непосредственно из русского языка.

Группа 2: слова, корень которых полностью совпадает с русским корнем или с его наибольшей начальной частью.

Группа 3: слова с минимальными различиями корней, причем формы в других языках не ближе, чем в русском языке.

Группа 4: слова с минимальными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке.

Группа 5: слова с незначительными различиями корней, причем формы в других языках не ближе, чем формы в русском языке.

Группа 6: слова с незначительными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке.

Группа 7: слова с полным совпадением (или с минимальными различиями) со связанными элементами русских слов.

Группа 8: слова с незначительными различиями по сравнению со связанными элементами русских слов.

Группа 9: слова, общность которых с русскими словами опознается лишь с трудом или путем этимологического анализа, или общности нет. Сюда входят, в том числе, и априористические слова, созданные по моделям русских слов, опознаваемость которых очень низка.

Слова, входящие в группы 1, 2, 3, 5, 7, считаются имеющими прямые образцы в русском языке. Слова, входящие в группы 4, 6, 8, считаются имеющими опорные образцы в русском языке. Слова, входящие в группы 1-8, считаются имеющими генетическую общность с русским языком. Слова, входящие в группу 9, считаются не имеющими генетической общности с русским языком в интерлингвистическом понимании этого термина, хотя некоторые из них могут служить косвенной опорой.

Группа 1. Слова, взятые непосредственно из русского языка (некоторые из них имеют одновременно образцы в польском языке)
 bani, banto, barakti, brovo, bulko, celo, ĉapo, ĉerpi, deĵori,
 domo, funto, gladi, kaĉo, klarneto, klopodi, krano, krom, kru-
 ta, nepre, nu, paŝti, plugi, po, prava, pri, svati, tri, vosto;
 Всего 28 слов.

Группа 2. Слова, корень которых полностью совпадает с рус-
 ским корнем или с его большей начальной частью:

aboni, absoluta, absurda, adapti, administri, adopti, adresoj,
 advokato, afiŝo, agento, agiti, akademio, akcento, akcepti,
 akcio, akompani, akordo, akrido, akto, aktiva, aktuala, aku-
 rata, aleo, aluminio, anekdoto, aparato, apartamento, apetito,
 apostolo, aprobi, arko, armi, arterio, asisti, asfalto, asocio,
 aspekti, ataki, atesti, atomo, aŭskulti, bacilo, bakterio, ba-
 lo, balono, baloti, banano, banko, barko, bastiono, batali,
 bazo, bazaro, bebo, benzino, biblioteko, bileto, bloko, bluzo,
 boto, brava, bronzo, broŝuro, budĝeto, buklo, bulbo, cemento,
 centro, centralo, cikado, ciklo, cirkuli, citi, citrono, civi-
 la, civilizati, ĉeko, dato, debeto, defecito, deklari, deklara-
 cio, dekoracio, delegi, deponi, deserto, detalo, determini,
 dialogo, dieto, diferenci, direktoro, diskuti, disputi, dis-
 tanco, doktoro, dokumento, efekto, efektiva, egoisto, eĥo,
 ekipi, ekranoj, ekskursi, ekspedi, eksperimento, ekspluati,
 eksporti, ekspozicio, ekvatoro, ekvilibro, ekzameni, ekzekuti,
 ekzerci, eleganta, elektroniko, elemento, emocio, energio,
 epidemio, esperanto, esti, etapo, fabriko, fakto, faldi, fami-
 liara, fanfaroni, fantazio, fasado, fasono, favoro, feo, fede-
 racio, fenomeno, fi, filmo, figo, figuro, fikcio, fiksi, fizi-

ko, flago, flirti, fluido, fondi, fonografo, fontano, formo, formulo, fotografi, frako, frazo, fronto, frukto, fundamento, funkcio, galoŝo, garantii, gazeto, generalo, genio, geografio, girlando, gracia, gramo, gramatiko, grandioza, gripo, groto, grupo, gvardio, ĥoro, ideo, idealo, identa, ignori, ilustru, imiti, imperio, importi, impulso, imuna, indiferenta, individuo, industrio, informi, iniciati, inspektoro, inspiri, instanco, instinkto, intenci, interpelacii, instrumento, intelekto, inteligenta, interesi, interpreti, intima, invalido, ironio, izoli, jubileo, juna, kabineto, kadro, kajuto, kakao, kalendaro, kalkuli, kalsono, kanalo, kandidato, kapitalo, karnavalo, karmo, karto, kartono, kaso, kaŝtano, katalogo, kataro, kategorio, kaŭĉuko, kaverno, kelnero, kilogramo, kilometro, kino, klaso, klasika, kliento, klimato, kliniko, klubo, kokoso, kolegio, kolektiva, kolizii, kolono, komandi, kombini, komedio, komerci, komforta, komika, komisaro, kompanio, kompensi, kompetenta, komplemento, koncentri, koncerto, konferenco, konfuzi, kongreso, konkuri, konkurso, konservi, konstanta, konstati, konstitucio, konsulo, kontrakti, kontroli, kopio, kordo, korekti, koridoro, kosmo, kredi, kredito, kremo, kristalo, kritiki, krizo, krokodilo, kubo, kulto, kulturo, kupono, kuratoro, kurso, kvadrato, kvartalo, laboratorio, lako, lampo, latuno, lekcio, liceo, lifto, ligo, lilio, linio, litero, literaturo, litro, logiko, lojala, lokomotivo, luno, majo, maksimumo, malvo, mandato, manipuli, marko, marmelado, marŝi, marto, maso, maŝino, mato, matematiko, materio, materialo, matraco, medicino, medikamento, meĥaniko, membrano, metalo, metalurgio, meĥanismo, metodo, metro, migri, miliardo, milimetro, miliono, mino, mi-

neralo, minimumo, ministro, minus, minuto, mistero, mizero, modo, moderna, modifi, momento, monstro, monumento, moralo, moskito, motoro, muzeo, nacio, naiva, ne, nervo, nervoza, neto, normala, noto, nova, nulo, numero, objekto, oficiala, okazi, okupi, olivo, opero, operacii, opozicii, oratoro, ordinara, organo, organizi, originalo, orkestro, ovalo, pafi, pako, palaco, palmo, palpi, palto, pantalono, papo, paro, paralelo, paraŝuto, parko, parlamento, partio, pasio, pasporto, pasto, patrono, paŭzo, pensio, periodo, perlo, persiko, persono, piki, piloto, placo, plano, plasto, plastiko, platano, plus, poemo, poeto, poezio, polico, politiko, populara, porcio, portreto, potenco, pozicio, praktiko, premio, presi, pretendi, princo, principo, problemo, procento, proceso, produkto, profesio, profesoro, profito, programo, progresi, proletario, propagandi, protesti, provinco, prozo, psikologio, publiko, pudro, punkto, radio, radiatoro, rango, raportoj, reakcio, reala, recenzi, recepto, redakti, regiono, registri, reklami, rekomendi, rekordo, religio, rento, respubliko, restoracio, revizii, revolucio, rezervo, rezoni, rezultoj, riski, ritmo, robo, rolo, romano, rondo, roso, rozo, ruino, salato, salono, salti, sama, satiro, sceno, sekcio, sekreto, sekretario, sekso, sekundo, semo, senato, serio, sezono, sidi, signalo, simpatio, sindikato, sinjoro, sistemo, situo, situacio, skorpio, sociala, sociologio, sofo, sola, soldato, solida, solidara, sorgo, speciala, spektaklo, sporto, stadio, stadiono, starti, statuo, stilo, strukturo, studento, subjekto, substanco, sumo, supo, ŝakalo, ŝirmi, ŝnuro, ŝtato, ŝtopi, tabako, taksi, takto, talio, tarifo, teatro, teĥniko, teksto, telefono, telegrafo, telegra-

mo, temo, temperaturo, tendenco, teorio, teraso, teritorio, termometro, tigro, tinkturo, tipo, tomato, tono, torto, tradicio, trafi, tragedio, tragika, trakti, traktato, traktoro, tremi, treni, tribunalo, trotuaro, trupo, tualetto, tunelo, turismo, turisto, uniformo, universala, utila, vagono, vakcino, vakso, vato, vazo, vertikalo, vidi, vino, viziti, voli, vualo, vulkano, zono, zoologio.

То же с семантическим сдвигом:

afero, aperturo, arbitra, barelo, besto, blanka, cent, familio, fleksi, floro, generacio, interna, ĵurnalo, kerno, kite-
lo, komisii, komuna, konstrui, korpo, korto, krono, listo, loto, masoni, mil, paroli, pasi, peni, plafono, plata, prezenti, provizo, regali, ringo, sorto, ŝargi, tabelo, tempo, turo, vero.

Всего 622 слова.

Группа 3. Слова с минимальными различиями корней, причем формы в других языках не ближе, чем в русском языке:

alkoholo, aranĝi, avenuo, bandaĝo, burĝo, ĉokolado, etaĝo, furaĝo, garaĝo, ha, ho, kirurgo, kirurgio, kostumo, kuraĝa, lardo, lukso, menuo, muziko, pejzaĝo, reĝimo, saluti, surprizi, ŝanco, ŝoforo, veluro, vi, vojaĝi.

То же с семантическим сдвигом:

loĝi.

Всего 30 слов.

Группа 4. Слова с минимальными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке:

abrikoto, aktoro, albumo, amatoro, anĝelo, anonci, aplaŭdi, apoteko, aprilo, armeo, asembleo, aŭgusto, aŭtobuso, aŭtomato,

aŭtomobilo, aŭtoro, aŭtoritato, balanci, bambuo, bulteno, bulvardo, cifero, cigaro, cirkulero, ĉefa, epoko, financo, gaso, glata, grimaci, hangaro, harmonio, hektaro, helikoptero, heroo, heroldo, higieno, himno, historio, horizonto, horizontalo, hospitalo, hotelo, humana, ĥemio, inĝeniero, januaro, julio, junio, jupo, kameno, kaprico, karaktero, kurioza, magazeno, maniero, manovri, prononci, serioza.

Всего 59 слов.

Группа 5. Слова с незначительными различиями корней, причем форма ни в одном из языков не стоит ближе к эсперантской, чем русская.

agordo, aviado, bukedo, cigaredo, difekti, frunto, grundo, kaskedo, kompromiti, koverta, kruco, kruĉo, kuko, kukolo, meblo, mezuri, nazo, oficiro, pastro, paŝi, pioniro, planedo, poluri, poŝto, sandviĉo, stampo, stranga, trejni.

То же с семантическим сдвигом:

mastro, teruro.

Всего 30 слов.

Группа 6. Слова с незначительными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке.

alfabeto, ampolo, artikolo, aventuro, bifstekoj, bleki, boato, bori, botelo, braceleto, brando, budo, cirkelo, danci, dando, decembro, diablo, dormi, emajlo, enketi, etato, fajenco, farbo, farmo, fazeolo, februaro, flamo, furioza, gasto, gelateno, gesto, glutu, gorĝo, ĝendarmo, ĝenerala, halo, haveno, kafo, kahelo, kanzono, karafo, karesi, kaserolo, kato, kolumno, komisiono, komitato, kompleta, krii, leciono, leŭtenanto, licenco, lino, lotuso, maizo, majstro, maniko, maro, masto, mieno,

morti, munti, muskolo, muso, neĝo, nilono, novembro, nun, oceano, ortografio, papago, pasaĝero, pasko, plekti, plena, plumbo, porko, posteno, projekto, provi, pumpi, relo, rendevuo, renversi, revuo, rimo, rimarki, rimeno, riverenci, rizo, sabato, salo, sata, saŭco, septembro, skalo, skatolo, sonĝi, spico, spinaco, stacio, stalo, standardo, streĉi, streko, struto, studi, suko, sukero, suno, surtuto, ŝovi, ŝtalo, ŝtupo, tele-ro, tendo, titolo, tramo, tuno, universitato, vejno, vespero, viadukto, vidvo, zinko.

То же с семантическим сдвигом:

brako, cirklo, honoro, humoro, instrui, korbo, pacienco, papero, peco, precipe, puni, stango, ŝerci, ŝpruci.

Всего 139 слов.

Группа 7. Слова с полным совпадением (или с минимальными различиями) со связанными элементами русских слов:

abrupta, abstini, acida, adjektivo, adori, adverbo, aero, afranki, agi, akceli, akcidento, akso, akvo, alarmo, algo, alta, alterni, ami, amaso, amiko, angulo, animalo, animo, aparta, ardo, arto, artikio, aserti, aŭdi, bapti, baro, bati, bela, bildo, blonda, bombono, bona, bordo, brili, bruna, brusto, butero, dek, densa, deputi, direkto, distribui, dividi, doni, dorso, doto, du, egala, eksciti, ekster, ekstrema, ekzisti, elasta, elekti, elektro, emerito, enigma, evolui, fako, falsa, febro, fero, fermi, festi, fidi, fini, flava, flui, flugi, folio, fonto, forto, frato, friti, frizi, fungo, gardi, garni, glacio, glaso, globo, gloro, grado, granda, gudro, gumo, gusto, hepato, impreso, impliki, indiki, indulgi, infano, infero, inklina, insekto, inter, jaro, juro, juvelo, ĵeti, kakto, kanti, kapo,

karbo, karoto, kaŭzo, kavo, kazo, klara, klini, koketa, kolo, kolekto, koloro, kompari, kompliki, komuniki, koncepto, konduki, konfesi, konfidi, konfidenco, konfirmi, konfiti, konkordo, konsili, konsisti, kontraŭ, koro, korespondi, korno, krei, krimo, kuri, kvazaŭ, kuŝi, kuzo, kvalito, kvanto, kvar, kvin, labori, lago, lakto, lando, likvo, libera, libro, ligno, limo, lingvo, loko, longa, lubriki, luli, lumi, mano, mediti, memori, miksi, ministerio, militi, mistifikiki, mono, moro, multe, multipliki, muro, nebulo, necesa, nigra, nivelo, nokto, nomo, nuda, observi, odori, ofico, ok, okcidento, okulo, oleo, ondo, oponi, oportuna, oro, orangô, ordo, orto, oriento, origino, ornami, osto, ovo, paco, pagi, pala, palato, paliso, pano, pardoni, parfumo, parto, patro, pavo, peli, pendii, penetri, perfekta, peti, petrolo, pia, piano, planti, plumo, pluraj, pluralo, pluvo, pomo, ponto, porti, post, preciza, preferi, prepari, prezidi, privata, procedi, proksima, pronomo, propra, prosperi, protekti, provoki, pulmo, pura, putri, racio, radiko, rapida, rato, redukti, reflekti, regi, rekta, relativa, reno, respekti, respondi, reto, rezisti, rigida, rulo, sago, sako, sana, sango, sankta, sapo, scii, sekci, sekvi, semajno, senso, senti, sep, serpento, servi, signo, signifi, simila, simpla, singularo, skribi, skulpti, socio, solvi, soni, sonoro, sorbi, speco, sperta, spiri, spirito, stano, stato, stelo, sub, substantivo, super, supro, surda, ŝpini, teo, teksii, teni, tero, tereno, toleri, trans, trankvila, triki, trikoto, tubero, tuko, turni, tusi, unika, urbo, uzi, valida, valoro, vaporo, varii, vasta, vegetara, veni, vento, verbo, verso, veziko, vico, violono, viro, vitro, vivi, voki, volonte, volumo, volvi, zumi.

То же с семантическим сдвигом:

alia, beni, briko, diversa, evento, filo, fundo, grava, inventi, kampo, komponi, levi, manki, miri, nepo, piedo, pulvo, tabulo, verki, vermo, vesto.

Всего 359 слов.

Группа 8. Слова с незначительными различиями по сравнению со связанными элементами русских слов:

aludi, arĝento, bendo, benko, cerbo, certa, civito, ĉesi, ĉirkaŭ, dento, devi, difini, diri, distingi, efiki, eksplodi, entrepreni, establi, fajro, fari, festeni, forko, fortika, fraŭlo, gento, gliti, gvidi, ĝentila, herbo, homo, imagi, infekti, injekti, instigi, koni, kondiĉo, konduti, konsekvenco, kreski, kuiiri, kun, kurbo, legi, leĝo, leono, ludi, mejlo, mezo, montri, movi, naĝi, nombro, paĝo, pinĉi, polvo, popolo, pordo, posedi, povi, preskribi, premi, prezo, reĝo, rilati, ripari, ripeti, senco, ses, silko, societo, stari, strato, striko, sur, surfaco, ŝaŭmo, ŝipo, tajpi, trudi, tubo, tuta, unu, vegetalo, voĉo, vojo, volumeno, vorto.

То же с семантическим сдвигом:

ĉifono, hazardo, letero, naski, promesi, pulvoro, ŝlosi, tablo, tranĉi.

Всего 97 слов.

Группа 9. Слова, общность которых опознается лишь с трудом или путем этимологического анализа, или же общности нет.

Примеры: agrabla, butono, ĉambro, dolĉa, esperi, fidela, graso, ĝardeno, heziti, influi, je, kio, lasi, membro, nuko, orelo, pantoflo, rigardi, silenti, ŝmiri, timi, urso, varma.

Всего 956 слов.

Всего "Базовый официальный корнеслов" содержит 2389 разных элементов. Из подсчета исключены 69 элементов (54 деривационных и реляционных аффиксов, 8 собственных имен: Afriko, Ameriko, Atlantiko, Aŭstralio, Azio, Eŭropo, Mediteraneo, Pacifiko ; и 7 дублетных форм: aŭto, buĝeto, mekanismo, mekaniko, nul, proleto, tekniko). В итоге остается 2320 корневых слов. Распределение по группам:

группа 1	-	28 слов	, или	1,2%
Группа 2	-	622 слова	, или	26,8%
группа 3	-	30 слов	, или	1,3%
группа 4	-	59 слов	, или	2,5%
группа 5	-	30 слов	, или	1,3%
группа 6	-	139 слов	, или	6,0%
группа 7	-	359 слов	, или	15,5%
группа 8	-	97 слов	, или	4,2%
группа 9	-	956 слов	, или	41,2%

Прямые образцы в русском языке имеют слова, входящие в группы 1,2,3,5,7 - всего 1069 слов, или 46,1%. Опорные образцы в русском языке имеют слова, входящие в группы 4,6,8 - всего 295 слов, или 12,7%. Итого слов пласта наиболее употребительной лексики, имеющих образцы в русском языке - 1364, или 58,8%. Если учесть, что некоторой опознаваемостью обладает часть слов группы 9, то эта общность даже более значительна. При этом непременно следует иметь в виду, что пласт наиболее употребительной лексики обладает меньшей степенью интернациональности, чем другие слова, которые гораздо легче заимствуются разными языками, в том числе русским и эсперанто; это относится в первую очередь к слою интеллектуальной лексики и терминологии. Выбо-

рочный подсчет, проведенный на материале остальной части кодифицированной лексики (не обладающей широкой употребительностью, но обладающей повышенной интернациональностью) позволяет оценить общность лексики обоих языков в этом пласте в 75%.

Подчеркнем еще раз, что эта общность отражает не генетическое родство, как его понимает сравнительно-историческое языкознание, а интерлингвистическое понятие генетической общности элементов в результате сознательного отбора или заимствования из одного или нескольких источников.

3. СЕМАНТИКА

Вопрос о семантике заимствованных слов представляет большую сложность, ибо слова обычно заимствуются не во всех значениях; адаптируясь в заимствовавшем языке, слово получает новый семантический фон, обрастает ассоциациями и побочными значениями. Это заметил еще Р. Раск: "Но даже слова, являющиеся фактически тождественными в обоих языках, очень редко в них употребляются в той же самой связи, т.к. значение и употребление слов очень редко совпадают в двух даже очень близкородственных языках" [87, с. 40].

Чаще всего при заимствовании происходит сужение значений слов. То же имеет место и в эсперанто. Например, при заимствовании французского слова *répertoire* русский язык, а по его примеру и эсперанто, сохранили лишь побочное "театральное" значение: *repertuaro* "репертуар".

Идеал планового языка (как и терминологии) — лексика с однозначными словами. Французский интерлингвист и логик Л. Ку-

тура считал, что в плановом языке следует избегать сопутствующих значений. На это И.А. Бодуэн де Куртене справедливо заметил: "Ассоциаций не избежать и международному языку, так как на ассоциациях покоится вся жизнь психических явлений, в том числе и речи человеческой, как "искусственна" она бы ни была" [44, с. 74]. Действительно, объемистый "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" [195] регистрирует много значений и употреблений слов, почерпнутых при анализе функционирующего языка.

Отбор и заимствование слов в плановый язык имеют свои особенности, ибо они затруднены несовпадением семантических полей образцов этих слов в разных языках-источниках, а также потому, что слова проходят через языковое сознание автора и подвергаются интерференции. Носители планового языка, живущие в разных странах, тоже вносят свою долю в интерференцию. Это одна из причин некоторой неустойчивости семантики эсперанто [33, с. 12-13]. Она компенсируется ориентацией на разного рода нормы, а также сознанием необходимости быть понятным при общении с эсперантистами разных стран. Из совокупности этих факторов постепенно формируется усредненная международная семантическая норма.

Эсперантологи заметили вклад русского и польского языков в семантику многих эсперантских слов: "Для определенного числа лексем неславянского происхождения точный смысл, употребление и коннотации должны отыскиваться в славянских языках" (М. Дюк Гони-наз) [142, с. 38]; "Мы знаем, что тремя языками, самыми близкими Заменгофу, были русский, польский и немецкий; поэтому получилось, что комплексы идей этих языков совершенно естественно воздействовали на его мышление" (Г. Варенгъен) [230, с. 86-87].

Д. Бланке указывает на необходимость широких исследований

в этой области, ибо "именно в семантической структуре эсперантского слова отражаются различные влияния национальных языков" [124, с. 385]. Ряд примеров вклада русского языка в семантику эсперантских слов дают Г. Варенгъен [230], М. Дюк Гониаз [142, с. 38-40] и О. Бак [118, с. 271-272]. Поскольку этот вопрос требует систематического изучения дистрибуции эсперантских слов в сопоставлении с дистрибуцией соответствующих русских слов, он должен стать темой специальных исследований. Мы ограничимся рядом примеров, включая те, которые дают вышеупомянутые авторы.

Прежде всего, отметим те значения, которые были приписаны словам Заменгофом, а затем устарели и теперь не употребляются.

Bedauri "жалеть о чем-л." в значении kompati "жалеть кого-л."

Distri "рассеивать, развлекать" в значении disigi "рассеивать, разделять".

Enui "скучать" в значении sopiri "скучать, тосковать по чему-л.": enuo je la patrujo "тоска по родине" [46, с. 39]; это употребление вызвало недоумение нерусскоязычных эсперантологов [162, с. 64, 121, 124].

Gloro "слава" в значении famo "слава, известность, слухи".

Militi "воевать" в значении batali "сражаться".

Mano "рука (кисть)" в значении brako "рука (от плеча до кисти)".

Piedo "нога (ступня)" в значении kruro "нога от ступни до колена".

Mueli "молоть" в значении babili "болтать".

Ŝtofo "ткань" в значениях materialo "материал" и substanco "вещество".

Во многих других случаях семантика русских слов укоренилась в соответствующих эсперантских словах.

Aboni употребляется в значениях "подписаться на, выписать" и "абонировать, выписывать".

Акcepti "принимать" сочетает в себе значения французских глаголов accepter и recevoir: акcepti donacon "принять подарок", акcepti proponon "принять предложение", акcepti kiel veron "принять за истину", акcepti leĝon "принять закон", акcepti gastojn "принять гостей", акcepti aspekton "принять вид", акcepti kondiĉojn "принять условия", esti акceptita en la universitaton "быть принятым в университет"; совпадение дистрибуции в эсперантских и русских сочетаниях налицо.

Akra "острый" употребляется в сочетаниях типа akra pipro "острый перец".

Ĉasi "охотиться" употребляется в переносных значениях: ĉasi profiton "охотиться за выгодой".

Ĉe "у, при" (от фр. chez) употребляется в сочетаниях, необычных для французского языка: ĉe la tablo "у стола", ĉe la subiro de la suno "при заходе солнца", labori ĉe arta lumo "работать при искусственном свете", ĉe nerapida kalkulado "при небыстром счете", mi ektremas ĉe tiu penso "я вздрагиваю при этой мысли".

Deci употребляется не только в значении "приличествовать", но прежде всего в значении "надлежать".

Erari "ошибаться" употребляется также в значении "облуждать".

El "из" употребляется в сочетаниях типа krono el floroj "венки из цветов", fari el amo "сделать из любви".

Facila "легкий (нетрудный)" употребляется в таких сочетаниях: *facila vento* "легкий ветер", *kun facila koro* "с легким сердцем", *facila paŝo* "легкий шаг", *faciligi la animin* "облегчить душу", *facila dubo* "легкое сомнение", *facila mano* "легкая рука".

Galanterio употребляется не в значении французского *galanterie* "вежливость, галантность", а в значении "галантерея".

Gargari означает не только "полоскать горло", но и "прополаскивать посуду".

Ĝentila (от французского *gentil* "милый, любезный") употребляется в значении русского слова "вежливый".

Insulti употребляется в значениях "ругать" и "ругаться".

Kara употребляется в значениях "любимый" и "имеющий высокую стоимость".

Lai (от немецкого *laut*) расширил свою семантику и дистрибуцию в соответствии с русским предлогом "по".

Lerta происходит от французского слова *alerte*, но имеет значение русского слова "ловкий".

Oferi имеет значение русского "жертвовать", а не французского образца *offrir* "предлагать".

Opportuna соответствует русскому "удобный", а не французскому *opportun* "своевременный, благоприятный".

Pelvo "таз" употребляется в двух значениях: "сосуд" и "часть тела".

Plena "полный, наполненный" употребляется также в значении *kompleta* "полный (без пропусков)": *plena vortaro* "полный словарь".

Prudenta по семантике ближе к русскому "благоразумный",

чем к французскому *prudent* "осторожный, предусмотрительный".

Ŝanceliĝi "колебаться, шататься" употребляется также в значении *heziti* "колебаться, быть в нерешительности".

Ŝiri означает не только "рвать, разрывать", но и "срывать (цветы)".

Vekto означает "коромысло", а не "рычаг", как латинское *vectis*.

Vigla получило семантику русских слов "бодрый, оживленный", а не французского *vigilant* "бдительный".

Эти примеры показывают справедливость замечания Д. Брозовича: "Западноевропейцам труднее изучать употребление эсперантских корней, чем другим людям" [132, с. 10].

Разрабатывая первоначальный вариант проекта своего планового языка, Заменгоф широко использовал близкие по форме семантические пары типа *aŭdi* "слышать", *aŭti* "слушать". В окончательном варианте проекта такие априористические слова были исключены, но среди нескольких оставшихся по меньшей мере две пары созданы под влиянием русского языка: *enspezo* "доход" и *elspezo* "расход"; *pezi* "весить, иметь вес", *pesi* "вешать, взвешивать".

Поскольку в последние полвека основные эсперантологические и лексикографические работы осуществлялись на Западе, а влияние русскоязычных эсперантистов в литературе было невелико, стала заметной тенденция к окцидентализации эсперантской семантики [35, с. 98; 236], например, слово *poemo* "поэма" стало употребляться в значении *versaĵo* "стихотворение", а слово *normala* "нормальный" приобрело необычное значение в выражении *normala lernejo* "педагогическое (нормальное?) учебное заведение".

Впрочем, последнее имеет параллель в русизме *reala lernejo* "реальное училище". С другой стороны, под влиянием советской действительности ряд слов расширил свою семантику, например: *partizano* "партизан", *pioniro* "пионер".

Теперь рассмотрим, как функционируют в эсперанто слова, взятые непосредственно из русского языка.

Banto "бант". Наречие *bante* "в виде банта". *Bantigi* "завязать (бант, галстук и т.п.)". *Bantrozo* "розетка (украшение)".

Barakti "барахтаться, трепетать, метаться". Дополнительное значение "бороться против неблагоприятных обстоятельств": *barakti kontraŭ la morto* "бороться со смертью", *Barakta* "беспокойный, судорожный". *Baraktado* "барахтанье".

Brovo "бровь": *Kuntiri (sulkigi, kunŝovi) la brovojn* "нахмурить брови". *Interbrovo* "межбровье".

Bulko "булка, хлебец". *Buterbulko* "сдобная булка".

Celo "цель (прямое и переносные значения)": *Kiu rigardas ĉielon, maltrafas sian celon* "кто смотрит в небо, не попадает в свою цель"; *konduki al la celo* "вести к цели". *Celi* I. "целиться, метить, наводить": *celi anseron, trafi aeron* "целиться в утку, попасть в воздух"; 2. "подразумевать, иметь в виду": *tiu frazo celas vin* "эта фраза имеет в виду вас"; 3. "стремиться, ставить себе целью": *celi bonecon* "стремиться к добру". *Cela* "целевой". *Celado* I. "прицеливание"; 2. "стремление достичь чего-л.". *Celanta* "имеющий целью, предназначенный". *Celeco* "целесообразность". *Celil(ar)o* "прицел", *Celismo* "телеология". *Celumi* "наводить (орудие)". *Celunilo* "прицел (для наводки)". *Celdisko (=celtabulo)* "мишень". *Celfendo* "Прорезь прицела". *Celgrajno* "мушка (ружья)". *Cellinio* "прицельная ли-

ния". Celobjekto "цель, задача, объект". Celpunkto "точка прицеливания". Celtruo "прицельное отверстие". Alceli "нацеливаться". Alcela "целеустремленный". Ekceli "прицелиться, поставить себе целью". Lajcela "целесообразный". Lauceleso "целесообразность". Sencela "бесцельный". Sencele "бесцельно". Senceleso "бесцельность".

Ŝaro "шапка, головной убор без полей, колпак, колпачок (тех.)". Vaska ŝaro "берет". Marista ŝaro "бескозырка". Ŝareto "шапочка". Vizierŝaro "щурка".

Ŝerpi "черпать, извлекать, заимствовать". Ŝerpo (=el-ŝerpaĵo) "вычерпнутое". Ŝerpado "черпанье, извлечение, заимствование". Ŝerpeto "небольшое количество вычерпнутой жидкости". Ŝerpilo "черпак, разливная ложка". Deŝerpi "черпать с поверхности". Ekŝerpi "зачерпнуть". Elŝerpi "вычерпать, исчерпать, опорожнить, опустошить, израсходовать, истощить".

Elŝerpita "исчерпанный, опорожненный, опустошенный, истощенный, распроданный". Elŝerpiĝi "исчерпаться, опорожниться, иссякнуть, истощиться". Elŝerpiĝo "истощение, бессилие, израсходование". Neelŝerpebla "неисчерпаемый, неистощимый, неиссякаемый". Subŝerpi "зачерпнуть ниже поверхности".

Deĵori "дежурить, служить, занимать должность". Deĵoranto "дежурный". Deĵoro "дежурство, смена, вахта, срок службы". Deĵorejo "дежурное помещение". Deĵorŝanĝo "смена караула". Deĵorperiodo "срок дежурства, службы, служебных полномочий".

Domo "дом, здание": ĝemela domo "двухквартирный дом". Doma "домовый". Dome "дома". Domen "домой". Dometo "домишко". Domaŝaro "трущобы". Domaĵo "жилец". Domano "домашние, домашцы". Domego "домище". Domemulo "домосед". Dometo "домик".

Domistino "домработница". Domadministranto "управдом". Dombesto "домашнее животное". Domhavanto (=domposedanto) "домовладелец". Domkonstruado "домостроительство". Domkovristo "кровельщик". Dommastro "домохозяин". Dompastro "капеллан". Fidomo "подозрительный дом". Eksterdome "вне дома". Eldomigi "выселить". Kromdomo "хозяйственная постройка". Samdomano "сосед по дому". Anguldomo "угловой дом". Flordomo "зимний цветник". Ĝardendometo "садовый домик". Kulturdomo "дом культуры". Ludomo "дом сдаваемый в наем". Pundomo "исправительный дом". Ripozdomo "дом отдыха". Ruldomo "домик на колесах в виде прицепа, трейлер". Sinjordomo "господский дом". Somerdomo "дача". Terdometo "глинобитный дом, землянка". Urbodomo "муниципалитет".

Gladi "гладить (утюгом)". Gladado "глажение, утюжка". Gladilo "утюг". Gladistino "гладильница". Gladotabulo "гладильная доска".

Kaĉo "каша, пюре, густая похлебка, кашлица, неразбериха, ералаш". Kaĉigi "толочь, разминать". Kaĉigilo "толкушка, пест, пресс-пюре".

Klorodi "хлопотать, заботиться, ходатайствовать". Kloroda "хлопотливый". Klorodado (=klorodoj) "хлопоты". Klorodegi "из кожи (вон) лезть". Klorodema "хлопотливый, заботливый, старательный". Klorodigi "заставлять хлопотать".

Krano "кран": trivoja krano "трехходовой кран". Kranaro "арматура (водяная)". Elkrani "набрать из крана". Gaŭĝkrano "мерный кран". Pinĉkrano "зажим для шланга".

Krom 1. "кроме, за исключением"; 2. "кроме, вдобавок". Kromo (=kromaĵo) "дополнение". Kroma "дополнительный". Krome "кроме того". Krombaloto "доизбрание". Kromĉaro "прицеп, ко-

ляска". Kromedzino (=kromvirino) "любовница". Kromfolio "дополнительный лист". Krominformo "дополнительное сообщение". Kromklapo "запасный клапан". Kromnomo "прозвище". Krompagho "приплата". Kromgusto "привкус". Kromsono "призвук".

Kruta "крутой, отвесный": kruta frunto "крутой лоб". Kruti "быть крутым". Krutaĵo "крутизна, откос". Kruteco "крутизна". Interkrutejo "ущелье". Malkruta "пологий". Krutvalo "лощина". Krutvoĵeto "крутая тропинка".

Nepe "непреренно, обязательно". Nepra "непреренный, обязательный". Nepraĵo "нечто обязательное". Nepraco "непреренность". Neprigi "сделать непреренным, обязательным".

Nu "ну": nu, rigardu! "ну, посмотри!"; nu, iru! "ну, иди!"; nu, bone! "ну, хорошо!"; nu, mi devas konstati... "ну, мы должны отметить . . ."

Plugi "пахать, разрезать, изрезать". Plugo (=plugado) "пахота, вспашка". Plugeblo "пахотный". Plugejo (=plugokampo) "пашня". Plugilo "плуг". Plugileto "мотыга, кирка". Plugilboko (=plugilfero) "лемех". Plugisto "пахарь". Displugi "распахать". Elplugi "выкорчевать (плугом)". Surplugi "перепахать". Traplugi "пропахать, изрезать". Neĝplugilo "снегоочиститель".

Po "по": po du pomoj "по два яблока". Poduone "по половине". Pogrande "оптом". Pomalgrande (=podetale) "в розницу". Poiom "понемногу". Pomonata "помесечный". Popare "попарно". Popese "по частям, в рассрочку". Potaga "поденный".

Prava "правый, правильный, обоснованный". Prave "по праву". Pravo "право, правота". Pravi "быть правым, иметь основание". Pravaco "правота". Pravigi "оправдывать, обосновать". Pravigo "обоснование". Pravigeblo "защитимый". Praviĝi "оправдываться".

Praviĝo "оправдание". Malprava "неправый, необоснованный".
 Malprave "необоснованно, ошибочно". Malpravi "быть неправым,
 ошибаться". Senprave "безосновательно".

Svati "сватать". Svatado "сватовство". Svatanto "сват".
 Svatigi "свататься". Svatiganto "претендент". Svatistino
 "сваха". Svatagentejo "брачное посредническое бюро".

Vosto "хвост, задняя часть, рукоятка, древко, очередь":
 birda vosto "птичий хвост", aviadila vosto "хвост самолета".
 Vosta "хвостовой, задний". Vosteto "хвостик". Vostumi "вильять
 хвостом". Vostobazo "крестец". Vostoharo "конский волос". Vosto-
 naĝilo "плавник". Vostoplumo "длинное перо (у птиц)". Vostopor-
 tanto "паж-шлейфоносец". Vostorimeno "наспинный ремень в упря-
 жи". Vostosegilo "лобзик". Alvostigi "занять очередь". Senvosta
 "бесхвостый". Senvostuloj (=batrakoj) "бесхвостые (земноводные)".
 Hundovosto (=cinozuro) "собачий хвост, гребенник (бот.)". Liro-
 vostulo (=menuro) "лирохвост, птица-лира", Ponevosto (=ĉevalvo-
 sto) "хвост (женская прическа)". Ruĝvostulo (=fenikuro) "гори-
 хвостка". Ŝipvosto "корма". Vulpovosto "лисохвост (бот.)".

Рассмотрение функционирования слов, взятых непосредственно
 из русского языка, показывает, что они полностью адаптировались
 в эсперанто, обросли новыми значениями и ассоциациями, новыми
 производными и стали неотъемлемой частью языка. Этот вывод со-
 впадает с замечанием М. Дюк Гониана: "Славянский субстрат-ад-
 страт в области семантики полностью интегрировался в семантиче-
 ской системе современного эсперанто" [141, с. 74]. Кроме того,
 проведенный анализ показывает безосновательность отождествления
 эсперанто (реально функционирующего планового международного
 языка) с формализованными "языками", для которых характерна

строгая однозначность слов и стабильность семантики. Обладание семантикой, которая отличается от семантики этнических языков лишь меньшей многозначностью, позволяет эсперанто выразить тонкие оттенки мыслей и чувств, использоваться как в науке, так и в поэзии, что даже в принципе невозможно для формализованных языков.

4. ФРАЗЕОЛОГИЯ

Плановый международный язык с полным набором функций не может существовать без фразеологии [70, с. 72]. Поскольку Заменгоф задумал эсперанто как живой язык, пригодный и для эмоционального общения, и для художественной литературы, он с самого начала был сторонником наличия развитой фразеологии в плановом языке: "Национальных фразеологизмов, которые не представляют необходимости, мы должны, разумеется, избегать и мы должны стараться переводить их смысл самым логичным и интернациональным образом; но такие выражения, которыми каждый язык непременно должен обладать, мы должны стараться тем или иным образом переводить, а не просто избегать их из боязни, что наше выражение, возможно, не понравится читателям, или не все его сразу поймут" [247, с. 106]; "И в эсперанто есть различные (немногие) фразеологизмы, и совершенно безосновательно некоторые эсперантисты с ними борются, ибо язык абсолютно логичный и совсем без фразеологизмов был бы языком безжизненным и тяжеловесным; но хотя некоторые из эсперантских фразеологизмов взяты также из языков славянских (тогда как другие взяты из других языков), они, однако, являются не славянизмами, а эсперантизмами, ибо они стали

частью языка" [242, с. 417].

Как эсперантская лексика базируется на интернациональной лексике, так и эсперантская фразеология базируется на интернациональной фразеологии [135, с. 13]. Характеризуя интернациональную фразеологию, Э.М. Солодухо пишет: "К числу внешних показателей интернационального в сфере фразеологии относим совпадение звучания, написания, лексического наполнения, структуры. Содержательная сторона интернационального проявляется прежде всего по линии совпадения семантики и внутренней формы" [96, с. 147]. Но если нередко трудно определить образец эсперантского слова, то еще труднее определить образец эсперантского фразеологизма [72, с. 44]. Кроме фразеологизмов, построенных по моделям национальных языков, эсперанто создал и собственные фразеологизмы, среди них даже идиомы [80, с. 8-10; 133, с. 54].

Поскольку первыми эсперантскими авторами были жители России, в их речь проникло множество фразеологических оборотов, скалькированных с соответствующих русских оборотов, например: *jam ne* "уже не", *kiel eble plej bone* "как можно лучше", *ne parolante jam* "не говоря уже", *veni en la kapon* "прийти в голову" [152, с. 20], *la afero estas en tio* "дело в том", *per surmetita pago* "наложенным платежом" (устаревшее выражение). Эти обороты явились объектом подражания и укоренились в языке.

Фразеологизмы стали проникать в эсперанто вместе с появлением переводной и оригинальной литературы. Но массовое создание фразеологизмов началось в 1905 г., когда Л.М. Заменгоф приступил к публикации выпусков "Сборника эсперантских пословиц" [248; 253], в котором эсперантские пословицы, поговорки, фразеологические сочетания и афоризмы были расположены по алфавиту

русской части [245, с. 102] "Сравнительной русско-польско-французско-немецкой фразеологии", изданной его отцом М.Ф. Заменгофом [253]. Окончательный вариант эсперантского сборника содержит 2630 фразеологизмов.

При переводе фразеологизмов Заменгоф не сковывал себя формой образцов. Он руководствовался принципом передачи содержательной стороны в отточенной, часто рифмованной форме. Поэтому созданные им фразеологизмы своеобразны, хотя и основываются на образцах, взятых из языков-источников.

Приведем несколько примеров эсперантских пословиц, которые навеяны наверняка соответствующими русскими эквивалентами:

Naskiĝu, edziĝu kaj mortu - ĉiam monon alportu "Родись, женись, женись да умирай - все денежки давай" (дословно: "Родись, женись и умирай - все деньги приноси"). Sen laboro ne venas oro "чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть" (дословно "Без труда не приходит золото"). Ne helpas spregulo al malbelulo "На зеркало нечего пенять, коли рожа крива" (дословно "Не помогает зеркало уроду"). De ŝafo senlana eĉ lanero taugas "С лихой овцы хоть шерсти клок" (дословно "От овцы, не имеющей шерсти, даже клок шерсти пригодится"). En malfacila horo eĉ groŝ' estas valoro "Береги денежку на черный день" (дословно "В трудный час даже грош - ценность"). Tablon ornamas ne tuko, sed kuko "Не красна изба углами, а красна пирогами" (дословно "Стол украшает не скатерть, а пирог"). Oni vivas ne kun mono, sed kun persono. "Не с богатством жить, а с человеком" (дословно "Живут не с деньгами, а с человеком").

В дальнейшем количество эсперантских фразеологизмов стремительно увеличивалось благодаря росту литературы и публикации

сборников и списков фразеологизмов [61; 66; 136; 177; 198]. Они эффективно используются при обучении эсперанто [61]. Как отмечает М.И. Исаев, "ныне, по-видимому, пословично-поговорочный фонд эсперанто не уступает ни одному из развитых национальных языков. В этом нет ничего удивительного, т.к. эсперанто не страдает обычной для языков "тканевой несовместимостью", легко впитывает из национальных языков их выразительные богатства, включая и фразеологию... Примерно так же обстоит дело и с более "мелкими" фразеологическими единицами: идиомами, фразеологическими единствами, составными терминами и др., для создания которых образцами послужили также национальные языки" [55, с. 29-30].

Несмотря на наличие богатого фактического материала и на перспективность изучения эсперантской фразеологии, в том числе ее связи с национальными языками, в свете фразеологической типологии [32, с. 45], по этой тематике практически нет публикаций [135]. Мы ограничились здесь общей постановкой вопроса и некоторыми примерами связи эсперантской фразеологии с русской. Этот вопрос ждет специальных исследований на обширном фактическом материале.

Итак, русский язык внес значительный вклад в ядро эсперантской лексики - в пласт наиболее употребительных слов. Здесь в области формы слов общность эсперанто с русским языком составляет 58,8%. В области семантики и фразеологии статистические подсчеты затруднительны, но приведенные примеры свидетельствуют о наличии вклада русского языка в эсперанто.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Благодаря особенностям своей структуры и длительному использованию в большом международном коллективе плановый язык эсперанто приблизился по своим функциям и возможностям к развитым литературным национальным языкам.

2. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто показан в настоящем исследовании как результат генетической и генетико-типологической общности эсперанто с русским языком на фоне исторических и социальных условий.

3. Эсперантская фонемика является близкой копией русской фонемике, в которой значительно уменьшена позиционная вариантность. Заметно влияние русского языка на звуковой и графический облик эсперантских слов.

4. Выдвинута гипотеза о том, что моделью для агглютинативной морфемике эсперанто послужили богатая аффиксация русского языка и довольно отчетливая по сравнению с романскими и германскими языками морфологическая членимость русских слов в сочетании с последовательным применением принципа регулярности, основанного на аналогии.

5. Большинство эсперантских аффиксов формально и/или семантически восходят к аналогичным русским аффиксам, исконным, интернациональным или заимствованным. Это особенно заметно на примере архаизировавшихся дериватов, которые копируют русские дериваты, обладающие некоторой идиоматичностью. Сам принцип накопления аффиксов взят из русского языка, вследствие чего часто возможен поморфемный перевод русских неидиоматических

дериватов.

Сложение корней с полупрефиксами (предлогами-префиксами) копирует русские модели вплоть до таких деталей, как калькирование побочных, метафорических и даже идиоматических значений соответствующих русских аналогов.

Сложение корней и основ также во многом следует моделям русского языка, вследствие чего принципы словосложения, сформулированные для эсперанто, применимы также для анализа живых процессов словосложения русского языка.

Некоторые словообразовательные модели, взятые из русского языка, существуют и в других языках, что делает их интернациональными.

Лишь часть употребляющихся эсперантских производных и сложных слов являются кальками слов русского языка и других языков. Нынешняя тенденция в эсперантском словообразовании — не столько калькирование, сколько создание по существующим моделям новых слов, которые зачастую не имеют аналогов ни в русском, ни в других языках. Это происходит потому, что наполняемость эсперантских моделей ограничивается, в основном, лишь семантикой, т.е. наличием денотата, а путь от окказионального употребления до узуса, в отличие от национальных языков, очень короток.

6. Образование русских глаголов от имен с помощью материальных или нулевых аффиксов, функционирующих, в основном, в роли транспозиторов, явилось толчком к широкому использованию транспозиции, что привело к формулированию принципов необходимости и достаточности. Этому способствовали аналогичные явления и в других языках, прежде всего конверсия в английском языке.

7. Системы имен, наречий и служебных слов являются упрощенными и регуляризованными копиями систем русского языка. Особенно ярко проявился вклад русского языка в манифестирование категорий эсперантского глагола: времени, вида, наклонения, залога, переходности-непереходности, а также в образование и употребление причастий и деепричастий.

8. Наиболее значителен вклад русского языка в синтаксис эсперанто, который в основных чертах отражает своеобразие русского синтаксиса.

9. Лексика эсперанто основывается на интернациональном фонде мировых языков Европы, в котором прохождение изоглосс по русскому языку играет большую роль. При отборе слов в эсперанто русский язык играл роль решающего контрольного языка. В ядре эсперантской лексики — пласте наиболее употребительных производных (корневых) слов — 58,8% слов обладают общностью с аналогичными словами русского языка. Эта общность еще более значительна в периферийных по употребительности пластах лексики.

В области семантики и фразеологии статистические подсчеты затруднительны, но приведенные примеры свидетельствуют о заметном влиянии русского языка. Слова, взятые непосредственно из русского языка, интегрировались в эсперанто, обросли новыми значениями и ассоциациями, изменили свою дистрибуцию.

10. Несмотря на то, что эсперанто основывается на национальных языках-источниках, он не является их слепком, а обладает значительным своеобразием во всех ярусах и развивается по своим внутренним законам.

11. Проведенный анализ показал значительную генетическую и генетико-типологическую общность эсперанто с русским языком,

благодаря чему структуры обоих языков типологически близки друг другу. Именно поэтому изучение эсперанто не представляет больших затруднений для носителей русского языка. Осознание этой близости — залог дальнейшего благотворного влияния русского языка на эсперанто, чему должны способствовать в первую очередь русскоязычные эсперантисты.

С другой стороны, ни в какой этнический язык русский язык не внес и не может внести такого большого вклада (по крайней мере, в области грамматики и фонологии) как в плановый язык эсперанто. Изучение этого уникального феномена может быть полезным для теории и практики языкового строительства, для прогнозирования влияния русского языка, как языка межнационального общения, на другие языки народов СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3, с. 427.
2. Азимов П.А., Дешериев Ю.Д., Никольский Л.В., Степанов Г.В., Швейцер А.Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. - В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977, с. 8-19.
3. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. - Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972. - 215 с.
4. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? - ВЯ, 1961, № 3, с. 60-68.
5. Андреев Н.Д. Машинный перевод и проблема языка-посредника. - ВЯ, 1957, № 5, с. 117-121.
6. Арманд Д.Л. Человечество и океан информации. - В кн.: Проблемы лингвистики. Типология и эволюция международных языков. М.: Наука, 1976, с. 55-59.
7. Арманд Д.Л., Баранский Н.Н., Обручев С.В. Проблема международного языка для научных контактов. - В кн.: Известия Всесоюзного географического об-ва, т. 93, 1961, № 1, с. 297-303.
8. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - 151 с.
9. Ахманова О.С. Естественные языки и постановка проблемы создания искусственного вспомогательного языка в эпоху научно-технической революции. - В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977, с. 37-41.

10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 607 с.
11. Ахманова О.С., Александрова О.В. Некоторые теоретические проблемы советского языкознания. - ВЯ, 1980, № 6, с. 23-31.
12. Ахманова О.С., Бокарев Е.А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - ВЯ, 1956, № 6, с.65-78.
13. Ахманова О.С. и др. О точных методах исследования языка. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. - 162 с.
14. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. - М.: Наука, 1973. - 349 с.
15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. - 416 с.
16. Берг А., Арманд Д., Бокарев Е. 64 языка... и еще один. - Литературная газета, 28 августа 1968.
17. Бодуэн де Куртене И.А. Вспомогательный международный язык. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: АН СССР, 1963, с. 144-160.
18. Бокарев Е.А. Международный язык и наука о языке. - Известия ЦК СЭСР, М., 1928, № 5-6, с. 129-135.
19. Бокарев Е.А. О международном языке науки. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 21-25.
20. Бокарев Е.А. Современное состояние вопроса о международном вспомогательном языке. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 12-20.
21. Бокарев Е.А. Стихийное и сознательное в языке. - Русская речь, 1967, № 2, с. 10-15.

22. Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. 2-ое изд. - М.: Русский язык, 1982. - 488 с.
23. Бокарев Е.А. Язык-посредник и искусственные международные языки. - В кн.: Тезисы конференции по машинному переводу. 15-21 мая 1958. М.; I-ый МПШИЯ, 1958, с. 14.
24. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? - М.: Наука, 1977. - 264 с.
25. В секретариате ВКСПС. Об оказании помощи и содействия организации советских эсперантистов. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1980. № 2-3, с. 11-12.
26. Вторая всесоюзная конференция Ассоциации советских эсперантистов. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1982, № 5, с. 1-16.
27. Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике. - Л.-М.: Стандартгиз, 1935. - 302 с.
28. Григорьев В.П. И.А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: АН СССР, 1960, с. 53-66.
29. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 35-54.
30. Григорьев В.П. Об интернациональной языковой форме. - В кн.: Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965, с. 94-97.
31. Григорьев В.П. О границах между словообразованием и аффиксацией. - ВЯ, 1956, № 4, с. 38-52.
32. Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики. - ВЯ, 1966, № 1, с. 37-46.

33. Григорьев В.П. От редактора. - В кн.: Е.А. Бокарев. Эсперанто-русский словарь. М.: Русский язык, 1982, с. 7-17.
34. Григорьев В.П. Эволюция искусственного языка. - В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка". Ч. I. Самарканд: Изд-во ФАН, 1966, с. 49-52.
35. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 92-113.
36. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. - М.: Наука, 1966. - 402 с.
37. Доренко С.П. Языки в международных организациях. - In: Interlinguistica Tartuensis I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (УЗ ТартуIV. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 108-123.
38. Дрезен Э. Очерки теории эсперанто. - М.: ЦК СЭСР, 1931. - 84 с.
39. Дуличенко А.Д. Из истории интерлингвистической мысли в России. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 114-130.
40. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: Interlinguistica Tartuensis I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (УЗ ТартуIV. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 68-93.
41. Дуличенко А.Д. Концепция международного и всеобщего языка Э.К. Дрезена. - In: Interlinguistica Tartuensis 2. Теория и история международного языка (УЗ ТартуIV. Вып. 644) Тарту, 1983, с. 89-121.

42. Дуличенко А.Д. О некоторых направлениях лингвопроектирования в современной интерлингвистике. - In: *Interlinguistica Tartuenssis* 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуIV. Вып. 644). Тарту, 1983, с. 5-20.
43. Дуличенко А.Д. Советская интерлингвистика (аннотированная библиография за 1946-1982 г.г.). - Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1983. - 88 с.
44. Евстифеев Н.П. К вопросу о международном языке. Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. - СПб, 1903. - 134 с.
45. Жирков Л.И. Почему победил язык эсперанто? - М.: ЦК СЭСР, 1930, - 36 с.
46. [Заменгоф Л.]. Др Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. - Варшава, 1887. - 40 с.
47. Заменгоф Л. Международный язык эсперанто. Полный учебник с предисловием и двумя словарями. - Варшава, 1895. - 46+7 с.
48. Заменгоф Л. О международном языке эсперанто. - Дмитриевск, 1920. - 8 с.
49. [Заменгоф Л.]. Др Эсперанто. Полный словарь эсперантского (международного) языка. Часть русско-эсперантская. - Варшава, 1889. - 15+232 с.
50. Зиновьев [А.]. Международный язык эсперанто. - Колосья, СПб, 1890, № 7, с. 65-80.
51. Иванов В.В. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации. (Ин-т научной информации. Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 7). - М., 1961, - 44 с.

52. Изгур И., Колчинский В. Большой русско-эсперантский словарь. - М.: ЦК СЭСР, 1933. - 718 с.
53. Исаев М.И. Е.А. Бокарев и интерлингвистика. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 5-11.
54. Исаев М.И. Проблема искусственного языка международного общения. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 26-34.
55. Исаев М.И. Язык эсперанто. - М.: Наука, 1981. - 86 с.
56. Колкер Б.Г. Вклад русского языка в структуру эсперанто. - In: *Interlinguistica Tartuensia* 3. История и современное состояние интерлингвистики. (УЗ ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984, с. 74-108.
57. Колкер Б.Г. Влияние русского языка на лексику международного языка эсперанто. (Институт языкознания АН СССР). - М., 1984. - 20 с. - Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16218 от 05.04.84.
58. Колкер Б. Выражение глагольного вида. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1981, № 2-3, с. 31-32.
59. Колкер Б. Именная часть составного сказуемого. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1980, № 5-6, с. 31-32.
60. Колкер Б. Лев Толстой и международный язык. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1981, № 5-6, с. 24-28.
61. Колкер Б.Г. Методические разработки по международному языку

- эсперанто. - Уфа: Уфимский клуб эсперанто, 1980. - 94 с.
62. Колкер Б. Обозначение продолжения. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1980, № 4, с. 13-14.
63. Колкер Б.Г. О научной информации, барьере разноязычия и языке эсперанто. Эсперанто для химиков. - Химия и жизнь, 1982, № 7, с. 78-81; № 8, с. 80-83; № 9, с. 71-74; № 10, с. 75-79.
64. Колкер Б. Перевод русских глаголов с частицей -ся. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1980, № 2-3, с. 29-30.
65. Колкер Б.Г. Перспективы интерлингвистики в СССР. - В кн.: Материалы межвузовского семинара по современному советскому языкознанию. (Башкирский ун-т). Уфа, 1978, с. 11-14.
66. Колкер Б.Г. Слова и фразеология в помощь переводчику. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1982, № 1-2, с. 31-32.
67. Колкер Б.Г. Структура и проблемы интерлингвистики. - В кн.: Русский язык, его изучение в высшей и средней школе (Материалы XIII зональной научной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья. 20-23 мая 1969). Астрахань, 1970, с. 17-20.
68. Колкер Б. Употребление винительного падежа. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1981, № 7, с. 16-17.
69. Колкер Б. Эквиваленты сочетаний со связкой *estas*. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов) 1981, № 4, с. 16.

70. Копыленко М.М. О выразительных средствах эсперанто. — In: *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуУ. Вып. 644). Тарту, 1983, с. 65-76.
71. Корзлинский Н.В. и др. Русско-эсперантский словарь. Просмотрен д-ром Л. Заменгоф. — М., 1910. — 731 с.
72. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. — In: *Interlinguistica Tartuensis* I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики (УЗ ТартуУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 38-49.
73. Костомаров В.Г., Денисов П.Н. Мировое значение русского языка в XX в. и его положение среди других мировых языков.— В кн.: *Русский язык в современном мире*. М.: Наука, 1974, с. 47-84.
74. Котов Р.Г. Современная научно-техническая революция и ее влияние на развитие языка. — В кн.: *Онтология языка как общественного явления*. М.: Наука, 1983, с. 208-286.
75. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. — В кн.: *Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков*. М.: Наука, 1976, с. 60-78.
76. Кузнецов С.Н. О предмете и подразделениях интерлингвистики. — In: *Interlinguistica Tartuensis* I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (УЗ ТартуУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 15-37.
77. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики.— М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982. — 80 с.
78. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. — М.: Ун-т дружбы

народов им. П. Лумумбы, 1982. - 107 с.

79. Кузнецов С.Н. Принципы теоретического описания планового языка. - *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуГУ. Вып. 644). Тарту, 1983, с. 42-64.
80. Лукьянец Д.Г. Лингвистический анализ выразительных средств поэтической речи (на материале эсперанто и французского языка). Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. - М., 1983. - 20 с.
81. Маккинн Г.Ф. Проблема языка и Всемирная федерация научных работников. - *Мир науки*, М., 1961, № 2, с. 24-26.
82. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Перевод с франц. Н.Д. Андреева. Под ред. А.А. Реформатского. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. - 436 с.
83. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. - М.: Наука, 1972. - 565 с.
84. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М.: Наука, 1970. - 604 с.
85. Пеевский В. Наука и международный язык. - *Мир науки*, М., 1977, № 2, с. 13-17.
86. Пресса и книги. - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1980, № 1, с. 14-18; 1981, № 2-3, с. 26-28.
87. Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка. - В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Учпедгиз, 1960, с. 36-47.
88. Реформатский А.А. Введение в языкознание. - М.: Просвещение,

1967. - 542 с.

89. Решения Всесоюзной учредительной конференции Ассоциации советских эсперантистов (14 марта 1978 г.). - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов), 1979, № 1, с. 1-16.
90. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение, 1976. - 543 с.
91. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - М.: Наука, 1980, - 783 с.
92. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. - М.: Наука, 1980. - 709 с.
93. Русско-эсперантский словарь. Сост. Е.А. Бокарев, Я.В. Волевич, В.П. Григорьев, К.М. Гусев, И.В. Сергеев, А.В. Суперанская, И.Б. Ховес. Под ред. Е.А. Бокарева. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 536 с.
94. Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968. - 287 с.
95. Словообразование современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1968. - 300 с.
96. Солодухо Э.М. Об отдельных аспектах установления интернационального в сфере фразеологии на материале языков славянской, германской и романской групп. - In: *Interlinguistica Tartuensis I*. Актуальные проблемы современной интерлингвистики (УЗ ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 146-152.
97. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 694 с.
98. Старинин В.П. Вклад семитских языков в международный язык

- эсперанто. - В изд.: Семитские языки. Вып. 2, ч. I. (Материалы конференции по семитским языкам. 26-28 сентября 1964) М.: Наука, 1965, с. 249-253.
99. Стефанов Б. Общество "Эсперо" (историческая справка). - Информационный бюллетень (Ассоциация советских эсперантистов) . 1982, № 10-11, с. 22-24.
100. Успенский Б. Принципы структурной типологии. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. - 64 с.
101. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. - М.: Прогресс, 1964. - 562 с.
102. Ханазаров К.Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. - М.: Изд-во политической литературы, 1982. - 224 с.
103. Щанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. - 310 с.
104. Юшманов Н.В. Грамматика иностранных слов. - В кн.: Словарь иностранных слов. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1939, с. 659-708.
105. Ярцева В.Н. Предисловие. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 3-4.
106. dall'Acqua V. Influenze del russo sull'esperanto. - In: Revista italiana de esperanto, Torino, 1963, 19N 2, p. 10-17.
107. Adcock J. Esperanta prononco. - IN: Scienca revuo, Beograd, 1970, N 4-5, p. 103-106.
108. Adresaro de la personoj, kiuj ellernis la lingvon Esperanto. Serio I. (NN I ĝis 1000). - Varsovio, 1889. - 39 p.
109. Aktoj de la Akademio. 1963-1967. Oficiala bulteno de la Akademio de Esperanto. N 9. - Rotterdam-Paris: UEA-SAT,

[1968]. - 75 p.

- II0. Aktoj de la Akademio. II. 1968-1974. Oficiala bulteno de la Akademio de Esperanto. N 10. - Rotterdam-Paris: UEA-SAT, [1976]. - 79 p.
- III. Albault A. Etimologio, pra-Esperanto kaj Mistrala lingvo.- In: Esperantologio, Vol. 2. Kopenhago, 1961, N 2, p. 87-92.
- II2. Ammer K. Komparo de la Esperanta korelativa tabelo kun la sanskrita. - In: Sciencia revuo, Purmerend, 1952, N 4, p. 148-150.
- II3. Ari V. Il castigliano come base e mezzo di pianificazione interlinguistica. - Bellinzona: Hans Dubois, 1983. - 52 p.
- II4. Atanasov A.D. La lingva esenco de Esperanto. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1983. - 175 p.
- II5. [Atanasov A.D.]. ADA. Komenci - komenciĝi. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1959, N 6, p. 23.
- II6. Auld W. The development of poetic language in Esperanto. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1976. - II p.
- II7. Aymonier C. Essai sur la dérivation comparée dans les langues naturelles et artificielles. - Paris: Office centrale espérantiste, 1921. - 133 p.
- II8. Back O. Pri planlingva etimologio. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 266-276.
- II9. Bastien L. Naŭlingva etimologia leksikono. - Rickmansworth: The Esperanto Publishing Co., 1950. - 317 p.
- II0. Baza Radikaro Oficiala. - In: Aktoj de la Akademio II. 1968-1974. Oficiala bulteno de la Akademio de Esperanto. N 10. Rotterdam-Paris: UEA-SAT, [1976], p. 28-54.
- II1. Bernasconi E. Esperanto et Interlingua. - La Chaux-de-

Fonds: Centre culturel espérantiste, 1976. - 26 p.

- I22. Blanke D. Interlinguistik: Gegenstand, Probleme, Ergebnisse. - In: Sprachpflege, Leipzig, 1983, Heft 2, S. 17-20.
- I23. Blanke D. Karl Marx kaj Friedrich Engels pri la "langue universelle". - In: Der Esperantist, Berlin, 1983, N 6, p. 121-126.
- I24. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo kaj planlingvo: kelkaj problemoj de la vortfarado de la germana kaj Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 380-399.
- I25. Blanke D. Lingvoplanado en planlingvo (la esperantologio, ĉu priskriba aŭ preskriba scienco?). - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Ústí nad Labem: Ĉeĥa esperanto-asocio, 1980, p. 52-55.
- I26. Bokarev E.A. Esperanto, la lingva kreaĵo de Zamenhof. - In: Memorlibro por la Zamenhof-jaro. Londono: Universala Esperanto-Asocio, 1960, p. 31-32.
- I27. Bokarev E.A. Fonemo kaj sono en Esperanto. - In: Paco, Berlin, 1974, p. 29-30.
- I28. Bokarev E. La internacia lingvosituacio kaj eblecoj de raciigo. - In: Esperanto: Lingvo, movado, instruado. Berlin: Kulturbund der DDR Zentraler Arbeitskreis Esperanto, 1977, p. 43-48.
- I29. Boulet P. Du mil novaj vortoj, ĉerpitaj el la verkaro de Zamenhof. - Paris: Hachette, 1908. - 15+79 p.
- I30. Boulton M. Zamenhof, aŭtoro de Esperanto. - La Laguna: Stafeto, 1962. - 267 p.
- I31. Brozović D. Denove pri la fontoj de Esperanto. Zamenhof

- kaj la litova lingvo. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1959, N I2, p. 40.
- I32. Brozović D. Zamenhof kaj la litova lingvo. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1959, N I, p. IO-II.
- I33. Butler M.C. Klasifo de Esperantaj temoj. - Bergen of Zoom: Esperanto Film-grupo, 1955. - I44 p.
- I34. Collinson W.E. The internationality of some Esperanto affixes. - In: Esperantologio. Vol. I. Kopenhago, 1950, N 2, p. 8I-88.
- I35. Csiszár A. Pri la Esperanta frazeologio. - In: Sciencaj komunikaĵoj. Suplemento de "Budapeŝta informilo", Budapeŝt, 1975, julio, p. I3-I5.
- I36. Csiszár A., Kalocsay K. Domfabriko. 6000 frazeologiaj esprimoj hungaraj-Esperantaj. - Budapeŝt: Hungara Esperanto-Asocio, 1975. - I88 p.
- I37. Danovskij N. Scienca informado - la plej perspektiva kanalo. - In: Internacia ĵurnalistoj, Sofio, 1974, N 2, p. I-2.
- I38. Dembski E. Pri la duspeca sintaksa funkcio de la adverb-participa formo. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1959, N 2, p. I4-I6.
- I39. Drezen E. Analiza historio de Esperanto-movado. - Leipzig: EKRELO, 193I. - 95 p.
- I40. Drezen E.K. Zamenhof. - In: Socipolitikaj aspektoj de la Esperanto-movado. Budapeŝt: Hungara Esperanto-Asocio, 1978, p. I25-I65.
- I4I. Duc Goninaz M. L'influence des langues slaves sur le système sémantique de l'Espéranto. - In: Revue des études slaves. Communications de la délégation française au VIIIe

Congrès international des slavistes. Zagreb (3-9 septembre 1978). Tirage à part. Paris, 1978, N I-2, p. 71-74.

- I42. Duc Goninaz M. Les influences slaves en espéranto. - In: Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique (Institut de linguistique générale et d'études orientales et slaves. Université de Provence). Aix-Marseille, 1974, N 3-4, p. 31-53.
- I43. Enciklopedio de Esperanto. Represo de la I-a eld. - Budapest: Hungara Esperanto-Asocio, 1979. - 604 p.
- I44. Faulhaber F. Esperanta mozaiko. - Haarlem: Asocio de laboristaj esperantistoj, 1967. - 119 p.
- I45. Forster P.G. The Esperanto Movement. - The Hague-Paris-New York: Mouton, 1982. - I4+413 p.
- I46. Gogol N.V. La revizoro. El rusa lingvo tradukis Dro L.L. Zamenhof. Represo de la 2-a eld. - Oosaka: Japana Esperanta Libro-kooperativo, [1978]. - 99 p.
- I47. Gold D. Toward a study of possible Yiddish and Hebrew influence on Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 300-367.
- I48. Golden B. Bibliografiaj donitaĵoj pri eblaj planlingvaj fontoj de Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 279-299.
- I49. Golden B. Ĉu estas germanaj vortoj en Esperanto? - In: Der Esperantist, Berlin, 1983, N 6, p. 128-129.
- I50. Golden B. Pri la problemo de "hungara dialekto de Esperanto". - In: Budapeŝta informilo, Budapest, 1973, N10, p. 10-11.
- I51. Gregor D.B. Cultural value of Esperanto. - Rotterdam:

Universala Esperanto-Asocio, 1979. - 9 p.

- I52. Gregor D. La fontoj de Esperanto. - Glasgow: Kardo, 1982.
- 3I p.
- I53. Gregor D. La plej fruaj senafiksaj kunmetaĵoj en Esperanto. - In: Scienca revuo, Beograd, 1974, N 2-3, p. 8I-I02; 1976, N 5-6, p. I53-I56; 1978, N 3, p. I29-I33.
- I54. Gregor D. La Zamenhofa uzado de "kvazaŭ". - In: Scienca revuo, Beograd, 1970, N 4-5, p. I45-I48.
- I55. Gregor D.B. Pri kvin lingvoprojektoj. - In: Esperanto, Rotterdam, 1984, N 2, p. 32.
- I56. Haszpra O. Tendoj en la scienca kaj faka aplikado de Esperanto. - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Vol. I. Žilina: Scienc-teĥnika sekcio de AESSR, 1981, p. I-5.
- I57. Holzhaus A. Doktoro kaj lingvo Esperanto. - Helsinko: Fondumo Esperanto, 1969. - 524 p.
- I58. Hršel Z. Apliko de Esperanto en la laboro de informcentroj. - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Žilina: AESSR. Scienc-teĥnika fako, 1978, p. I8-24.
- I59. Ĥvorostin S. Cara cenzuro kaj Esperanto. - In: Scienca revuo, Beograd, 1972, N I-2, p. 37-46; N 3, p. 79-88.
- I60. Isajev M.I. Pri bazaj metodologiaj problemoj de interlingvistiko. - In: Socipolitikaj aspektoj de la Esperanto-movado. Budapeŝto: Hungara Esperanto-Asocio, 1978, p. 2II-2I5.
- I6I. [Ito K.]. Senlegenda biografio de L.L. Zamenhof (Plena verkaro de L.L. Zamenhof. Kromkajero I). - Kioto: Ludovikito, 1982. - 309 p.
- I62. [Ito K., Maimon N., Waringhien G.]. Korespondaĵo ludovi-

- kologia (Plena verkaro de L.L. Zamenhof. Kromkajero 2). - Kioto: Ludovikito, [1982]. - 277 p.
- I63. Kalocsay K. Hungarismoj en Esperanto. - In: Hungara vivo, Budapest, 1963, N I, p. 20-21.
- I64. Kalocsay K. Lingvo, stilo, formo. - Oosaka: Pirato, 1970. - 161 p.
- I65. Kalocsay K. Vojaĝo inter la tempoj. - La Laguna: Régulo, 1966. - 197 p.
- I66. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1980. - 598 p.
- I67. Kavka J. La fonemo ĥ kaj ties transformoj en la internacia scienca leksikologio. - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Ústí nad Labem: Ĉeĥa Esperanto-Asocio, 1980, p. 93-100.
- I68. Kawasaki N. Prefiksitaj vortoj el Zamenhof: Plena vortaro rusa-internacia. - Oosaka: eld. la aŭtoro, 1974. - 84 p.
- I69. Kawasaki N. Sufiksitaj vortoj el Zamenhof: Plena vortaro rusa-internacia. - Oosaka: eld. la aŭtoro, 1975. - 9 p.
- I70. Kent J.R. Language utilization for improved information management. The necessity of Esperanto. - In: Information processing and management. Vol. 14, Oxford, 1978, p. 363-368.
- I71. Kolker B.G. Landa movado nun sur nova nivelo. - In: Esperanto, Rotterdam, N 10, p. 163-164.
- I72. Kotzin B. Historio kaj teorio de Ido. - Moskvo: Librejo "Esperanto", 1913. - 144 p.
- I73. Kühnel H. Die romanischen Wortschazelemente des Esperanto.

- In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Band 34, Berlin, 1981, Heft 3, S. 298-304.

- I74. La neforgeseblaj kongresoj (Plena verkaro de L.L. Zamenhof. Kajero 7-bis). - Kioto: Ludovikito, 1984. - 303 p.
- I75. La Torre M., Corsetti R., Vessella N. Pliriĉigo de la morfemaro en la internacia helplingvo. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 368-379.
- I76. La Zamenhofa Esperanto. Simpozio pri -ata-/-ita-. - La Laguna: Régulo, 1961. - 338 p.
- I77. Lentaigne L. Kiel diri... Praktika Esperanta frazeologio (5000 esprimoj). - Laroque Timbaut: Cercle espérantiste de l'Agenais, 1980. - 180 p.
- I78. Lienhardt A. Optimala ortografio de la internacia lingvo Esperanto. - Milouse: O.E.O., 1978. - 122 p.
- I79. Linnamägi M. Über die lexikalische Selbständigkeit der Suffixe in den Nationalsprachen und im Esperanto. - In: Linguistica IV. Tartu, 1971, S. 37-52.
- I80. Lo Jacomo F. Liberté ou autorité dans l'évolution de l'Espéranto. - Paris: eld. la aŭtoro, 1981. - 384 p.
- I81. Maimon N. La kaŝita vivo de Zamenhof. - Tokio: Japana Esperanto-instituto, 1978. - 214 p.
- I82. Malovec M. La verbaj aspektoj en Esperanto. - In: Starto, Praha, 1984, N 1, p. 13-15.
- I83. Manders W. Interlingvistiko kaj esperantologio. - Purmerend: Muusses, 1950. - 77 p.
- I84. Meysmans J. Eine neue Wissenschaft. - In: Plansprachen. Beiträge zur Interlinguistik. Darmstadt: Wissenschaftliche

Buchgesellschaft, 1976, S. III-II2.

- I85. Mimó L. Decidaj argumentoj. - Sabadell: eld. la aŭtoro, 1963. - 18 p.
- I86. Mimó L. Kompleta lernolibro de regula Esperanto. - Sabadell: eld. la aŭtoro, 1973. - 189 p.
- I87. Mimó L. Perfekteco de la Esperantaj verboj. - Sabadell: eld. la aŭtoro, 1961. - 38 p.
- I88. Modrijan F. Elementoj latinaj en Esperanto. - Ljubljana: Esperanto-klubo, [1938]. - 46 p.
- I89. Monnerot-Dumain M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris: Librairie Moline, 1960. - 208 p.
- I90. Neergard P. La esperantologio kaj ties disciplinoj. Taskoj kaj rezultoj. - Kopenhago: Laborista Esperanto-klubo, 1942. - 64 p.
- I91. Oljanov V. "Kvazaŭ" kaj la verbaj modoj. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1963, N 9, suplemento, p. III.
- I92. [Ossaka K.]. Prilingvaj artikoloj de Ossaka. Kompilita de Naokazu Kawasaki. - Oosaka: Kasiwara Esperanta Dokumentocentro, 1978. - 57 p.
- I93. Phillips H. An attempt towards an International Language.- N.Y.: Henry Hold and Co., 1889. - 56 p.
- I94. Piron C. La okcidenta dialekto. - In: Esperanto, Rotterdam, 1977, N 7-8, p. 125-126.
- I95. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. Ĉefredaktoro G. Waringhien. - Paris: SAT, 1970. - 1299 p.
- I96. Pluhar Z. Konciza historio de la nomenklaturado en Ĥemio. - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Ústí nad Labem: Ĉeĥa Esperanto-Asocio, 1980, p. 78-85.

- I97. Pluhar Z. Problemoj de la sistema ĥemia nomenklaturó en la internacia lingvo. - In: Apliko de Esperanto en scienco kaj teĥniko. Ústí nad Labem: Ĉeĥa Esperanto-Asocio, 1980, p. 86-93.
- I98. Poppeck F. La vivo estas tute alia. Saĝaj kaj instruaj, admonaj kaj kuraĝigaj pensoj. - Oberkirch: Esperanto-informejo, 1980. - 32 p.
- I99. Privat E. Historio de la lingvo Esperanto. Deveno kaj komenco. 1887-1900. Dua eldono. - Hago: Internacia Esperanto-Instituto, [1923]. - 74 p.
200. Privat E. Historio de la lingvo Esperanto. 1900-1927. - Leipzig: Hirt, 1927. - 199 p.
201. Privat E. Vivo de Zamenhof. - Rickmansworth: The Esperanto Publishing Co., 1957. - 133 p.
202. Reiersøl O. Participoj kaj konjugaciaj formoj en Esperanto. - Oslo: Esperanto-forlaget, 1980. - 91 p.
203. Rossetti R. Spegulo de Esperantaj stiloj. - Lelystad: Vulpo-libroj, 1976. - 16 p.
204. de Saussure R. La vort-teorio de Esperanto. - Genève: Universala Esperantia Librejo, [1914]. - 79 p.
205. de Saussure R. Resumo de la teorio de Antido. - Genève: Universala Esperantia Librejo, 1910; represo: Saarbrücken: Iltis, 1982. - 53 p.
206. Schulze K. [Recenzo pri la libro] "Defendi la pacon, preventi nuklean militon". - In: Der Esperantist, Berlin, 1983, N 6, p. 143.
207. Setälä V. et al. Esperanto - moderna lingvo. - Helsinki: Fondumo Esperanto, 1965. - 136 p.

208. Silfer G. Enkonduko al literatura kritiko. - Kuopio-Liège: Someraj universitataj kursoj, 1978. - 44 p.
209. Simeonov S. Nuntempa scienca informado kaj dokumentado kun aparta konsidero de la lingvaj problemoj. - In: Scienca revuo, Beograd, 1970, N 3, p. 81-92.
210. Skupas L.J., Stražnickas L.J. Semantikaj sencoj de reflektivaj verboj el la lingvoj litova, franca kaj Esperanto. - In: Interlinguistica Tartuensis 2. Теория и история международного языка. (УЗ ТартуIV. Вып. 644). - Тарту, 1983, с. 77-82.
211. Spiridoviĉ E. Genia lingvisto venkita de etburĝeco. Fundamentaj momentoj en la lingva teorio de Zamenhof. - Kioto: L'Omnibuso, 1976. - 27 p.
212. Stojan P.E. Bibliografio de Internacia lingvo. - Genève: Universala Esperanto-Asocio, 1929. Represo: Hildesheim-New York: Georg Olms Verlag, 1973, 6+561 p.
213. Stojan P. Deveno kaj vivo de la lingvo Esperanto. - Brugge: Flandra Esperanto-instituto, 1953. - 110 p.
214. Szerdahelyi I. Interlingua - interlingvo - interlingvistiko: novaj lingvistikaj terminoj. - In: Interlingvistikaj kontribuaĵoj. Paderborn: Esperanto-centro, 1981, p. 5-29.
215. Szerdahelyi I. Krestomatio de Esperanta literaturo. Tekstoj, dataro, bibliografio. Vol. I. - Budapest: Tankönyvkiadó, 1979. - 466 p.
216. Szerdahelyi I. La Esperanta morfemaro. - In: Esperantologiaj kajeroj I. Budapest: Universitato Eötvös Lorand, 1976, p. 61-117.
217. Tauli V. Introduction to the Theory of language planning.

(Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Philologiae Scandinavicae Upsaliensia. 6). - Uppsala, 1968. - 227 p.

218. Tišljár Z. Frekvencmorfemaro de parolata Esperanto. - Zagreb: Internacia kultura servo, [1981]. - 41 p.
219. Tonkin H. Esperanto and international language problems: a research bibliography. 4th edition. - Washington: Esperanto foundation, 1977. - 45 p.
220. Tonkin H., Hoeksema T. Esperanto and literary translation. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1982. - 36 p.
221. Trubetzkoy N.S. Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein? - In: Plansprachen. Beiträge zur Interlinguistik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976, S. 59-110.
222. Trunte H. Ĉu la litova lingvo influis Esperanton? - In: Esperanto, Rotterdam, 1971, N 6, p. 104-105.
223. Vaskó T. Ĉu ideala sonsistemo? - In: Esperantologiaj kajeroj I. Budapest: Universitato Eötvös Lorand, 1976, p. 15-43.
224. Vatré H. Neologisma glosaro. Eta postrikolto al PIV. - Saarbrücken: Iltis, 1983. - 50 p.
225. Wacha B. La ag-aspekto en Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 413-422.
226. Wajsblum M. Internacieco de kelkaj Esperantaj afiksoj. - I In: Esperantologio. Vol. I. Kopenhago, 1951, N3, p.205-206.
227. Waringhien G. ABC de l'Espéranto à l'usage de ceux qui aiment les lettres. 2-me édition. - Paris: Union française pour l'Espéranto, 1967. - 75 p.
228. Waringhien G. Grand dictionnaire Espéranto-Français. - Paris: SAT-Amikaro, 1976. - 367+16 p.

229. Waringhien G. Inventaro de la fundamenta kaj oficiala vorttrezoro. - Scienca revuo, Purmerend, 1955, N 4, p. 137-143.
230. Waringhien G. Lingvo kaj vivo. - La Laguna: Stafeto, 1959, - 449 p.
231. Waringhien G. I887 kaj la sekvo... Esperantologiaj eseoj I IV. - Antverpeno-La Laguna: TK-Stafeto, 1980. - 293 p.
232. Wells J. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1978. - 76 p.
233. Wüster E. Esperantologiaj studoj. - Antverpeno-La Laguna: TK-Stafeto, 1978. - 254 p.
234. Wüster E. La oficiala radikaro kun enkonduko kaj notoj. - Berlin: Ellersiek & Borel, 1923. - I6+70 p.
235. Zakrzewski A. Historio de Esperanto. I887-I9I2. - Varsovio: Gebether kaj Wolff, I9I3. Represo. Varsovio: Pola Esperanto-Asocio, 1979. - I44 p.
236. Zaljotov G.A. Pri kelkaj kontraŭzamenhofaj difinoj en la Plena Vortaro. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1960, N I2, p. 20-2I.
237. Zamenhof L.L. Antaŭen al la laboro (Plena verkaro. Kajero 3). - Kioto: Ludovikito, 1974. - 35I p.
238. Zamenhof L.L. De Patronia al Ŝekspir (Plena verkaro. Parto dua, vol. I). - Kioto: Ludovikito, 1984. - 439 p.
239. Zamenhof L.L. Fundamenta krestomatio de la lingvo Esperanto. I7-a eld. - Rickmansworth: Esperanto Publishing Co., 1969. - I5+442 p.
240. Zamenhof L.L. Fundamento de Esperanto. 9-a eld. - Marmande: Esperantaj Francaj Eldonoj, 1963. - 355 p.

241. Zamenhof L.L. Hebreo el la geto (Plena verkaro. Kajero 5).
- Kioto: Ludovikito, 1976. - 46I p.
242. Zamenhof L.L. Klopodis organizi, sed vane (Plena verkaro.
Kajero 7). - Kioto: Ludovikito, 1980. - 446 p.
243. Zamenhof L.L. Kun gradaj paŝoj eksterlanden (Plena verk-
aro. Kajero 6). - Kioto: Ludovikito, 1979. - 427 p.
244. Zamenhof L.L. Leteroj. Prezento kaj komento de G. Wa-
ringhien. Vol. I. - Paris: SAT, 1988. - 369 p.
245. Zamenhof L.L. Mortinta, sed senmorta (Plena verkaro. Kaje-
ro 9). - Kioto: Ludovikito, 1981. - 518 p.
246. Zamenhof L.L. Ni laboru kaj esperu (Plena verkaro. Kajero
2). - Kioto: Ludovikito, 1974. - 350 p.
247. Zamenhof L.L. Por kaj kontraŭ reformoj (Plena verkaro.
Kajero 8). - Kioto: Ludovikito, 1980. - 383 p.
248. Zamenhof L.L. Proverbaro Esperanta. 2-a eld. - Paris:
Esperantista Centra Librejo, 1925. - 82 p.
249. Zamenhof L.L. Tamen la afero progresas (Plena verkaro. Kaj-
ero 4). - Kioto: Ludovikito, 1975. - 422 p.
250. Zamenhof L.L. Universala vortaro de la lingvo internacia
Esperanto. - Varsovio, 1893. - 52 p.
251. Zamenhof L.L. Unuaj libroj por esperantistoj (Plena verk-
aro. Kajero I). - Kioto: Ludovikito, 1973. - 160 p.
252. [Zamenhof L.]. D-ro Esperanto. Wörterbuch der Internatio-
nalen Esperanto-Sprache. International-deutscher Teil.
Meza vortaro Internacia-Germana. - Warschau, 1889. - 78 p.
253. [Zamenhof L.L., Zamenhof M.F.]. A. Holzhaus. Proverboj
de Marko Zamenhof kaj de Lazaro Zamenhof. - Helsinko:
Fondumo Esperanto, 1980. - 704 p.